

Министерство образования и науки Российской Федерации
Горно-Алтайский государственный университет

**Древности
Сибири и Центральной Азии
№4(16)**

Горно-Алтайск, 2011

Министерство образования и науки Российской Федерации

Горно-Алтайский государственный университет

Научно-исследовательская лаборатория
по изучению древностей Сибири и Центральной Азии

**Древности
Сибири и Центральной Азии
№4(16)**

Горно-Алтайск
2012

УДК 902/904
ББК 63.4

Древности Сибири и Центральной Азии.
Сборник научных трудов / под ред. В.И. Соёнова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2012. –
№4(16) – 146 с. + цв. вкл.

ISBN 978-5-91425-072-7

Ответственный редактор – к.и.н., доцент **В.И. Соёнов**

Сборник подготовлен Научно-исследовательской лабораторией по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета в рамках реализации проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011) госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации и проекта «Свод памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, Верхнего и Среднего Енисея: подготовка к изданию» (№11-01-00191а) Российского гуманитарного научного фонда.

Электронную версию издания «Древности Сибири и Центральной Азии»
читайте на сайте ГАГУ <http://www.gasu.ru/>

ISBN 978-5-91425-072-7

© В.И.СОЁНОВ, составление, оформление, макет, 2012

Соёнов В.И.

(г. Горно-Алтайск, Россия)

**ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНОСТЕЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ГАГУ
в 2011 г.***

Научно-исследовательская лаборатория по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета образована 02 февраля 2009 года. Она создана для реализации научно-исследовательских проектов в области археологии, истории материальной культуры, исторической географии, краеведения, культурологии, музееведения и т.д. Лаборатория действует на основании Устава ГАГУ и Положения, утвержденного Ученым советом университета 22 января 2009 г.

В отчетном полевом сезоне 2011 г. сотрудниками лаборатории производились полевые и камеральные работы по научно-исследовательским проектам Министерства образования и науки Российской Федерации, Российского гуманитарного научного фонда, а также изыскания в рамках научно-исследовательских договоров с администрацией Кош-Агачского района Республики Алтай и ООО "Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз" (г. Санкт-Петербург). В этих исследованиях принимали участие к.и.н., в.н.с. С.В. Трифанова, к.и.н., доцент, с.н.с. А.В. Эбель, с.н.с. – Н.А. Константинов, н.с. – Е.А. Штанакова, Д.В. Соёнов и другие.

По первому виду работ в отчетный период подготовлены и проведены разведочные изыскания в Майминском, Шебалинском, Онгудайском, Кош-Агачском районах Республики Алтай. Полевые археологические работы производились по Открытым листам (разрешениям): № 401, выданному В.И. Соёнову Росохранкультурой на основании распоряжения № 46 от 06 июня 2011 г.; № 855, выданному Н.А. Константинову на основании распоряжения № 58 от 28 июля 2011 г.

В ходе подготовки экспедиции сотрудниками лаборатории осуществлялись следующие виды работ: изучение и систематизация опубликованной литературы по темам исследований; ознакомление с графическими, текстовыми и вещественными материалами экспедиций, хранящимися в фондах и архивах различных научных учреждений; обучение участников экспедиции методике полевых исследований и первичной обработке материалов; закупка оборудования, материалов, инвентаря, продуктов; инструктажи участников полевых и камеральных работ; и.т.д.

По проекту Минобрнауки Российской Федерации «Древняя и средневековая фортификация Алтая» (№ 2.1.3/11293) АВЦП "Развитие научного потенциала высшей школы" в Майминском и Шебалинском районах осуществлялись поиски новых памятников и обследование ранее известных объектов.

Сотрудники лаборатории Н.А. Константинов, Е.А. Штанакова, Д.В. Соёнов в ходе осмотра Манжерокского городища в Майминском районе (Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008, с. 46-47) зафиксировали значительное разрушение культурного слоя при недавней прокладке трубы межпоселкового газопровода. Под

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательских проектов «Древняя и средневековая фортификация Алтая» (№ 2.1.3/11293) Аналитической ведомственной целевой программы Министерства образования и науки Российской Федерации "Развитие научного потенциала высшей школы" и «Свод памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, Верхнего и Среднего Енисея: подготовка к изданию» (№ 11-01-00191а) Российского гуманитарного научного фонда.

трубу была вырыта траншея глубиной более 1 м и шириной около 1 м, проходящая посередине просеки через всю территорию городища, параллельно линиям ЛЭП и линии связи. Учитывая размеры памятника, можно предполагать, что объемы вскрытой площади составляют более 500 м³. Более того, поверхностный слой участка городища, прилегающего к траншее, получил значительные деформации вследствие закапывания трубы с применением тяжелой гусеничной техники. В зоне траншеи газопровода нами был собран подъемный материал, представленный в основном фрагментами керамики. Официальная информация о факте разрушений с фотографиями была передана в региональный орган охраны памятников истории и культуры – Министерство культуры Республики Алтай для принятия соответствующих мер.

В этом же районе был осуществлен поиск городища Майма-ХХ, отмеченного в научной литературе. Памятник был обнаружен С.М. Киреевым в конце 90-х годов XX века в ходе разведочных работ. По его описанию, городище было расположено на территории Майминского археологического комплекса: «... в 1,6 км к северу от с. Майма на двух террасовых подошвах южной экспозиции г. Малый Камень... На плоских уступах видны две линии, каждая из трех западин. Западины первой линии округлые в плане, диаметром 4-6 м и глубиной 0,15 м. Второй линии овальной формы, размерами 2,5х5,5 м, глубиной до 0,1 м. Предположительно это котлованы жилищ. Также видны невысокие остатки валов. На осыпях и размывах троп, для прогона скота собраны фрагменты неорнаментированной керамики» (Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008, с. 41). Пользуясь вышеуказанными письменными данными и устным описанием С.М. Киреева, нами был произведен осмотр предполагаемого места на южном склоне г. Малый Камень, но городище обнаружить не удалось. Были отмечены участки бывшей пахоты и, возможно, «невысокие валы» являются краями пашен. На наш взгляд, указанное место обладает слабыми фортификационными возможностями.

В Шебалинском районе по проекту Минобрнауки РФ проверялась информация о наличии городища на левом берегу Катуня. Сведения были предоставлены жителем с. Ильинка Шарыповым Брониславом Андреевичем. В результате предпринятых нами разведок удалось найти указанное информатором место и обнаружить неизвестное городище на р. Емурла – притоке Катуня. Терраса в настоящее время сильно заросла смешанным лесом (сосна, береза), высокой травой и кустарником. Это обстоятельство, а также высокая активность клещей существенно затрудняли обнаружение объекта и его съемку. Тем не менее, нам удалось зафиксировать географические координаты памятника, составить его описание и снять схему фортификационных сооружений городища (Соёнов В.И., 2012, с. 54-55).

Емурлинское городище вытянуто по краю небольшой трассы по линии СВ-ЮЗ. Размеры городища, имеющего вытянуто-овальную в плане форму, около 80х55 м. Визуально прослеживается линия укреплений в виде оплывших и сильно задернованных вала и рва. С юго-восточной стороны городище защищено крутым склоном высокой террасы р. Емурла, с остальных сторон защищено рвом и валом. Ров шириной около 2,5 м, глубиной около 0,4 м расположен с внутренней стороны оборонительной системы, вал шириной около 5 м, высотой около 0,7 м, находится с внешней стороны. По западной части городища проходит грунтовая дорога, пересекающая ее с северо-востока на юго-запад. К юго-западу от городища фиксируются остатки дополнительных фортификационных сооружений, заграждавших подступы к поселению вдоль левого берега р. Емурлы. В пределах укрепленного поселения и рядом с ним, зафиксированы западины, которые могут быть остатками древних жилищ. Не исключено и то, что эти западины могли образоваться в результате падения деревьев с корнем. Высокая и густая травяная растительность, а также отсутствие раскопочных работ пока не позволили уточнить причину происхождения западин. В северо-восточном краю памятника на грунтовой дороге нами был собран

подъемный материал, представленный фрагментами стенок и донных частей лепных керамических сосудов (рис. 1). Судя по топографическому расположению и особенностям керамики, Емурлинское городище относится к гунно-сарматскому времени.

В сентябре – октябре 2011 года сотрудниками лаборатории произведены полевые работы в рамках научно-исследовательского договора с ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз» по теме «Археологическое обследование с целью выявления объектов археологического наследия на территории Шебалинского района Республики Алтай, испрашиваемой под «Строительство магистрального газопровода «Алтай». В ходе разведок на участке предполагаемого прохождения трассы магистрального газопровода в долине р. Песчаной в пределах Шебалинского района (км 2035 – км 2120) было обследовано 40 объектов археологического наследия, относящихся к разным периодам от эпохи камня до этнографического времени: 32 могильников и одиночных курганов, 4 местонахождения, 3 поселения и 1 культовое место. Из этого числа только 7 объектов были известны ранее (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006), остальные выявлены и зафиксированы в ходе полевых работ 2011 года. В планируемый створ газопровода из числа этих обследованных памятников попадают 28: 18 могильников, 4 одиночных кургана, 2 местонахождения, 3 поселения и 1 культовое место.

В рамках научно-исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда «Свод памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, Верхнего и Среднего Енисея: подготовка к изданию» (№11-01-00191а) (руководитель – к.и.н. Н.Ф. Степанова) в Шебалинском и Онгудайском районах Республики Алтай был проведен мониторинг состояния археологических объектов, относящихся к афанасьевской культуре периода ранней бронзы, а также фиксация их географических координат для точной локализации на картах. Всего нами обследовано 12 могильников, 1 одиночный курган и 1 поселение. Семь памятников расположены в окрестностях с. Ело Онгудайского района (Первый Межелик-1, Нижний Тюмечин-1, Нижний Тюмечин-2, Ело-1, Ело-2, Ело-Баши, Нижний Тоботой-1) (Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997, с. 69-90), остальные – в окрестностях с. Апшухта Шебалинского района (Большой Толгоёк, Кызыл-Таш, Апшухта II, Апшухта-5, Едролу, Малый Толгоёк, Кара-Дьярык) (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 19-21). На памятниках, находящихся около с. Ело, современных разрушений зафиксировано немного, в основном наблюдаются следы хозяйственной деятельности советского времени. Территория части могильников, обследованных около с. Апшухта, сегодня продолжает распахиваться, засеиваться многолеткой и использоваться в качестве сенокоса, а поселение Малый Толгоёк застроено жилыми домами и хозпостройками.

В Кош-Агачском районе А.В. Эбелем проводились изыскания в рамках научно-исследовательского договора с администрацией района в сфере сохранения историко-культурного наследия. Экспедицией были обследованы и картографированы археологические памятники урочища Кара-Тал в нижнем течении рр. Тархаты и Чаган-Бургазы. В ходе работ также зачищены остатки разрушенного мелиораторами погребения в кургане «Бий-Сёёги», относящемся к монгольскому времени (XIII-XIV вв.). Кроме того, был обследован современный культовый объект «Такыл» около с. Ортолык.

По второму, камеральному, виду работ в течение осени производились: обработка и систематизация новых научных сведений; реставрация и консервация вещей; лабораторные исследования; печать полевых фотографий, съемка и печать фотографий предметов; изготовление чертежей и рисунков; подготовка текстов и иллюстраций итоговых научных отчетов по результатам разведок в Отдел полевых исследований Института археологии РАН, Министерство образования и науки Российской Федерации и ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз».

По второму виду работ продолжалось изучение археологических коллекций предыдущих полевых изысканий, неопубликованных материалов отчетов и диссертацион-

ных работ по темам исследований, хранящихся в архивах Горно-Алтайского государственного университета, Института алтаистики им. С.С. Суразакова, Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай и др.

Результаты работ по проектам и хоздоговорам, а также ход изысканий обсуждались на заседаниях лаборатории и постоянно действующего семинара «Древняя и средневековая фортификация Южной Сибири и Центральной Азии». По итогам исследований продолжалась подготовка и публикация статей, сообщений, тезисов, а также монографии (Константинов Н.А., 2011а, с. 326-329; 2011б, с. 327-329; 2011в, с. 70-71; Константинов Н.А., Штанакова Е.А., 2011, с. 98-100; Мезенцева Т.А., 2011а, с. 56-59; 2011б, с. 48-49; Онищенко С.С., Соёнов В.И., 2011, с. 166-171; Соёнов В.И., 2011а, с. 68-69; 2011б, с. 121-123; Соёнов В.И., Константинов Н.А., 2011, с. 183-190; Соёнов В.И., Константинов Н.А., Соёнов Д.В., 2011, с. 252-260; Соёнов В.И., Трифанова С.В., 2011, с. 52-55; Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В., 2011; Соёнов В.И., Штанакова Е.А., 2011а, с. 177-186; 2011б, с. 197-211; Соёнов Д.В., 2011а, с. 344-347; 2011б, с. 118; Штанакова Е.А., 2011а, с. 72-73; 2011б, с. 195-196; Эбель А.В., 2011а, с. 42-43; 2011б; и т.д.). Презентации и отчеты об исследованиях размещены в Интернете на сайте Горно-Алтайского государственного университета (<http://www.gasu.ru/>) и на странице научно-исследовательской лаборатории в социальной сети (<http://vk.com/club15326062>). Данные по проектам используются при изучении учебных дисциплин по археологии, истории, военному делу населения Сибири и Центральной Азии (в лекциях, групповых практических занятиях, курсовых и дипломных работах, и др.). Информационное сообщение о полевых работах лаборатории публиковалось в газете «Сельская новь» (Константинов Н.А., 2011г).

Материалы, полученные сотрудниками лаборатории в ходе разведочных работ, могут быть использованы для формирования и ведения Единого государственного реестра памятников истории и культуры народов Российской Федерации, при составлении свода археологических памятников Республики Алтай, а также для формирования планов мероприятий по обеспечению сохранности объектов, попадающих в полосу отвода магистрального газопровода «Алтай» в Шебалинском районе и межпоселкового газопровода в Майминском районе. На основе изучения информации и полевой документации идет подготовка докладов на научные конференции различных уровней. Данные могут использоваться в средних специальных учебных заведениях, школах при изучении исторических дисциплин и курсов регионального компонента, в научно-популярной литературе и периодической печати, а также в организации и рекламе туристских маршрутов по Горному Алтаю.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 69-90.
2. Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. 144 с.
3. Константинов Н.А. Источники по изучению охоты в Горном Алтае // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы поиска, открытия. Красноярск, 2011а. С. 326-329.
4. Константинов Н.А. Направления хозяйственной деятельности населения Горного Алтая гунно-сарматского времени // European Social Science Journal. 2011б. №7. С. 327-329.
5. Константинов Н.А. Хозяйственные занятия населения городища Нижний Чепош-3 // Материалы XLIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология Евразии. Новосибирск, 2011в. С. 70-71.

6. Константинов Н.А. К истории родного села // Сельская новь. 29 декабря 2011г. С. 2.
7. Мезенцева Т.А. Изображение женщины в петроглифах Алтая эпохи бронзы // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы поиск, открытия. Красноярск, 2011. Красноярск, 2011а. С. 56-59.
8. Мезенцева Т.А. Изображение женщины и быка на петроглифах Алтая эпохи энеолита и ранней бронзы // Материалы XLIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология Евразии. Новосибирск, 2011б. С. 48-49.
9. Онищенко С.С., Соёнов В.И. Особенности зооархеологических комплексов городищ Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 и их предварительная интерпретация // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4. С. 166-171.
10. Соёнов В.И. Особенности топографического размещения и хронология городищ Алтая и северных предгорий // Международный симпозиум "Terra Scythica". Новосибирск, 2011а. С. 68-69.
11. Соёнов В.И. Работы в рамках проекта «Хронология и этнокультурная принадлежность археологических памятников Чуйской котловины» (Научно-техническая программа Правительства Республики Алтай) // Научный вестник Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2011б. № 5. С. 121-123.
12. Соёнов В.И. Отчет об археологических разведках в Шебалинском и Майминском районах Республики Алтай в 2011 году. Горно-Алтайск, 2012. 159 с. (Архив Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГАГУ).
13. Соёнов В.И., Константинов Н.А. Хронологическая и культурная принадлежность Манжерокского городища (Северный Алтай) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6. 183-190.
14. Соёнов В.И., Константинов Н.А., Соёнов Д.В. Особенности топографического размещения и хронология городищ Алтая и северных предгорий // "Terra Scythica". Материалы международного симпозиума "Terra Scythica" (17-23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай). Новосибирск, 2011. С. 252-260.
15. Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. 100 с.
16. Соёнов В.И., Трифанова С.В. Отчет о работах по проекту «Древняя и средневековая фортификация Алтая» в 2010 году (проект РНП 2.1.3/6768) // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск, 2011. № 6. С. 52-55.
17. Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В. Чепошские городища. Горно-Алтайск, 2011. 228 с.
18. Соёнов В.И., Штанакова Е.А. Деревянная посуда из погребений могильника Курайка // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011а. Выпуск 6. С. 177-186.
19. Соёнов В.И., Штанакова Е.А. Косторезное дело населения городища Нижний Чепош-3 (Горный Алтай) // European Social Science Journal. 2011б. № 4. С. 197-211.
20. Соёнов Д.В. Особо охраняемые природные территории Республики Алтай: проблемы сохранения и использования объектов археологического наследия // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы поиск, открытия. Красноярск, 2011а. С. 344-347.
21. Соёнов Д.В. Правовое регулирование охраны и использования объектов археологического наследия в Республике Алтай. Материалы XLIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология Евразии. Новосибирск, 2011б. С. 118.

22. Штанакова Е.А. Косторезное производство населения городища Нижний Чепош-3 // Материалы XLIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология Евразии. Новосибирск, 2011а. С. 72-73.
23. Штанакова Е.А. Традиция обработки кожи пазырыкским и булан-кобинским населением Горного Алтая (середина I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы поиска, открытия. Красноярск, 2011б. С. 195-196.
24. Эбель А.В. Тайны Чуйской степи // Мой Алтай. 2011а. № 3(4). С. 42-43.
25. Эбель А.В. Технологии добычи и обработки руды на древнем месторождении в долине р. Себистей Кош-Агачского района Республики Алтай // Мир Евразии. 2011б. № 2. Апрель-июнь.

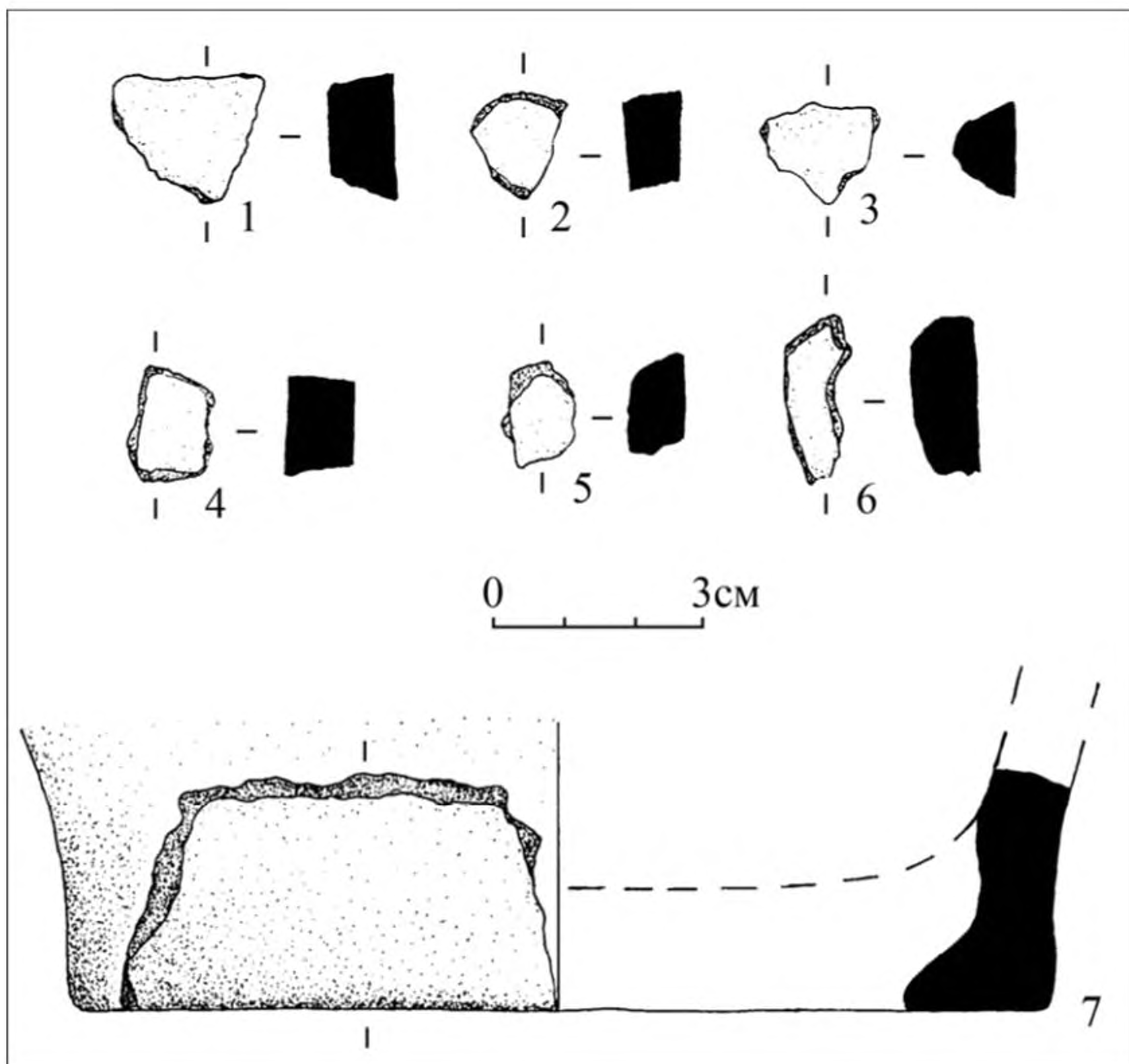

Рис. 1. Емурлинское городище. Подъемный материал. Фрагменты стенок керамических сосудов (1-6), фрагмент придонной части сосуда и графическая реконструкция придонной части (7).

Степанова Н.Ф.
(г. Барнаул, Россия)

**МОГИЛЬНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ОКРЕСТНОСТЕЙ с.ЕЛО В ГОРНОМ АЛТАЕ
(материалы к своду памятников) ***

Афанасьевская культура занимает особое место в древней истории. С ней связывают появление скотоводства и металла в Южной Сибири, другие важнейшие изменения в жизни населения. Несмотря на продолжительную историю исследований, по-прежнему сохраняют актуальность проблемы ее абсолютной и относительной хронологии, происхождения и исторических судеб населения, социальных отношений, хозяйства. Памятники афанасьевской культуры выявлены почти во всех районах Горного Алтая, но в одних микрорайонах их насчитываются десятки, в других 1-2 или нет совсем. Это может быть связано как с разной степенью исследованности территорий, количеством сохранившихся памятников, так и другими причинами.

Решение проблем афанасьевской культуры (КИО) осложняется неравномерностью исследования памятников, в частности, тем, что на большинстве могильников раскопано по 1-2 объекта, что затрудняет, например, изучение вопросов относительной хронологии. С целью получить информацию об относительной хронологии памятников проведен сравнительный анализ погребальных комплексов из долины р.Урсул и ее притоков, в частности, окрестностей с.Ело. В настоящее время здесь известно больше 30 могильников, на одиннадцати, расположенных неподалеку от с.Ело, произведены раскопки. Расстояние между памятниками колеблется от 0,5 м до нескольких километров (рис. 1 – 1,2). Подобная насыщенность может свидетельствовать как о длительности проживания афанасьевского населения на данной территории, так и о плотности населения.

Могильник *Ело-1* расположен в 1-1,5 км западнее с.Ело, на правом берегу р.Ело, напротив устья р.Тоботой (рис. 1 – 3; 2; 3). Памятник распахан, поэтому точное количество сооружений установить невозможно. Расстояние между крайними объектами составляет около 1 км. Конструкции подразделяются на 2 группы, удаленные друг от друга на 0,5 км. Вероятнее всего, это два разных могильника. В 1976-77 гг. археологической экспедицией Алтайского госуниверситета раскопано 5 оград (три в западной и две в восточной группах). В двух оградах захоронения нарушены. Объекты западной группы отличаются от сооружений восточной по конструкции надмогильных сооружений, положению погребенных, инвентарю. Западная группа включает сооружения из вертикально поставленных плит (ВПП) диаметром 5,6-6,2 м. Погребенные уложены на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, ЮЗЗ и З(?), посыпаны охрой. В каждую могилу было помещено по одному сосуду (яйцевидный остродонный и два шаровидных). Один орнаментирован прочерченными линиями, второй качалкой инструментом с редкоставленными зубцами (отпечатки составляют диагональные ряды), третий – шаганием с протаскиванием. Восточная группа состоит из оград из рваного камня, уложенного горизонтально, с положением умерших на спине с согнутыми в коленях ногами и ориентацией погребенных на СВ и ЮЗЗ, окрашенных охрой. Найдено 2 сосуда, один из них плоско-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Свод памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, Верхнего и Среднего Енисея: подготовка к изданию» (№ 11-01-00191а).

донный, находился в насыпи. В нем обнаружены украшения в виде подвесок из зубов марала и др. Второй остродонный с высоким венчиком со сложным и необычным орнаментом (по венчику оттиски штампа образуют сетку, на тулове сочетание горизонтальных и диагональных рядов и др.). В могиле с остродонным сосудом найдена медная серьга. По образцам дерева получены радиоуглеродные даты для ограда 2 (Ле-1610 4750 ± 50 и СО АН-1521 4720 ± 25), ограда 4 (Ле-1609 4410 ± 50 и СОАН-1685 4420 ± 30) (Ермолова Н.М., Марков Ю.Н., 1983, с.96; Орлова Л.А., 1995, с.209). По погребальному обряду и инвентарю ограда 1 отличается от афанасьевских и отнесена к куротинскому типу погребений (Посредников В.А., 1980, с.27-28; Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997, с.69-90; 2010а).

Могильник *Ело-2* (рис. 1 – 5) находится в 1 км к СЗ от с.Ело на левом берегу р.Ело, напротив могильника Ело-1. Состоит из разновременных объектов. В 1977 г. археологической экспедицией Алтайского госуниверситета раскопана 1 ограда из вертикально поставленных плит, диаметром 3,6 м, забутованная камнем. Умерший был уложен на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на Ю, окрашен охрой. Погребение безинвентарно. По погребальному обряду относится к афанасьевской культуре (Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997, с.72-73).

Могильник *Ело-Баши* (рис. 1 – 4; 3) находится в 3,5 км от с.Ело, на левом берегу р.Ело. Визуально на памятнике выделяются около 30 объектов, в том числе 15 оград из вертикально поставленных плит. Памятник подразделяется на несколько территориальных групп, но четких границ между ними нет. В 1977-78 и 1980 гг. экспедициями Алтайского госуниверситета раскопано пять афанасьевских оград из вертикально поставленных плит и одна – из рваного камня. Они относятся к трем скоплениям, удаленным друг от друга (№1,2,3,6 – восточное, № 4 – центральное, № 5 – западное). Диаметр оград от 4 до 15 м. Захоронения из оград 2, 4 и 5 потревожены. Все могилы из восточной группы перекрыты плитами, в оградах 4 и 5 сохранились остатки деревянного перекрытия. Погребенные уложены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на З и ЮЗ, окрашены охрой. В могилах найдены глиняные сосуды (2 яйцевидных с острым дном, шаровидный и плоскодонный), изделия из металла и камня. В двух захоронениях (№ 4 и 6) находок не обнаружено, в ограде 2 в заполнении могилы найдены фрагменты керамики. Сосуды украшены зубчатыми и незубчатыми инструментами, накалыванием, шаганием с прокатыванием (качалка), протаскиванием. Для ограда 5 получена радиоуглеродная дата Ле-1608 4920 ± 50 (Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997, с.69-90; Ермолова Н.М., Марков Ю.Н., 1983, с.96).

Могильник *Кара-Коба-1* (рис. 1 – 6; 4; 5) находится у с.Кара-Коба, на правом берегу р.Урсул, в северной части урочища Нижний Тюмечин. В 1977-1980 гг. экспедициями АГУ раскопано 12 объектов афанасьевской культуры. Сооружения располагались двумя группами: *северная* (ограды 3 и 3') и *южная* (остальные объекты). Вероятно, это два разных памятника. Ограда 3 диаметром 16 м, сооружена из ВПП, включает оградку из ВПП, а у ее северо-западной стенки зафиксировано скопление камней и горизонтально уложенные плиты. Не исключено, что здесь было детское погребение. Судя по плитам, ориентация могилы предполагалась с ЮЗ на СВ. В центральной части ограда найден черешковый наконечник стрелы, по-видимому, не имеющий отношения к захоронениям, и датирующийся более поздним временем. В могиле ограда 3 погребения не оказалось. От сохранившихся обломков бревен перекрытия, диаметр которых 20-25 см, взяты образцы и получены 2 радиоуглеродные даты: Ле-1607 – 5100 ± 50 и СОАН-6144 – 4965 ± 80 лет (Ермолова Н.М., Марков Ю.Н., 1983; Степанова Н.Ф., 2009). В последнем случае для анализа использованы фрагменты близкие к сердцевине дерева. Ограда 3' диаметром 4,6 м находится в юго-восточной части ограда 3. В оградке 3' зафиксировано сооружение из трех вертикально поставленных плит, которое авторы раскопок опре-

делили как жертвенник. Погребение нарушено. Сохранились останки двух человек и фрагменты от двух сосудов (Посредников В.А., Цыб С.В., 1994).

Остальные 10 объектов расположены южнее и составляют одно скопление, вытянутое от ограды 1 с ЮЗ на СВ. Диаметр оград от 1,3 до 4,8 м, а ограды 1 около 9 м. Общим раскопом охвачено 7 конструкций. Из всех исследованных объектов одна ограда-стенка, остальные из вертикально поставленных плит. Большинство могил были перекрыты плитами, дважды зафиксированы остатки дерева, преобладает положение погребенных на спине (на правом боку в одной могиле) с согнутыми в коленях ногами, использование охры. Найдены украшения из металла, остродонные, плоскодонные и круглодонные сосуды, орнаментированные зубчатыми и незубчатыми инструментами. В ограде 7 зафиксировано впускное погребение. Ограда 5 (рис. 6) была, по-видимому, ритуальным или культовым сооружением и не содержала погребения. В центре ее находилось перекрытие из массивных плит. Под ними зафиксированы очаг и развалы нескольких сосудов. На одном из них, по-видимому, плоскодонном, орнамент нанесен шаганием с протаскиванием, способом характерным для елунинской керамики (Владимиров В.Н., Цыб С.В., 1982, с.55-62; Посредников В.А., Цыб С.В., 1994, с.26-30; Степанова Н.Ф., 1997, с.296-300). Могильник выделяется тем, что зафиксирована неустойчивая ориентация погребенных, даже для оград из одного скопления. Ни в одной могиле нет курильниц, сосудов с ушками, изделий из камня, в.т.ч. жезлов. Инвентарь помимо керамики найден только в трех захоронениях.

Могильник *Нижний Тюмечин-1* (рис. 1 – 8; 7; 8) находится в 0,5-0,6 км к ЮВ от с.Ело, на правом берегу р.Каерлык, недалеко от места, где он сливается с р.Ело, образуя р.Урсул. Объекты расположены скоплениями, образующими цепочку, расположенную в направлении СЗ-ЮВ вдоль подножия горы. В 1977-1979 гг. экспедициями Алтайского госуниверситета раскопано 15 оград афанасьевской культуры (диаметром от 1,0 до 11,5 м). В конструкции всех оград прослеживается кольцо из вертикально поставленных плит. Большинство могильных ям перекрыты крупными плитами, в двух прослежены остатки деревянной конструкции. Погребенных, как правило, укладывали на спину с согнутыми в коленях ногами, реже на правый бок, головой на ЮЗ, ЮЗЗ, посыпали охрой. Инвентарь составляют глиняные сосуды, реже изделия из камня, кости и металла. При публикации материала из ограды 2 в тексте и на рисунке (Посредников В.А., Цыб С.В., 1992, с.5, рис. 3 – 7) дается ссылка на плоскодонный сосуд, хотя был найден целый небольшой остродонный сосуд (рис. 7 – 10). Получены радиоуглеродные даты для ограды 7 – Ле-1606 4860 ± 60 и по костям человека из погребения для ограды 9 СОАН-6025 – 3960 ± 80 (Посредников В.А., Цыб С.В., 1992, с.4-10, 156-160; Ермолова Н.М., Марков Ю.Н., 1983, с.96; Степанова Н.Ф., 2009). Памятник выделяется тем, что почти все могилы перекрыты плитами, зафиксирована наиболее стабильная ориентация погребенных, больше всего погребений с инвентарем, в оградах или над могилами чаще, чем на других могильниках встречаются изделия из рогов животных, над одной из могил обнаружена зернотерка и курант.

Могильник *Нижний Тюмечин-4* находится в 2,5 км к СВ от с.Ело напротив слияния рек Ело и Каерлык, на правом берегу р.Урсул. Археолого-этнографической экспедицией АГУ под руководством В.Д.Славнина раскопано 2 объекта из вертикально поставленных плит размерами 2,8x3,8 и 7,2x8,2 м. Могильные ямы были перекрыты плитами. Погребенные уложены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой ориентированы на ЮЮЗ и ЮЗЗ. Отмечена окраска охрой. Вещей не обнаружено (Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д., 2004, с.3-17).

Могильник *Первый Межелик-1* (рис. 1 – 7; 9; 10) располагается на правом берегу р.Урсул, в 1,5-2 км к СВ от с.Ело у той же горы, что и Нижний Тюмечин-1, но у ее восточного подножия. Ограды группируются в несколько скоплений. Из 44 зафиксированных объектов – три ограды-стенки, остальные из вертикально поставленных плит. Вокруг

двух оград выявлены дуги, составленные из отдельно стоящих камней. Расстояние по хорде между крайними камнями в этих дугах до 75 м. Раскопки проводились археологическими экспедициями АГУ в 1980, 1984 и 1990 гг. Исследовано в двух скоплениях 13 объектов афанасьевской культуры и одна отдельно расположенная ограда. Все они составлены из вертикально поставленных плит. Диаметр оград от 1,9x1,7 до 8,6x9,6 м. В двух оградах не было погребений, еще несколько нарушены. Умершие были похоронены, как правило, на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ и ЮЗЗ, исключение составляют 2 могилы, где отмечена ориентация на СЗ и СВ. Все погребенные окрашены охрой. Инвентарь представлен сосудами, кроме того найден жезл, пест-абразив, остатки медного предмета, золотая серьга, костяной гвоздик, каменные наконечники стрел. Находок не обнаружено лишь в двух нарушенных погребениях. Сосуды украшены разнообразными инструментами и способами. Памятник выделяется тем, что не найдено сосудов с ушками и плоскодонных, курильниц, но больше, чем на других могильниках, обнаружено остродонных изделий. Отличает памятник и то, что относительно мало зафиксировано перекрытий могильных ям. Для ограды 10 получена радиоуглеродная дата по костям человека из погребения СОАН-6026 – 4315 ± 85 . В двух оградах зафиксированы разрушенные впускные погребения в каменных ящиках, вероятно, эпохи бронзы (Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Цыб С.В., 1986, с.58-65; Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф., 1999, с.31-41; Степанова Н.Ф., 2009).

Могильник *Семисарт-2* расположен на первой надпойменной террасе р.Семисарт, в 4-5 км к ЮЮВ от с.Ело. Включает около 60 разновременных конструкций. В 1980 г. В.Н.Владимировым и С.В.Цыбом раскопана ограда афанасьевской культуры из вертикально поставленных плит диаметром 4 м. В центре ее зафиксированы остатки центрального сооружения и следы кострища. Могила перекрыта плитами. Умерший был погребен на спине с подогнутыми ногами, головой на ЗСЗ. На черепе отмечены окислы меди (Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В., 2005, с.21, 28).

Могильник *Теньга-4* расположен на первой правобережной террасе р.Урсул, в 2,5-3,5 км к ЮЗ от с.Теньга и в 1,5-2,5 км к В от с.Кара-Коба. Памятник состоит из разнотипных и разновременных конструкций. К афанасьевской культуре отнесены 22 ограды из вертикально поставленных плит и одна оградка-стенка. Ограды из ВПП группируются в скопления в разных частях памятника. В 1979-80 гг. раскопано 2 ограды из вертикально поставленных плит афанасьевской культуры. Могильные ямы были перекрыты плитами или деревом. Умершие похоронены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на З или ЮЗ. В обеих могилах зафиксирована охра. Из инвентаря найдены глиняные сосуды и их обломки (Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В., 2005, с.25-26, 32-34).

Могильник *Улита*. В 1986 г. археологической экспедицией АГУ в 4-5 км южнее с.Ело, на левом берегу р.Улита раскопана ограда, в которой обнаружено две могилы, одна из них афанасьевской культуры, вторая – эпохи бронзы. Ограда составлена из вертикально врытых в землю каменных плит, представляла собой круглый кромлех диаметром до 5 м. С северо-восточной стороны пристроен прямоугольный каменный ящик, который не имел торцевых стенок, перекрытие его было разрушено и провалилось внутрь ящика. Поскольку череп разрушен камнями, составляющими кладку внутренней части ограды, авторы раскопок предположили, что сооружение ящика по времени предшествовало сооружению ограды. Внутри ограды, под слоем мелкого камня, обнаружена 3-4 слойная закладка всей площади конструкции крупными каменными плитами. Под плитами находились две могильные ямы овальной формы, ориентированные длинной осью по линии ЮЗ-СВ, расположенные параллельно друг другу: первая – в юго-восточной части ограды, вторая – у северо-западной ее стенки. Обе могилы были потревожены грабителями. Во второй могиле сохранились отдельные кости человека, фрагменты афанасьевского сосуда со своеобразным орнаментом и изделие из камня. Расположение могил предпола-

гает их одновременность и, по-видимому, ограда сразу планировалась для двух могил, одна из которых предназначалась для представителя афанасьевской культуры (Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., 1991, с. 57-59; Цыб С.В., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф., 1998).

Все вышеперечисленные могильники объединены общими признаками. В частности, они расположены на надпойменных террасах, у подножия гор, объекты организованы в скопления и не образуют четко выраженных цепочек. Скопления могут быть вытянуты с СВ на ЮЗ, СЗ на ЮВ или вдоль подножия горы (могильники П.Межелик-1 и Нижний Тюмечин-1) (рис. 1). Надмогильные конструкции, как правило, включают кольцо из вертикально поставленных плит. Исключение составляют ограды из Ело-1, огр.1,4 и Кара-Коба-1, огр.1. Внутреннее пространство колец из ВПП организовано по-разному – могло быть свободным, имело центральное сооружение, полностью забутовывалось камнем и др. Могильные ямы перекрывались плитами, деревом, в ряде случаев следов от перекрытия не зафиксировано. Погребенных укладывали на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, ЮЗЗ и З, посыпали охрой. Анализ признаков погребального обряда не позволяет разделить могильники на группы или хронологически. Необычные черты (ограды-стенки, положение погребенных на правом боку, ориентация на СЗ и др.) не составляют устойчивых сочетаний. Исключением является ограда 1 из Ело-1, соответствующая куротинскому типу погребений (Степанова Н.Ф., 2010а).

В этой связи особое значение представляет исследование керамики, которое основано на особенностях функционирования и распространения систем гончарной технологии. Любой гончар является носителем профессиональных знаний и находится в зависимости от своей системы навыков труда. За фактами изменения в составе навыков труда гончаров стоят, как правило, изменения, которые происходят в одном или нескольких факторах, ранее обеспечивающих устойчивое состояние технологии (Бобринский А.А., 1978; 1999).

Изучение афанасьевской керамики фиксирует изменения в навыках труда гончаров (подготовка формовочных масс, орнамент, формы сосудов). К ним относится замена приостренного дна на плоское. Выделено две традиции в оформлении придонной части (Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф., 1994, с.6-7). Одна из них настолько специфична, что позволяет поставить вопрос об изготовлении этих сосудов одной группой мастеров. Методика выявления керамики, изготовленной одним мастером, разработанная Е.В.Волковой и апробированная на фатьяновской керамике, базируется на современных представлениях о древнем гончарном производстве, как о системно организованном процессе труда. Это представления о культурных традициях в доремесленном гончарстве, как о закрепленных навыках труда, передаваемых из поколения в поколение по родственным каналам; знания об изменениях конкретных технологических навыков труда в процессе смешения; знания о разной степени устойчивости в условиях смешения орнаментальных традиций различных структурных уровней; представления об орнаментуре, как об одном из инструментов, который бережно хранился (Волкова Е.В., 1998).

Исследование афанасьевской керамики проводится в рамках требований, предъявляемых методикой выявления сосудов, изготовленных одним мастером или одной группой мастеров (проведение технико-технологического анализа – отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс, обработка поверхности, конструирование, изучение орнамента – способы нанесения орнамента, особенности рабочего края инструментов, композиционное построение) (Степанова Н.Ф., 2008; 2009; 2010б,в).

Среди афанасьевской керамики с рассматриваемых выше памятников выделяются несколько групп сосудов, имеющих особое сходство, которое не может быть случайным, и, вероятнее всего, связано с тем, что они изготовлены одной группой гончаров. Одна из таких групп – это сосуды, у которых острое дно заменено плоским. Два из них найдены на могильнике Нижний Тюмечин-1, о.10,14 и один – на Кара-Кобе-1, о.8 (рис. 4 – 3; 7 – 12; 8

– 14). Сосуды не отличаются от основной афанасьевской серии по исходному сырью, формовочным массам, обработке поверхности, обжигу и цвету, форме и другим признакам. Среди плоскодонных, прежде всего, они выделяются тем, что диаметр дна больше диаметра тулова, в том месте, где происходило их соединение. Появление этой группы керамики, вероятнее всего, связано с копированием афанасьевскими мастерами образцов с плоским дном, но не передачей навыков изготовления контактным путем.

В другую группу изделий, изготовленную одной группой мастеров, также входит сосуд из Нижнего Тюмечина-1, огр.14 и еще два изделия с этого памятника из оград 6 и 13 (рис. 7 – 3; 12). Сосуды аналогичны по формам, традициям отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс, обработке поверхности, цвету и обжигу, орнаменту, в т.ч. идентичном композиционном построении. Они украшены похожими инструментами, одним и тем же способом (венчик – качалкой, ниже ряды отпечатков палочки и качалки, составляющие елочку).

Многие сосуды близки по форме, но, особенно из Нижнего Тюмечина-1, о.6,13, Кара-Кобы-1, о.2, Первого Межелика-1. о.5 (рис. 5 – 6; 7 – 3; 9 – 11). Они относятся к наиболее распространенному типу афанасьевской керамики. Сходство касается формы в целом, толщины стенок, обработки поверхности, исходного сырья, формовочных масс и т.д. Как показали экспериментальные исследования, разные гончары по заданному образцу изготавливают менее похожие изделия (Бобринский А.А., 1999, с.53-56, рис.10;11; Глушков И.Г., 1996, рис.174-178). В данном случае различия связаны не с формой изделий, а тем, что сосуды украшены разными инструментами и только два из них одинаковыми способами. Возможно, сосуды изготовлены не одним человеком, но у гончаров были сформировавшиеся навыки, опыт, и при изготовлении керамики они подражали одному образцу-эталону, изготавливали посуду в рамках одной культурной традиции, что возможно только при непосредственных контактах населения.

Еще одна группа сосудов из Кара-Кобы-1 и Первого Межелика-1 выделяется среди афанасьевских по целому ряду признаков, в частности, форме изделий, толщине и обработке стенок. Они не характерны для афанасьевской посуды в целом, но схожи между собой по многим деталям (индивидуальные особенности профиля венчиков, тонкие стенки, орнамент и др.), которые не могли возникнуть случайно, и свидетельствуют о другой культурной традиции. Наиболее близки 2 сосуда (рис. 4 – 14; 10 – 11), сходство которых может быть связано с тем, что они изготовлены мастерами, имевшими возможность наблюдать за работой друг друга и перенимать опыт.

Особое сходство прослеживается еще у двух сосудов из Кара-Кобы-1, огр.5 и Ело-1 (зап. группа), огр.7, прежде всего по способу нанесения орнамента – шагание с протаскиванием, находящем аналогии в елунинской керамике и совершенно не характерным для афанасьевской культуры (рис. 2 – 4; 6 – 10). Они похожи и по другим признакам – форме изделий, обжигу, цвету и др.

Суммируя перечисленные данные, нельзя не отметить, что больше других аналогии имеет керамика из Кара-Кобы-1. Сосуды аналогичные каракобинским известны и на более удаленных памятниках – на Кор-Кобы, к.9, Сальдьяр-1, о. 17 (Ларин О.В., 1993, рис. 5 – 2; 2005, рис. 38 – 2). Имеет аналогии не только керамика, но браслет из медных проносок из Кара-Кобы-1, огр.2 на Ело-Баши, огр.1. Отмеченные аналогии позволяют утверждать, что могильники Кара-Коба-1, Нижний Тюмечин-1, Первый Межелик-1, Ело-1 (западная группа), Ело-Баши, Сальдьяр-1, Кор-Кобы функционировали в один хронологический промежуток времени. Находка трех сосудов из Н.Тюмечина-1 в разных скоплениях, свидетельствует о том, что памятник мог функционировать в течение непродолжительного времени, что не согласуется с данными радиоуглеродного анализа, т.к. разрыв между дат составляет около 900 лет (Степанова Н.Ф., 2009).

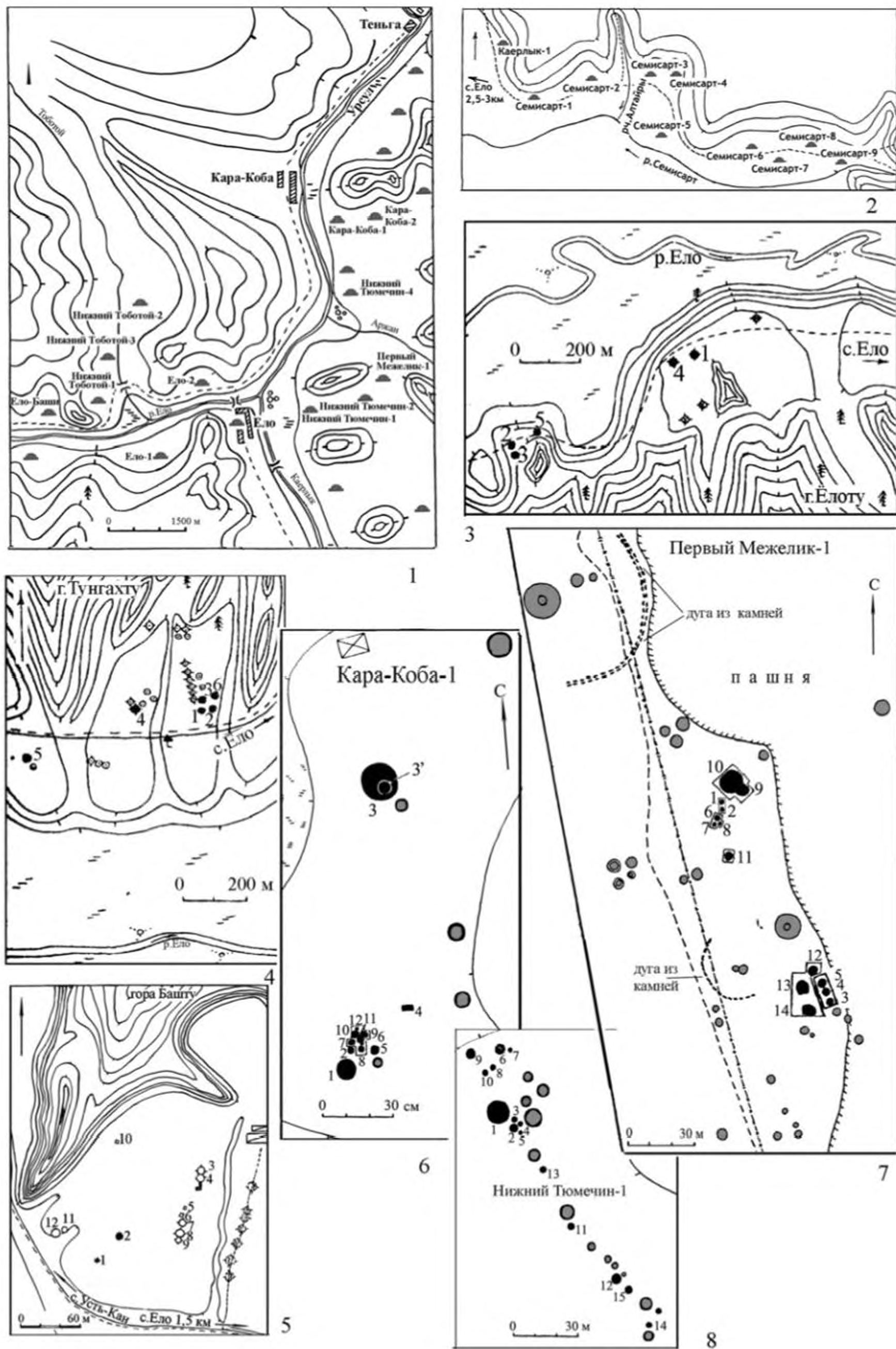

Рис. 1. Могильники в окрестностях с.Ело (1,2), Ело-1 (3), Ело-Баши (4), Ело-2 (5), Кара-Коба-1 (6), Первый Межелик -1 (7), Нижний Тюмечин-1 (8).

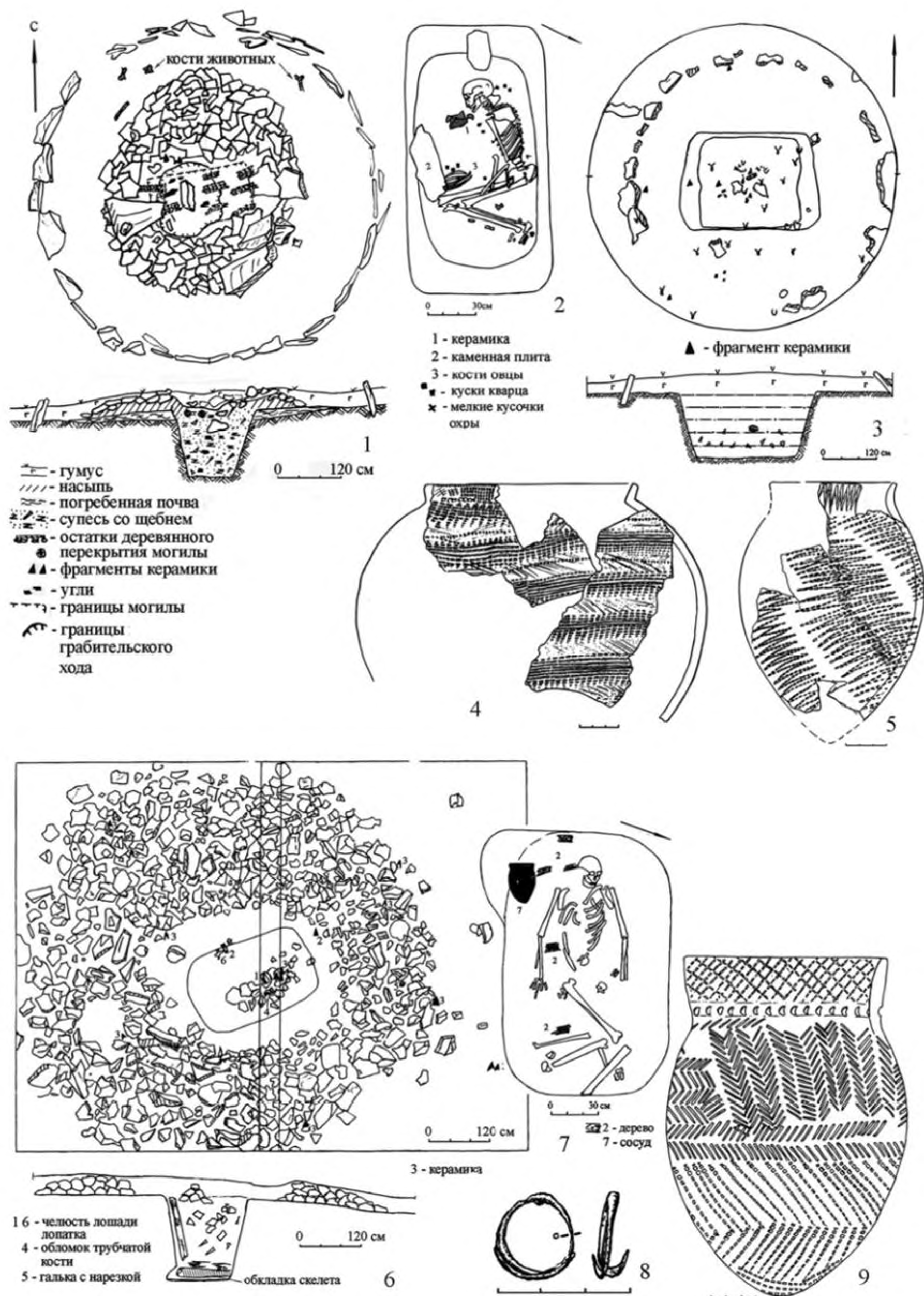

Рис. 2. Могильник Ело-1, ограда 2 (1), 3 (2,5), 7 (3,4), 4 (6-9).

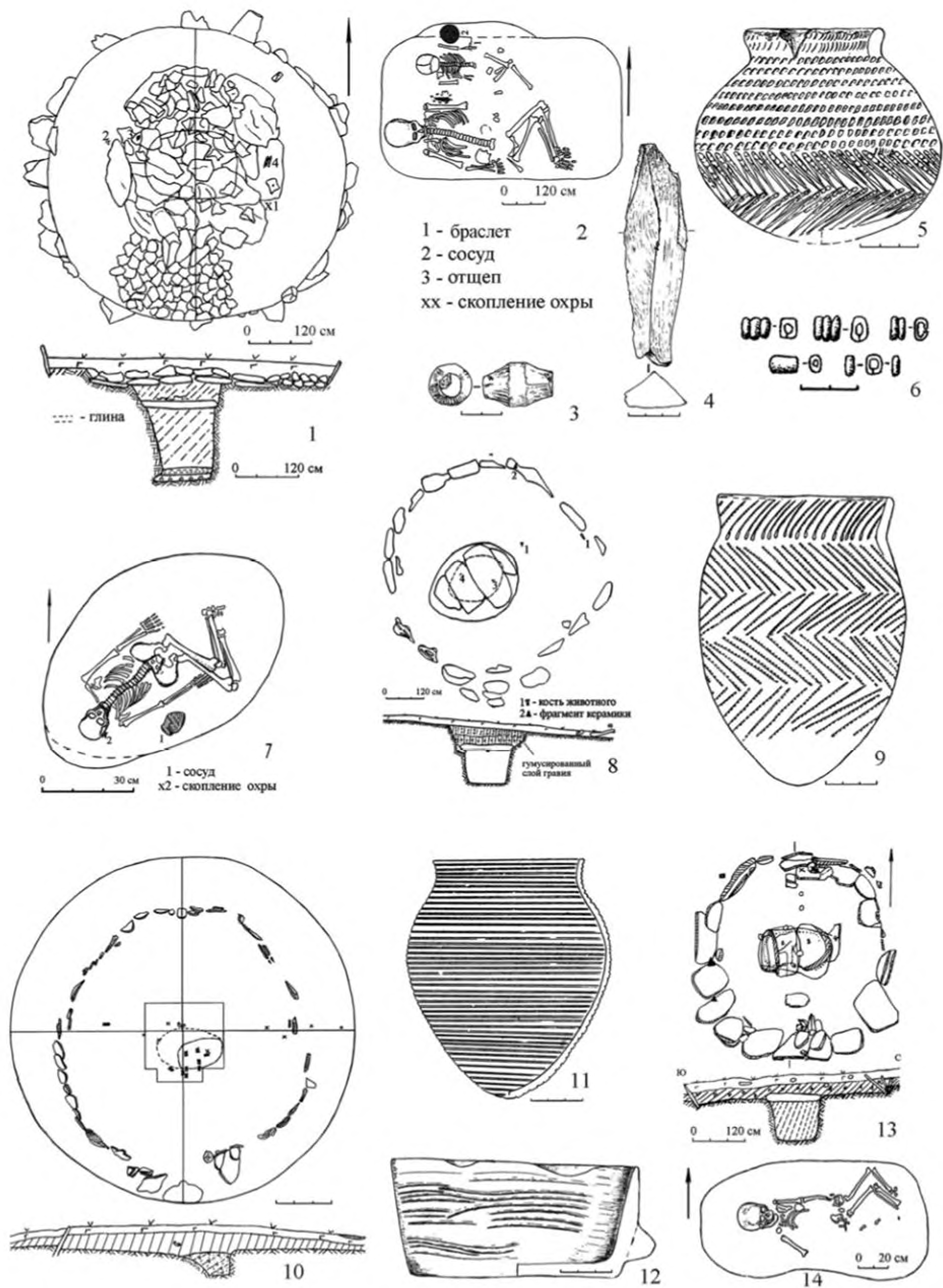

Рис. 3. Могильник Ело-Баши, ограда 1 (1-6). 3 (7-9), 5 (10-12), 6 (13-14).

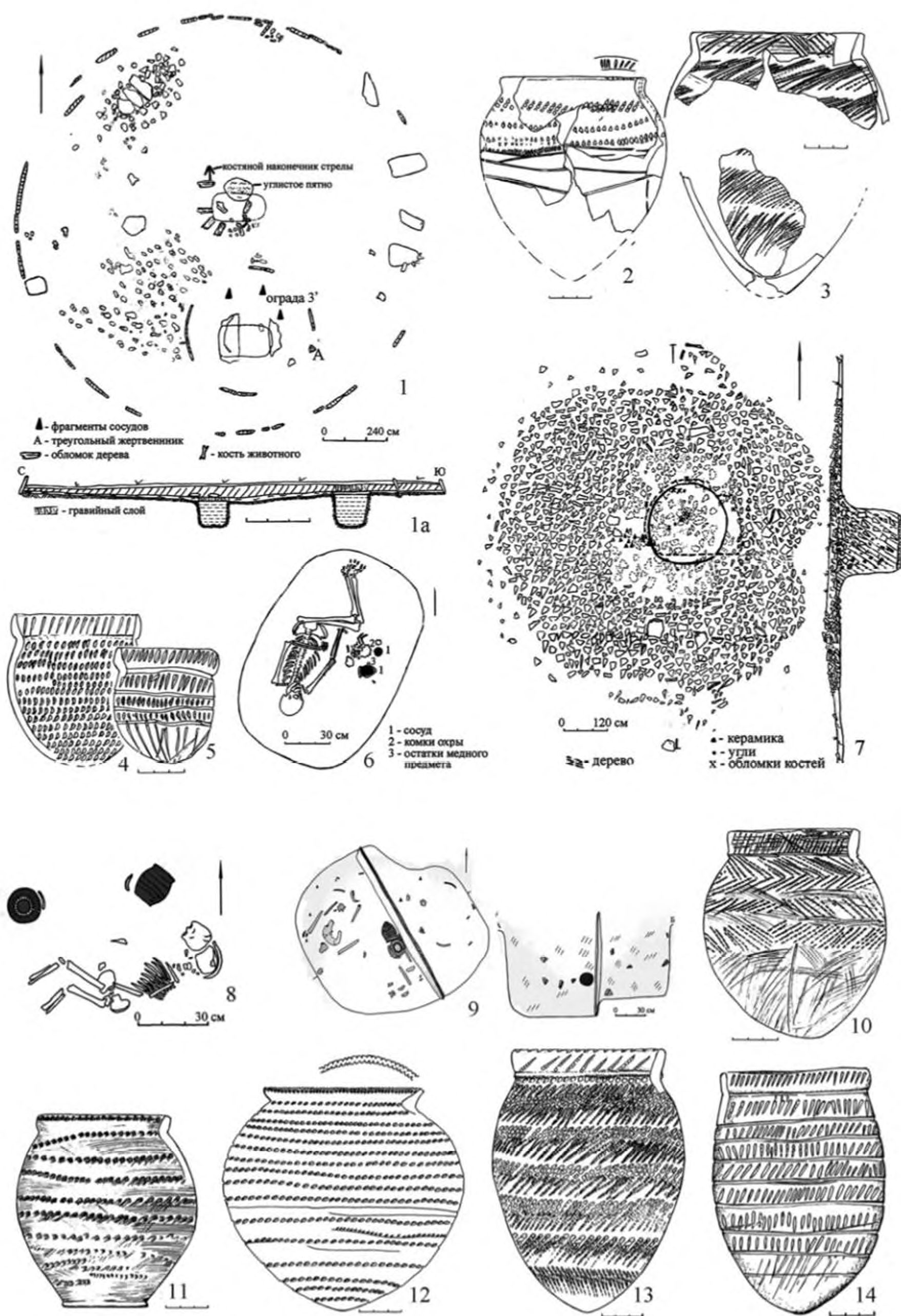

Рис. 4. Могильник Кара-Коба-1, ограды 3 и 3' (1-3), 2 (4-7), 8 (8,11-12), 7 (9,10,14), 9 (13).

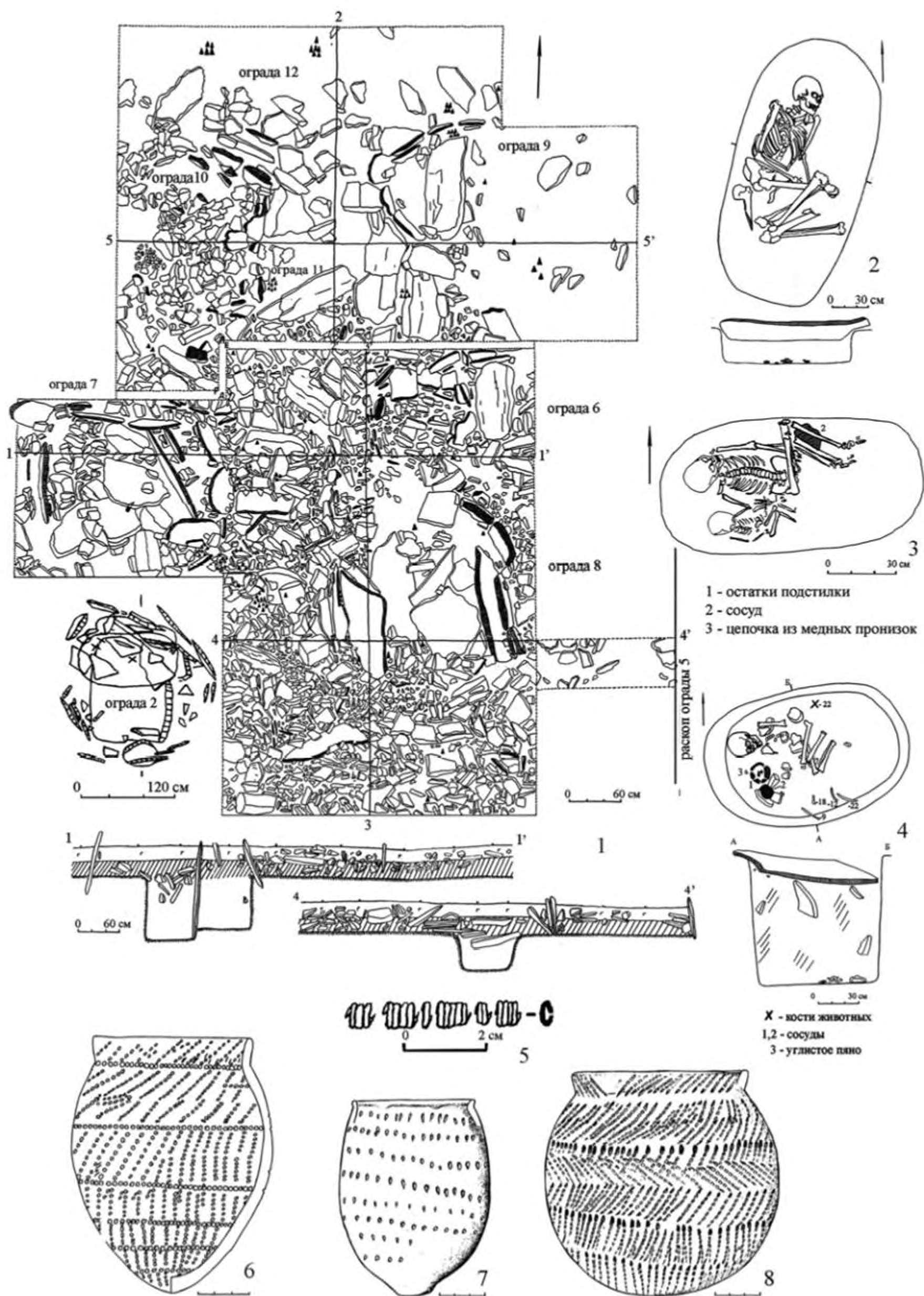

Рис. 5. Могильник Кара-Коба-1, ограды 6-12 (1), погребения и сосуды из оград 1 (2), 2 (3,6), 10 (4, 7,8).

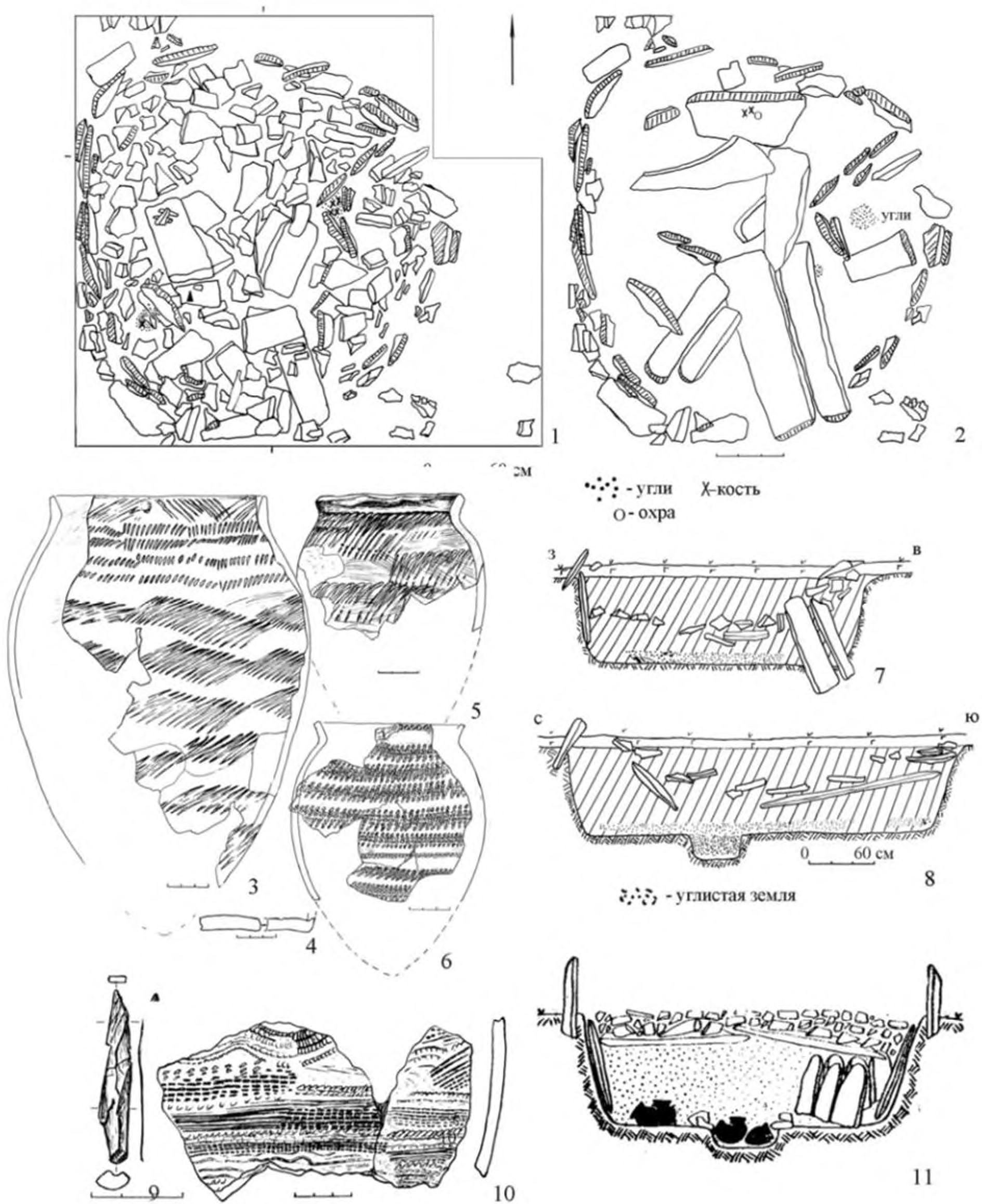

Рис. 6. Могильник Кара-Коба-1, ограда 5.

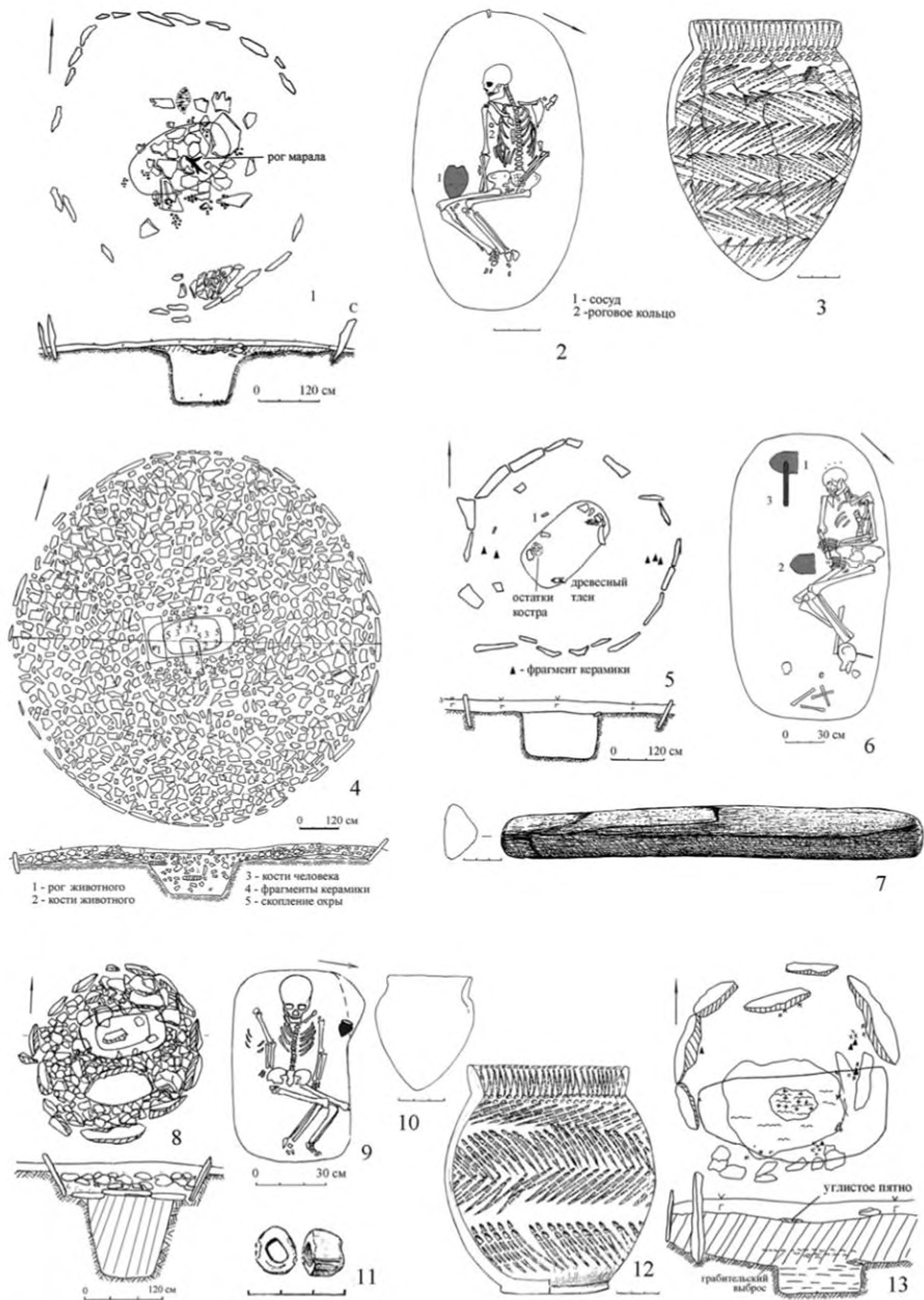

Рис. 7. Могильник Нижний Тюмечин-1, ограда 6 (1-3), 1 (4), 9 (5-7), 2 (8-11), 14 (12-13).

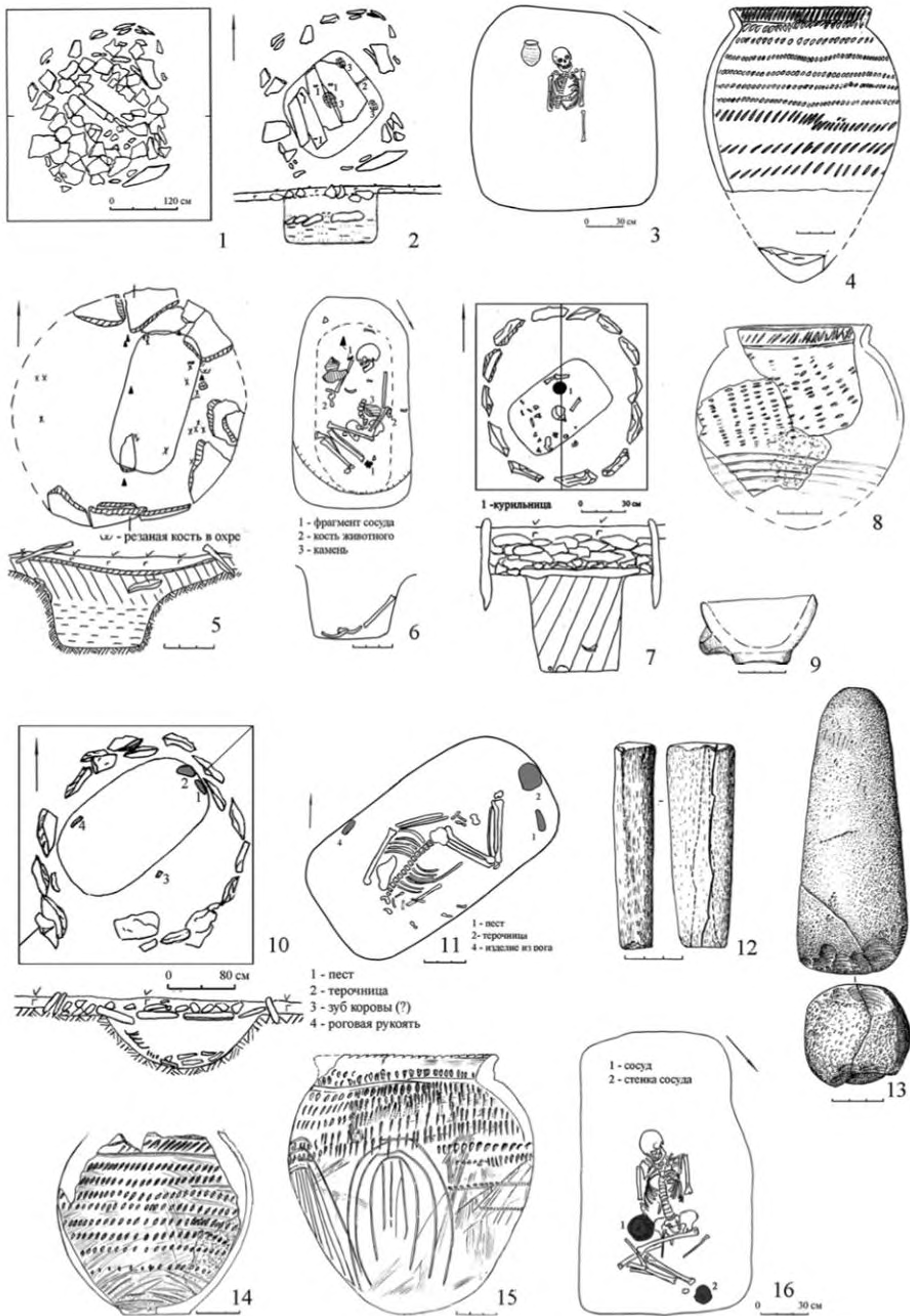

Рис. 8. Могильник Нижний Тюмечин-1, ограды 7 (1-4), 15 (5,6,8), 4 (7,9), 3 (10-13), 10 (14-16).

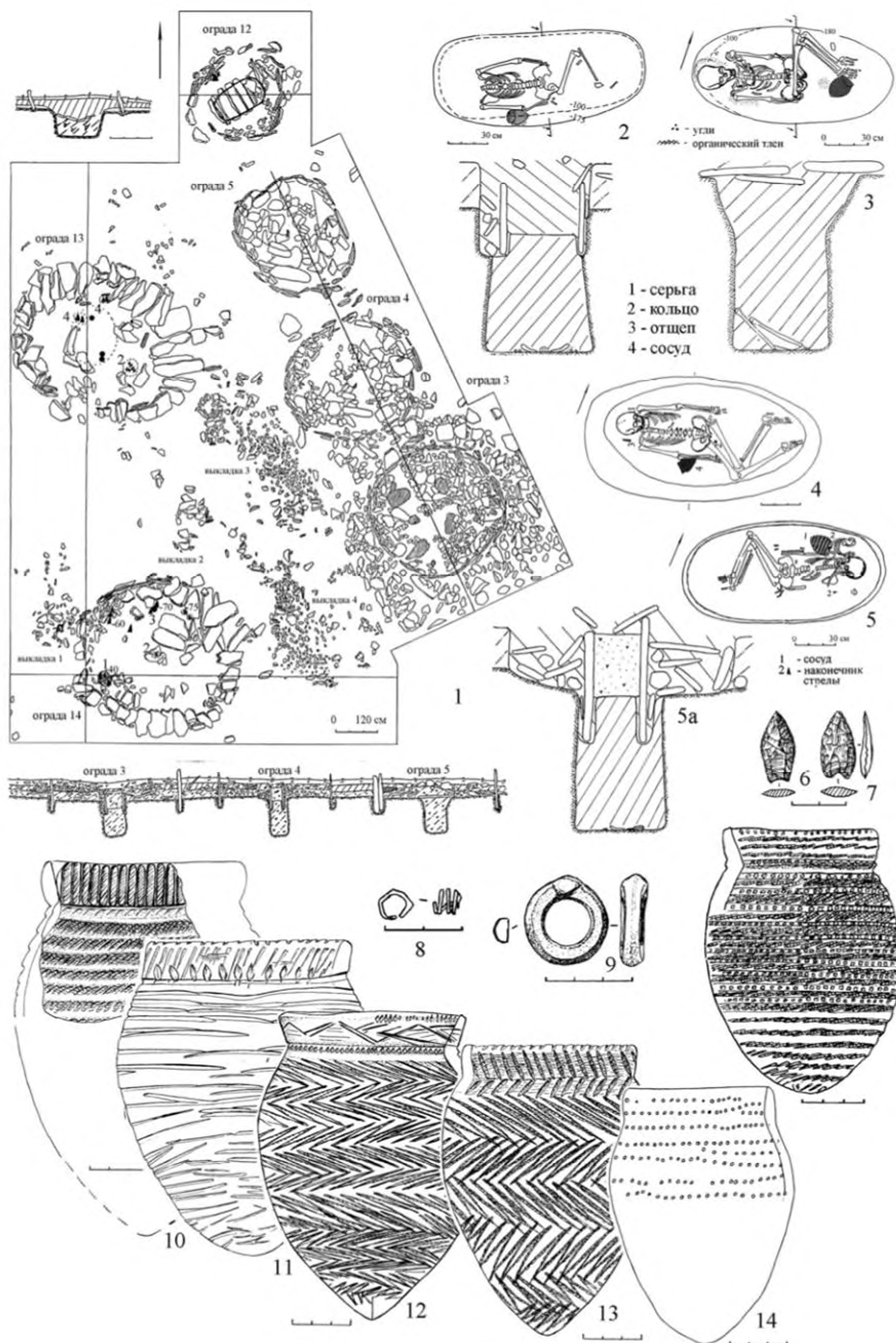

Рис. 9. Могильник Первый Межелик-1, ограды 4-5, 12-14 (1), 3 (2,15), 5 (3,11), 12 (4,8,9,13), 4 (5-7,12), 14 (10), 13 (14). 8 – по рисунку С.В.Цыба.

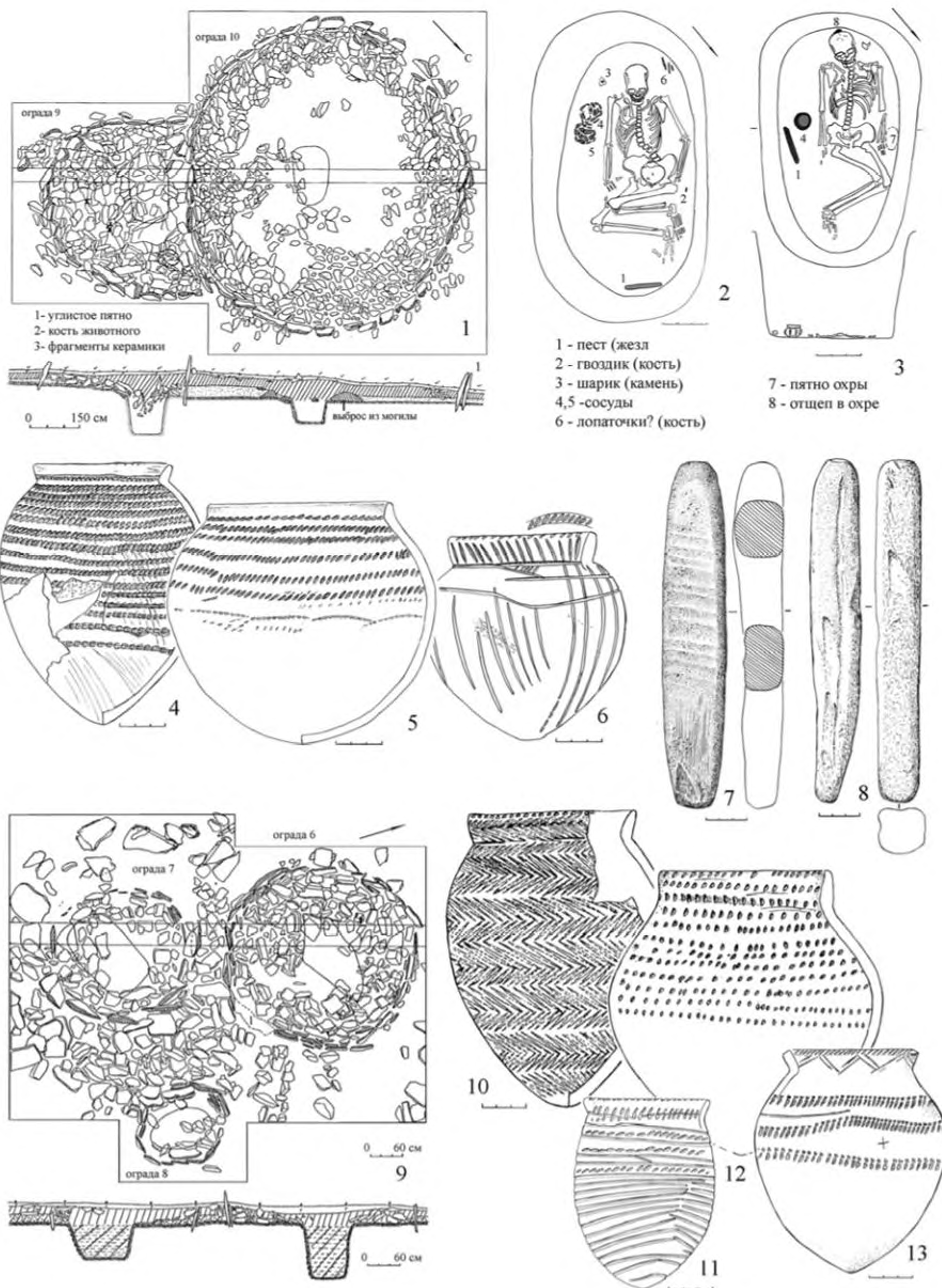

Рис. 10. Могильник Первый Межелик-1, ограды 9-10 (1), 6-8 (9), 9 (2,4,5,8), 10 (3,6,7), 6 (10,12), 8 (13), 2 (11).

Подводя итог, отметим, что приведенные данные позволяют сделать вывод, что в долине р.Урсул в микрорайоне радиус которого составляет 5-7 км от с.Ело наблюдается достаточно большая плотность афанасьевского населения, т.к. могильники расположены в непосредственной близости, функционировали в один хронологический промежуток времени. Однако сделать вывод о том, как долго обитало афанасьевское население в данном микрорайоне без новых полевых исследований, пока не представляется возможным.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р.Ело // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С.69-90.
2. Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д. Материалы эпохи бронзы из раскопок у с.Ело (Центральный Алтай) // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Выпуск 2. С.3-17.
3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. 272 с.
4. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999. С.5-109.
5. Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик I в Онгудайском районе // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. №4. С.31-41.
6. Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С.3-8.
7. Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевское культовое место у с.Кара-Коба // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С.55-62.
8. Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. №3. С.135-146.
9. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 328 с.
10. Ермолова Н.И., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С.95-98.
11. Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Цыб С.В. Раскопки могильника Первый Межелик I // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С.58-65.
12. Ларин О.В. Материалы эпохи раннего металла из Горного Алтая // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С.19-25.
13. Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.
14. Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С.57-59.
15. Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995. Ч.II. С.205-233.
16. Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С.25-37.
17. Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин I // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпох металла. Барнаул, 1992. С.4-10, 156-160.
18. Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник у села Кара-Коба // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С.26-30, 202-205.

-
19. Степанова Н.Ф. Способы орнаментации афанасьевской керамики (по материалам погребальных комплексов Горного Алтая) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. С.296-300.
 20. Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследований исходного сырья и формовочных масс керамики неолита-бронзы Горного Алтая и его предгорий // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. №7. С.23-31.
 21. Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской археологической культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С.154-159.
 22. Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010а. С.177-187.
 23. Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010б. С. 117-125.
 24. Степанова Н.Ф. Особенности орнаментальных композиций афанасьевской керамики из погребальных комплексов Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010в. Т.XVI. С.307-311.
 25. Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с.Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С.20-35.
 26. Цыб С.В., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Погребальное сооружение эпохи бронзы из Горного Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. №3. С.22-28.

Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А.,
Соёнов Д.В., Штанакова Е.А., Эбель А.В.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХОВЬЕВ р.ПЕСЧАНОЙ

Физико-географические характеристики района исследований.

Район верховий реки Песчаная географически относится к Северо-Алтайской провинции. Это низкогорная северо-западная часть Российского Алтая (Маринин А.М., Самойлова Г.С., 1987, с. 91-92). Песчаная – левый приток р. Оби – берет свои истоки с северных отрогов Семинского хребта. В горной части бассейна река протекает между Ануйским и Чергинским хребтами. Эти хребты вытянуты с северо-северо-запада на юго-юго-восток параллельно друг другу. Со склонов этих хребтов в верховьях долины Песчаной стекают многочисленные притоки, из которых можно выделить реки Кыргысту, Адаткан, Ортолык, Верхняя и Нижняя Кудаты, Шиверта, Большой Ак-Кем, Верхняя и Нижняя Ширгайта, Кубаш, Барагаш, Барагашонок, Верхний и Нижний Аскат, Курзун, Верх-Арбайта, Арбайта, Арбайтушка, Шиверта, Верх-Этогол и др. Эти притоки образуют довольно обширные долины, приуроченные к бассейну р. Песчаная.

Средняя высота Ануйского и Чергинского хребтов 1600-1800 м, но к северу они заметно снижаются и переходят в массивы низкогорий с широко развитыми поверхностями выравнивания. В верховьях долины р. Песчаная, высоты достигают максимальной отметки 2000-1800 м над уровнем моря. Внизу долины реки поверхность земли фиксируется на высоте 750-1000 м над уровнем моря.

Климат умеренно-континентальный. Средние температуры января здесь на 2-3° выше и колеблются от –13° до –17°. Температуры июля от 10° до 19°. Количество осадков колеблется в пределах 550–700 мм в год.

Основу высотной поясности Северо-Алтайской провинции, к которой относятся и окрестности с. Ильинка, составляют лесостепные слабо расчлененные плоскостные низкогорья, скальное основание которых прикрито плащом суглинков (Маринин А.М., Самойлова Г.С., 1987, с. 91).

Растительность представлена, в основном, хвойными (лиственничными) лесами (Маринин А.М., Самойлова Г.С., 1987, с. 70-74). Встречаются также смешанные лиственнично-березовые и березовые леса. Лиственничные насаждения из березы и, редко, осины занимают небольшие площади по долине и пологим склонам хребтов. По вершинам встречается кедровый лес. Довольно разнообразна и богата кустарниковая растительность района: крутые склоны отрогов Ануйского и Чергинского хребтов поросли рододендром даурским – маральником (в недавнее время его численность резко сократилась), лапчаткой и другими кустарниками. На пологих склонах, иногда среди лиственничного леса, встречаются заросли малины, красной смородины, рябины. По дну долины, по р. Песчаная, а также по ее притокам, обычны заросли ивы, курильского чая, иногда черемухи и черной смородины. На вершинах Ануйского хребта местами встречаются альпийские и субальпийские луга, чередующиеся с каменными россыпями.

Животный мир района довольно богат и разнообразен. На исследуемой территории обитает медведь, волк, белка, барсук, сурок, заяц, рысь и др. Из копытных – марал, лось, косуля, кабарга. Птицы: орлы, глухари, тетерева, дятлы и другие. В реках обитают разные виды рыб: хариус, таймень, налим, лещ и др.

История изучения.

Верховья долины реки Песчаной в археологическом отношении изучены относительно слабо. Это связано, в первую очередь, с мощным гумусным слоем и густым высоким травяным покровом, которые в значительной мере затрудняют поиск и обнаружение археологических памятников. Тем не менее, на протяжении последних трех десятилетий исследователями С.С. Сорокиным, С.В.Цыбом, В.А. Могильниковым, В.Н. Елиным, Ю.Т. Мамадаковым, П.И. Шульгой, А.С. Суразаковым, В.И. Соёновым, В.П. Ойношевым, С.В. Трифановой, Т.А. Вдовиной, Н.А. Константиновым, Е.А. Штанаковой и др., на указанном участке обнаружены десятки археологических объектов относящихся к разным историческим периодам от палеолита до средневековья.

В 1966 году С.С. Сорокин, по данным Алтайского краевого отделения ВООПИК (г. Барнаул), исследовал четыре могильника, расположенных недалеко от с. Барагаш по правому берегу р. Песчаная.

По имеющимся у нас сведениям¹, в 1968 году в окрестностях с. Ильинки проводилась археологическая практика студентов историко-филологического факультета Горно-Алтайского государственного пединститута (ныне Горно-Алтайский государственный университет) под руководством преподавателя кафедры истории Л.И. Мидельского. Каких-либо литературных и архивных сведений об этой практике обнаружено не было². Нам удалось опросить двух выпускников ГАГПИ – участников археологической практики 1968 года, жителей г. Горно-Алтайска: Н.Д. Лаухина и А.М. Паршина. Они подтвердили, что ими рядом с селом (на раскопе было слышно радио, игравшее в центре села) под руководством Л.И. Мидельского были раскопаны два кургана диаметром чуть больше 10 м. Также информаторы рассказали, что курганы оказались ограбленными, были обнаружены только разрозненные кости. По их свидетельству, Людвиг Иванович вел какие-то записи и чертежи в дневнике. Местные жители каких-либо сведений о раскопках в окрестностях села нам предоставить не смогли.

При опросе местного населения в с. Ильинка бывшая учительница З.Г. Неустроева рассказала нам, что в 1968(?) году к ней заезжал археолог из Новосибирска, который занимался поиском петроглифов. Кроме того, Зоя Григорьевна показала нам фотографию, на которой были сняты ее семья и этот археолог, фамилию и имя которого она вспомнить не смогла. Копию фотографии удалось сделать и переслать сотрудникам ИАЭТ СО РАН к.и.н. Д.В. Черемисину и к.и.н. И.Ю. Слюсаренко. Они опросили коллег по институту, но никто не смог узнать человека на фото. Только один из сотрудников института – д.и.н. В.П. Мыльников опознал на фото аспиранта, обучавшегося в те годы у академика А.П. Окладникова. Фамилию аспиранта В.П. Мыльников вспомнить также не смог.

В 1978 году С.В. Цыб, по данным Алтайского краевого отделения ВООПИК, проводил исследования в окрестностях сел Ильинка, Мариинск и Тоурак. Им были обнаружены могильник в окрестностях с. Ильинка, на левом берегу р. Песчаная и палеолитическое местонахождение в устье р. Мариинка (р. Верхний Этагол).

В 1980 году В.Н. Елиным изучался ряд местонахождений петроглифов рядом с селами Барагаш и Беш-Озек. В окрестностях с. Беш-Озек были зафиксированы 7 местонахождений по рекам Песчаная, Верхняя Кудаты, Нижняя Кудаты и в урочище Узун-Кобы. На исследованных скальных поверхностях зафиксированы изображения животных: козлов, оленей, диких баранов, а также сцены нападения хищников на парнокопытных (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1991, с. 147; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 20, 62). В окрест-

¹ Сведения предоставлены д.и.н., профессором кафедры истории России ГАГУ Н.С. Модоровым.

² В характеристике Л.И. Мидельского, подшитой к его личному делу, хранящемуся в архиве ГАГУ (Опись дел по личному составу сотрудников за 1958-1980 гг. №1; дело №704), содержится информация, подтверждающая его руководство практикой: «Л.И. Мидельский <...> руководит курсовыми работами, археологической и архивной практикой».

ностях с. Барагаш петроглифы были зафиксированы на выходах сланцев по обоим берегам реки, а также по дороге в с. Ширгайта (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 20, 62).

В 1981 году Ю.Т. Мамадаков в окрестностях с. Беш-Озек обследовал могильник Арыкем, петроглифы Дъелбак-Кечу. Могильник, расположенный в долине р. Ары-Кем, был отнесен к эпохе раннего железа (Мамадаков Ю.Т., 1983, с. 212). На памятнике Дъелбак-Кечу были выявлены изображения животных.

Во второй половине 80-х гг. XX века разведочные работы в долине р. Песчаная проводил П.И. Шульга. Исследования были направлены на выявление поселений. В окрестностях сел Барагаш и Беш-Озек были обнаружены несколько поселений, относящихся к различным историческим периодам (Шульга П.И., 1990).

В 1989 году сотрудниками ГАНИИИЯЛ А.С. Суразаковым и О.В. Лариным проведены аварийные раскопки на могильнике Беш-Озек, расположенном на одном из приусадебных участков в центре с. Беш-Озек. Было исследовано погребение эпохи бронзы, совершенное в каменном ящике. На внутренних стенках ящика были зафиксированы изображения «солнцеголовых» и «быкоголовых» антропоморфных фигур, а также рисунок фантастического хищника. Рисунки выполнены тонкими линиями, выбивкой, протиркой и закрашены красной охрой (Суразаков А.С., Ларин О.В., 1994, с. 31-38).

В том же году В.А. Могильников и В.Н. Елин произвели работы на могильниках Песчаная I и Песчаная II, расположенных на правом берегу р. Песчаная юго-восточнее с. Беш-Озек. На могильнике Песчаная I были раскопаны два кургана. Один курган по конструкции насыпи и наличию каменного ящика на древней поверхности датирован раннескифской эпохой (Елин В.Н., Могильников В.А., 1993, с. 218). На могильнике Песчаная II были исследованы два кургана. Один курган по инвентарю (наконечники стрел, удила, стремяна, пряжка) датирован эпохой раннего средневековья (Елин В.Н., Могильников В.А., 1993, с. 219). Все исследованные курганы оказались ограбленными.

Окрестности села Беш-Озек начиная с 80-х годов XX века обследовались В.П. Ойношевым. Им были обнаружены около 30 памятников: могильники, одиночные курганы, местонахождения петроглифов по долинам рек Адаткан, Ортолык, Песчаная, Нижняя Кудаты, Большой Ак-Кем, Карасу, Шиверта и др. (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 9-17).

В 1991 году В.И. Соёновым на правом берегу р. Песчаная к юго-востоку от с. Барагаш были обследованы могильники Кубаш I и Кубаш II. Могильник Кубаш I начинается от АЗС на окраине села и заканчивается на островке между двумя протоками р. Кубаш. Могильник Кубаш II расположенный на левом берегу р. Кубаш, фактически является продолжением могильного поля Кубаш I. Могильник включает значительное количество запаханных разновременных курганов, расположенных на поле отдельными группами. Некоторые объекты могильников была предварительно датирована пазырыкской эпохой (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 8). В 1999 году В.П. Ойношевым и В.И. Соёновым обследована стела, расположенная на левобережье р. Барагаш. Стела S-видной формы, высотой 1,2 м. На ровных участках поверхности камня прослеживаются тонкие гравированные линии (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 6). В 2003 году В.И. Соёновым обследованы три могильника: Барагаш I, Барагаш II, Нижний Айры-Таш. Могильники были обнаружены на левом берегу р. Барагаш. При строительстве дороги Барагаш – Белый-Ануй, были разрушены насыпи курганов. Памятники были датированы эпохой энеолита-бронзы (Соёнов В.И., 2005, с. 80-81). В августе того же года Т.А. Вдовина и С.В. Трифанова исследовали два погребения на могильнике Нижний Айры-Таш. В могильных ямах и в насыпи курганов обнаружены фрагменты керамики, каменный топор, угольки, а также зафиксированы остатки деревянных конструкций и пятна ярко-красной охры. Памятник отнесен к раннему этапу афанасьевской культуры эпохи бронзы и датирован IV-III тысячелетиями до н.э. (Вдовина Т.А., 2004, с. 6-12).

В 2004 году В.П. Ойношевым и С.В. Трифановой был зафиксирован могильник Куберги, расположенный на левобережье р. Песчаная, недалеко от с. Ширгайта. Ими был снят план юго-западной части могильного поля, включающего в основном объекты пазырыкской эпохи (Ойношев В.П., Трифанова С.В., 2005, с. 79). Также ими был обследованы петроглифы Узун-Кобы (Ойношев В.П., Трифанова С.В., 2005, с. 79).

В 2006 году экспедицией АКИН под руководством В.И. Соёнова были обследованы 13 памятников в верховьях р. Песчаная. На левом берегу р. Песчаной в окрестностях с. Ильинка были обнаружены могильники Ильинка I, Лог Могильников, Шиверта; на правом берегу могильники Талду I, Талду II, Арбайтушка I, Кутла. На левом берегу р. Песчаная в 7,5 км к юго-востоку от с. Ильинка было зафиксировано местонахождение Мост-Песчаная, отнесенная к афанасьевской культуре эпохи ранней бронзы. В окрестностях с. Барагаш на правом берегу р. Песчаная был зафиксирован могильник Халуста. В окрестностях сс. Шаргайта и Беш-Озек были зафиксированы могильники Нижняя Шаргайта, Нижняя Кудаты, Песчаная III, Песчаная IV (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 7, 14, 15, 22-24, 31). Также была обследована северо-восточная часть могильного поля могильник Куберги, включающая небольшие сильно запаханные объекты: средневековые оградки(?) из крупных каменных плит и курганы (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 31).

В 2009-2010 годах Н.А. Константинов и Е.А. Штанакова провели разведочные работы в окрестностях села Ильинка. В ходе работ обнаружены девять памятников по обоим берегам р. Песчаной и долинам ее притоков: оградка Урала, могильник Башта, могильники Курзун I и II, изваяние Курзун, одиночный курган Булухта, могильник Черемухов Лог, местонахождение Кара-Суу, одиночный курган Илуш I (Константинов Н.А., Штанакова Е.А., 2009, с. 40-42; Константинов Н.А., Штанакова Е.А., 2011, с. 98-100).

В сентябре – октябре 2011 года в верховьях р. Песчаная были проведены разведочные работы сотрудниками Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета. Работы производились в рамках хоздоговорного проекта «Археологическое обследование с целью выявления объектов археологического наследия на территории Шебалинского района Республики Алтай, испрашиваемой под «Строительство магистрального газопровода «Алтай» (км 2035 – км 2120). В настоящей статье мы представляем краткие результаты разведочных работ на участке предполагаемого прохождения трассы газопровода по долине р. Песчаной от границы Республики Алтай и Алтайского края (устье р. Казанда) до перевала Каменное Седло на границе Шебалинского и Онгудайского районов Республики Алтай (исток р. Песчаная).

Описание памятников.

Ильинка-1 (могильник). Расположен на левом берегу р. Песчаная, в 2,5 км южнее устья р. Верх-Этагол, в 5,6 км к СЗ от центра с. Ильинка, на распаханном поле, рядом с излучиной р. Песчаная (рис. 1; 2). Географические координаты памятника: N-51°28,715', E-085°02,726'. Высота над уровнем моря 749 м (по балтийской системе высот). Могильник включает три задернованных кургана. Насыпи курганов диаметром – 10-13 м. Могильник зафиксирован экспедицией АКИН под руководством В.И. Соёнова в 2006 г. (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 22-23).

Шадрин Лог-1 (одиночный курган). Расположен на левом берегу р. Песчаная, в 4 км к СЗ от центра с. Ильинки, в устье лога, на небольшом уступе распаханного склона горы (рис. 1; 3). Географические координаты памятника: N-51°28,172', E-085°03,598'. Высота над уровнем моря 758 м (по балтийской системе высот). Насыпь кургана округлой формы, диаметром 15 м, высотой 0,3 м. При обследовании кургана обнаружено местонахождение Шадрин Лог-2.

Шадрин Лог-2 (местонахождение). Расположено на левом берегу р. Песчаная, в 4 км к СЗ от центра с. Ильинка, в устье лога, на небольшом уступе распахиваемого склона горы (рис. 1; 3). Географические координаты памятника: N-51°28,166', E-085°03,582'. Высота над уровнем моря 758 м (по балтийской системе высот). В ходе обследования территории, прилегающей к одиночному кургану Шадрин Лог-1 в 12 м к ЮЗ от него на пашне были обнаружены три кварцитовых скола (рис. 4).

Лог Могильников (могильник). Расположен на левом берегу р. Песчаная, в 3 км к СЗ от центра с. Ильинка, на распахиваемом поле (рис. 1; 5). Географические координаты памятника: N-51°27,824', E-085°04,228'. Высота над уровнем моря 737 м (по балтийской системе высот). Могильник включает пять курганов, разбросанных на распахиваемом пологом склоне горы. Диаметр насыпей курганов – 5-12 м. Диаметр насыпи кургана 5 – 20 м. Обнаружен экспедицией АКИН под руководством В.И. Соёнова в 2006 г. (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 23).

Илуш (фрагмент стелы). Фрагмент стелы был найден в 2009 году на краю распахивавшегося поля, на правом берегу р. Песчаная, на правом берегу р. Большой Илуш, в 200 м к СВ от ее устья (рис. 1). Размеры фрагмента 50x25x10 см. На одной стороне прослеживаются несколько выбитых углублений (рис. 6). Предварительно обломок стелы был интерпретирован как олений камень (Константинов Н.А., Штанакова Е.А., 2009, с. 41).

Кара-Суу (местонахождение). Расположено на левом берегу р. Песчаная, в 0,4 км к западу от устья рч. Карасук, на северо-западной окраине с. Ильинка (рис. 1; 7). На дороге, проходящей по краю распахиваемого поля, в 80 м от крайнего дома по улице Школьная обнаружено каменное орудие (рис. 8). Зафиксировано Н.А. Константиновым и Е.А. Штанаковой в 2009 г. (Константинов Н.А., Штанакова Е.А., 2009, с. 42)

Шиверта (могильник). Расположен в 1,2 км к югу от центра с. Ильинка, на левом берегу р. Песчаная и на левом берегу р. Шиверта, в 0,9 км к ЮВ от устья р. Шиверта, на окраине лога Балакыс, на распахиваемом поле (рис. 1; 9). Географические координаты памятника: N-51°25,856', E-085°06,238'. Высота над уровнем моря 803 м (по балтийской системе высот). Могильник включает два сильно запаханных кургана. Диаметр насыпей курганов около 8-10 м. Обнаружен экспедицией АКИН под руководством В.И. Соёнова в 2006 г. (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 23).

Талду-I (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, на правом берегу рч. Талдушка, в 0,6 км от устья рч. Талдушка, в 1,9 км к ЮВ от центра с. Ильинка, на распахиваемом поле за юго-восточной окраиной села (рис. 1; 10). Географические координаты памятника N-51°26,129', E-085°07,452'. Высота над уровнем моря 805 м (по балтийской системе высот). Могильник включает несколько групп запаханных курганов. Диаметр насыпей курганов – 7-21 м. Обнаружен экспедицией АКИН под руководством В.И. Соёнова в 2006 г. (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 23).

Талду-II (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, на левом берегу рч. Талдушка, на правом берегу р. Арбайтушка, в 2,6 км к ЮВ от центра с. Ильинка, на распахиваемом поле (рис. 1; 11). Географические координаты памятника N-51°25,875', E-085°07,861'. Высота над уровнем моря 803 м (по балтийской системе высот). Могильник включает несколько групп сильно запаханных курганов. В северо-западной части зафиксирована цепочка из восьми курганов, ориентированная по линии север – юг. Диаметр насыпей курганов – 10-20 м. В центре насыпи кургана 15 зафиксирована довольно глубокая яма – следы раскопок. Обнаружен экспедицией АКИН под руководством В.И. Соёнова в 2006 г. (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 23).

Арбайтушка-I (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, на левом берегу р. Арбайтушка, в 3,2 км к ЮВ от центра с. Ильинка, в 0,7 км к ЮВ от устья р. Арбайтушка на распахиваемом поле (рис. 1; 12). Географические координаты памятника N-51°25,362', E-085°08,595'. Высота над уровнем моря 804 м (по балтийской системе вы-

сот). Могильник включает семь запаханных курганов. Диаметр насыпей курганов – 9-16 м. Обнаружен экспедицией АКИН под руководством В.И. Соёнова в 2006 г. (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006, с. 24).

Усть-Курзун-1 (могильник). Расположен на левом берегу р. Песчаная, в 0,4 км к югу от устья р. Курзун, в 9,5 км к ЮВ от центра с. Ильинка (рис. 13; 14). Географические координаты памятника: N-51°22,266', E-085°10,204'. Высота над уровнем моря 849 м (по балтийской системе высот). Могильник включает восемь задернованных курганов, сгруппированных в две цепочки. В северо-восточной части памятника с восточной стороны от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан на небольшом мысу расположена цепочка из трех курганов, вытянутая по линии СЗ–ЮВ. В центральной части кургана 3 фиксируются следы шурфовки. В юго-западной части могильника на склоне горы, в 100 м к ЮЗ от кургана 3, к западу от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан расположена вторая цепочка курганов, вытянутая по линии СВ–ЮЗ, включающая пять курганов. Насыпь кургана 5 частично разрушена при строительстве дороги. Диаметр насыпей курганов – 2-7 м.

Холодильник-1 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, в 0,75 км к ЮВ от устья р. Курзун, в 10,1 км к северу от центра с. Барагаш, в 0,6 км к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на склоне горы (рис. 13; 15). Географические координаты памятника: N-51°22,175', E-085°10,731'. Высота над уровнем моря 900 м (по балтийской системе высот). Местность, где расположен могильник, носит название Холодильник, поскольку в советское время и вплоть до недавнего времени там располагался холодильник молочной фермы совхоза «Оленевод». Могильник включает четыре сильно задернованных кургана. Диаметр насыпей курганов – 3-5 м.

Холодильник-2 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, в 2 км к ЮЮВ от устья р. Курзун, в 8,8 км к северу от центра с. Барагаш, в 430 м к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на пологом склоне горы (рис. 13; 16). Географические координаты памятника: N-51°21,535', E-085°10,814'. Высота над уровнем моря 868 м (по балтийской системе высот). Местность, где расположен могильник, носит название Холодильник, поскольку в советское время и вплоть до недавнего времени рядом располагался холодильник молочной фермы совхоза «Оленевод». Могильник включает пять курганов. Диаметр насыпей курганов – 2-5 м. С двух сторон насыпи кургана растут две лиственницы. Некоторые из объектов могильника имеют слабую задерновку.

Суела-1 (могильник). Расположен на левом берегу р. Песчаная, в 1,7 км к югу от устья р. Курзун, в 9 км к ССЗ от центра с. Барагаш, в 0,1 км к западу от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан (рис. 13; 17). Географические координаты памятника: N-51°21,549', E-085°10,345'. Высота над уровнем моря 876 м (по балтийской системе высот). В 25 м к востоку от могильника находится заброшенный карьер. Могильник расположен на террасе, заросшей лиственничным лесом. Могильник включает три задернованных кургана, сгруппированных в цепочку, вытянутую по линии север–юг. Диаметр насыпей курганов – 3-8 м.

Суела-2 (могильник). Расположен на левом берегу р. Песчаная, в 1,7 км к ЮЮВ от устья р. Курзун, в 9 км к ССЗ от центра с. Барагаш, в 0,13 км к западу от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на террасовидном уступе, заросшем лиственничным лесом (рис. 13; 18). В 40 м к востоку от него находится могильник Суела-1, в 145 м к западу – могильник Суела-3, в 70 м к востоку – заброшенный карьер. Географические координаты памятника: N-51°21,555', E-085°10,314'. Высота над уровнем моря 880 м (по балтийской системе высот). Могильник включает девять задернованных курганов, сгруппированных в цепочку вытянутую по линии СВ–ЮЗ. Диаметр насыпей курганов – 2-9 м. В центре насыпей некоторых курганов прослеживаются западины. В насыпях курганов 6 и 9 наблюдаются следы впускных погребений(?).

Суела-3 (могильник). Расположен на левом берегу р. Песчаная, в 1,7 км к ЮЮВ от устья р. Курзун, в 9 км к ССЗ от центра с. Барагаш, в 275 м к западу от автодороги Черга

– Барагаш – Усть-Кан, на террасовидном уступе, заросшем лиственничным лесом (рис. 13; 19). В 145 м к востоку от него находится могильник Суела-2, в 185 м к западу – могильник Суела-1, в 210 м к востоку – заброшенный карьер. Географические координаты памятника: N-51°21,558', E-085°10,200'. Высота над уровнем моря 899 м (по балтийской системе высот). Могильник включает четыре задернованных кургана, сгруппированных в цепочку вытянутую по линии СВ–ЮЗ. Диаметр насыпей курганов – 3-6 м.

Суела-4 (местонахождение). Расположено на левом берегу р. Песчаная, в 1,8 км к югу от устья р. Курзун, в 8,8 км к ССЗ от центра с. Барагаш, в 50 м к западу от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан (рис. 13; 20). В 15 м к северу от него находится заброшенный карьер. Географические координаты памятника: N-51°21,501', E-085°10,409'. Высота над уровнем моря 903 м (по балтийской системе высот). В промоине в конце ложбинки разделяющей террасу был обнаружен фрагмент орнаментированной керамики (рис. 21). Других находок при осмотре разрушений не обнаружено.

Нижний Аскат-1 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, на левом берегу р. Нижний Аскат, в 1,3 км к востоку от устья р. Нижний Аскат, в 5,6 км к северу от центра с. Барагаш, в 1 км к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на террасовидном склоне горы, заросшем лиственничным лесом (рис. 22; 23). Географические координаты памятника: N-51°19,822', E-085°12,153'. Высота над уровнем моря 953 м (по балтийской системе высот). По территории могильника проходит грунтовая дорога и изгородь. Могильник включает семь задернованных курганов, шесть из них сгруппированы в две цепочки вытянутые по линии СЗ–ЮВ и один курган в восточной части могильника. Диаметр насыпей курганов 4-10 м.

Верхний Аскат-1 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, на правом берегу р. Верхний Аскат, в 5,2 км к ССВ от центра с. Барагаш, в 1,2 км к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, в 0,5 км к ЮВ от скотоводческой стоянки, на подошве горы (рис. 22; 24). Географические координаты памятника: N-51°19,496, E-085°12,567'. Высота над уровнем моря 957 м (по балтийской системе высот). По территории могильника грунтовая дорога. Могильник включает пять задернованных курганов, сгруппированных в цепочку вытянутую по линии СЗ–ЮВ. Диаметр насыпей курганов 4-6 м.

Верхний Аскат-2 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, в 4,6 км к северу от центра с. Барагаш, в 725 м к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан (рис. 22; 25). Географические координаты памятника: N-51°19,179', E-085°12,021'. Высота над уровнем моря 924 м (по балтийской системе высот). Могильник включает десять задернованных курганов, девять из них сгруппированы в цепочку, вытянутую по линии СВ–ЮЗ. Курган 10 расположен в 100 м к западу от цепочки. В центре насыпей некоторых курганов фиксируются западины. Диаметр насыпей курганов 6-16 м.

Халуста-2 (одиночный курган). Расположен на правом берегу р. Песчаная, в 2,8 км к северу от центра с. Барагаш, в 0,25 км к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на склоне горы, на краю распахивавшегося поля (рис. 22; 26). Географические координаты объекта: N-51°18,236', E-085°11,855'. Высота над уровнем моря 929 м (по балтийской системе высот). Насыпь округлой в плане формы диаметром 7 м, высотой 0,3 м. Курган задернован.

Халуста-3 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, в 2,4 км к ССЗ от центра с. Барагаш, в 0,9 м к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на распахивавшемся поле (рис. 22; 27). Могильник включает шесть задернованных курганов сгруппированных в цепочку вытянутую по линии СВ–ЮЗ. Диаметр насыпей курганов – 6-12 м. Через курган 3 проходит грунтовая дорога.

Халуста-4 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, в 2,3 км к ССЗ от центра с. Барагаш, в 180 м к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на распахивавшемся поле (рис. 22; 28). Географические координаты памятника: N-

51°18,008', E-085°11,740'. Высота над уровнем моря 928 м (по балтийской системе высот). Могильник включает пять задернованных курганов вытянутых в цепочку по линии СВ–ЮЗ. Диаметр насыпей курганов 5-8 м.

Халуста-5 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, на правом берегу рч. Халуста, в 2 км к северу от центра с. Барагаш, в 0,35 км к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на распаханном поле (рис. 22; 29). Географические координаты памятника: N-51°17,863', E-085°11,909'. Высота над уровнем моря 945 м (по балтийской системе высот). Могильник включает 12 курганов, сгруппированных, в цепочку вытянутую по линии СВ–ЮЗ и шесть поминальных объектов, сгруппированных в цепочку, расположенную параллельно основной. Поминальные объекты зафиксированы на расстоянии 50-45 м к СЗ от основной цепочки курганов. Диаметр насыпей курганов 4-14 м, диаметр зафиксированных поминальных сооружений около 2-3 м. В центре насыпей некоторых курганов фиксируются западины.

Халуста-6 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, в 1 км к востоку от реки Песчаная, на левом берегу рч. Халуста, в 1,6 м к северу от с. Барагаш, в 0,6 км к востоку от дороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, в 0,7 км к ЮЗ от скотоводческой стоянки, на ранее распаханном поле (рис. 22; 30). Географические координаты памятника: N-51°17,543', E-085°12,309'. Высота над уровнем моря 972 м (по балтийской системе высот). В юго-восточной части памятника проходит ЛЭП. Могильник включает 22 задернованных объекта. В северной и центральной части прослеживаются две цепочки курганов, ориентированных по линии север–юг, вокруг которых сгруппированы остальные объекты могильника. Диаметр насыпей курганов – 2-13 м. В центре насыпей некоторых курганов прослеживаются западины. Курган 19 содержит следы недавних раскопок: в центре кургана наблюдается яма глубиной около 2,5 м.

Дергун-1 (поселение). Расположено на правом берегу р. Песчаная, в 2 км к востоку от центра с. Барагаш, к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан (рис. 22; 31). В устье небольшого лога, на распаханном поле, в 0,7 км к западу от животноводческой стоянки, в 0,5 км к ЮЮЗ от поселения расположена вторая стоянка. Географические координаты памятника: N-51°06,735', E-085°13,943'. Высота над уровнем моря 1053 м (по балтийской системе высот). На территории поселения в кротовинах были обнаружены 14 фрагментов стенок, два фрагмента придонных частей керамических сосудов (рис. 32), два фрагмента обожженной глины(?) и фрагмент кости.

Дергун-2 (поселение). Расположено на правом берегу р. Песчаная, в 2,5 км к ВЮВ от центра с. Барагаш, к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, в небольшом логу, в 0,5 км к ЮВ от животноводческой стоянки (рис. 22; 33). Географические координаты памятника: N-51°16,414', E-085°14,665'. Высота над уровнем моря 1066 м (по балтийской системе высот). На территории поселения в кротовинах были обнаружены два фрагмента стенок керамических сосудов (рис. 34) и шесть фрагментов костей.

Сухой Лог-1 (поселение). Расположено на правом берегу р. Песчаная, в 3,6 км к ЮВ от центра с. Барагаш, к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, в небольшом логу, на распаханном поле (рис. 22; 35). Географические координаты памятника: N-51°15,999', E-085°15,253'. Высота над уровнем моря 1059 м (по балтийской системе высот). На территории поселения в кротовинах были обнаружены один фрагмент венчика, 10 фрагментов стенок керамических сосудов (рис. 36) и три фрагмента костей.

Кубаш-5 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, в 4 км к ЮЮВ от с. Барагаш, в 4,6 км к ССЗ от центра с. Ширгайта, в 450 м к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан на пашне (рис. 22; 37). В 30 м к востоку от могильника проходят две ЛЭП. Географические координаты памятника: N-51°15,299', E-085°15,141'. Высота над уровнем моря 986 м (по балтийской системе высот). Могильник включает 4 кургана, три из них сгруппированы в цепочку, вытянутую по линии СВ–ЮЗ, а четвертый курган

пристроен с ЮВ стороны. Диаметр насыпей курганов – 10-22 м. В центре насыпей курганов 1 и 4 прослеживаются западины.

Кубаш-4 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, в 4,7 км к ЮВ от центра с. Барагаш, в 3,8 км к ССЗ от с. Ширгайта, в 500 м к востоку от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на склоне горы, к востоку от животноводческой стоянки (рис. 22; 38). Географические координаты памятника: N-51°15,020', E-085°15,530'. Высота над уровнем моря 1004 м (по балтийской системе высот). Могильник включает 3 кургана. Диаметр насыпей курганов 8-12 м.

Кубаш-3 (могильник). Расположен на правом берегу р. Песчаная, в 4 км к ССЗ от центра с. Ширгайта, в 110 м к западу от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на пашне (рис. 22; 39). Географические координаты памятника: N-51°14,212', E-085°15,847'. Высота над уровнем моря 961 м (по балтийской системе высот). С восточной стороны проходит высоковольтная ЛЭП. Могильник включает 12 курганов сгруппированных в цепочку вытянутую по линии СЗ–ЮВ. Диаметр насыпей курганов – 6-13 м. Объекты могильника запаханы, в насыпях некоторых курганов наблюдаются каменные плиты, в южной части кургана 2 зафиксирована вертикально поставленная каменная плита высотой 0,3 м.

Кыштулу-1 (одиночный курган). Расположен на левом берегу р. Песчаная, в 5 км к ЮЗ от центра с. Ширгайта, в 6 км к ССВ от с. Беш-Озёк, в 0,25 км к западу от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на краю распаханного поля (рис. 40; 41). Географические координаты объекта: N-51°10,387', E-085°14,652'. Высота над уровнем моря 1044 м (по балтийской системе высот). Насыпь округлой в плане формы диаметром 12 м, высотой 0,5 м. Курган задернован, запахан.

Кыштулу-2 (одиночный курган). Расположен на левом берегу р. Песчаная, в 6,1 км к ЮЮЗ от центра с. Шаргайта, в 4,9 км к северу от с. Беш-Озёк, в 220 м к западу от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, в центральной части урочища, в 300 м к востоку от животноводческой стоянки (рис. 40; 42). Географические координаты объекта: N-51°09,926', E-085°14,484'. Высота над уровнем моря 1058 м (по балтийской системе высот). Насыпь округлой в плане формы диаметром 8 м, высотой 0,4 м. Курган задернован, запахан.

Беш-Озек-2 (могильник). Могильник расположен на левом берегу р. Песчаная, в 1,6 км к северу от центра с. Беш-Озек, в 0,2 км к западу от автодороги Черга – Барагаш – Усть-Кан, на пологом склоне, заросшем лиственным лесом, в 40 м к ЮЗ от карьера (рис. 40; 43). Географические координаты памятника: N-51°07,936', E-085°14,179'. Высота над уровнем моря 1060 м (по балтийской системе высот). Могильник пересекает ЛЭП. Могильник включает 15 задернованных курганов сгруппированных в цепочку вытянутую по линии север–юг с незначительными отклонениями. Диаметр насыпей курганов – 4-7 м. В центре насыпей некоторых курганов фиксируются западины.

Беш-Озек-3 (могильник). Расположен на левобережной террасе р. Шиверта, в 1,8 км к ЮЗ от центра с. Беш-Озек, в 175 м к западу от р. Шиверта (рис. 40; 44). Географические координаты памятника: N-51°06,450', E-085°13,829'. Высота над уровнем моря 1100 м (по балтийской системе высот). Могильник находится на краю террасы поросшей лиственным лесом. Через территорию могильника проходит изгородь. Могильник включает восемь задернованных курганов, шесть из них сгруппированы в цепочку, вытянутую по линии ССВ–ЮЮЗ, два кургана расположены в северо-восточной части могильника. Диаметр насыпей курганов 6-12 м.

Шибе (культовое место). Расположено на северо-восточном склоне горы Шибе, в 2 км с ЮЗ от с. Беш-Озёк (рис. 40; 45). Склон горы зарос преимущественно лиственным лесом. Культовое место представляет собой участок склона с двумя большими камнями с плоским верхом. Они расположены на расстоянии 12 м друг от друга по линии СЗ–ЮВ. На просеке проектируемой линии газопровода, идущей вдоль склона, в местах разрушений дернового слоя обнаружены два фрагмента керамики (рис. 46).

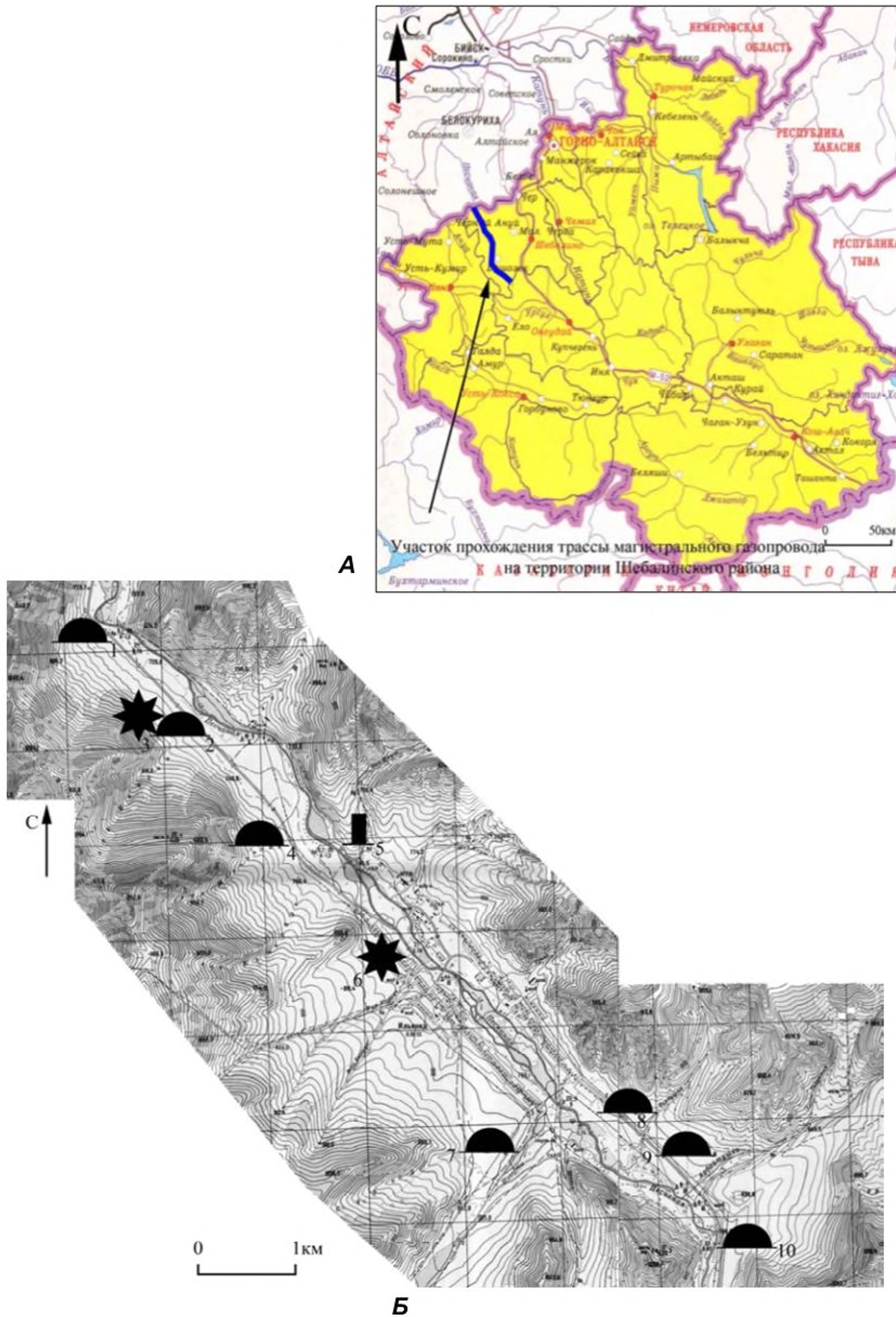

Рис. 1. А – участок прохождения трассы магистрального газопровода «Алтай». Б – месторасположение памятников в окрестностях с. Ильинки. 1 – могильник Ильинка-1; 2 – одиночный курган Шадрин Лог-2; 3 – местонахождение Шадрин Лог-1; 4 – могильник Могильников лог; 5 – обломок стелы Илуш; 6 – местонахождение Кара-Суу; 7 – могильник Шиверта; 8 – могильник Талду-I; 9 – могильник Талду-II; 10 – Арбайтушка-1.

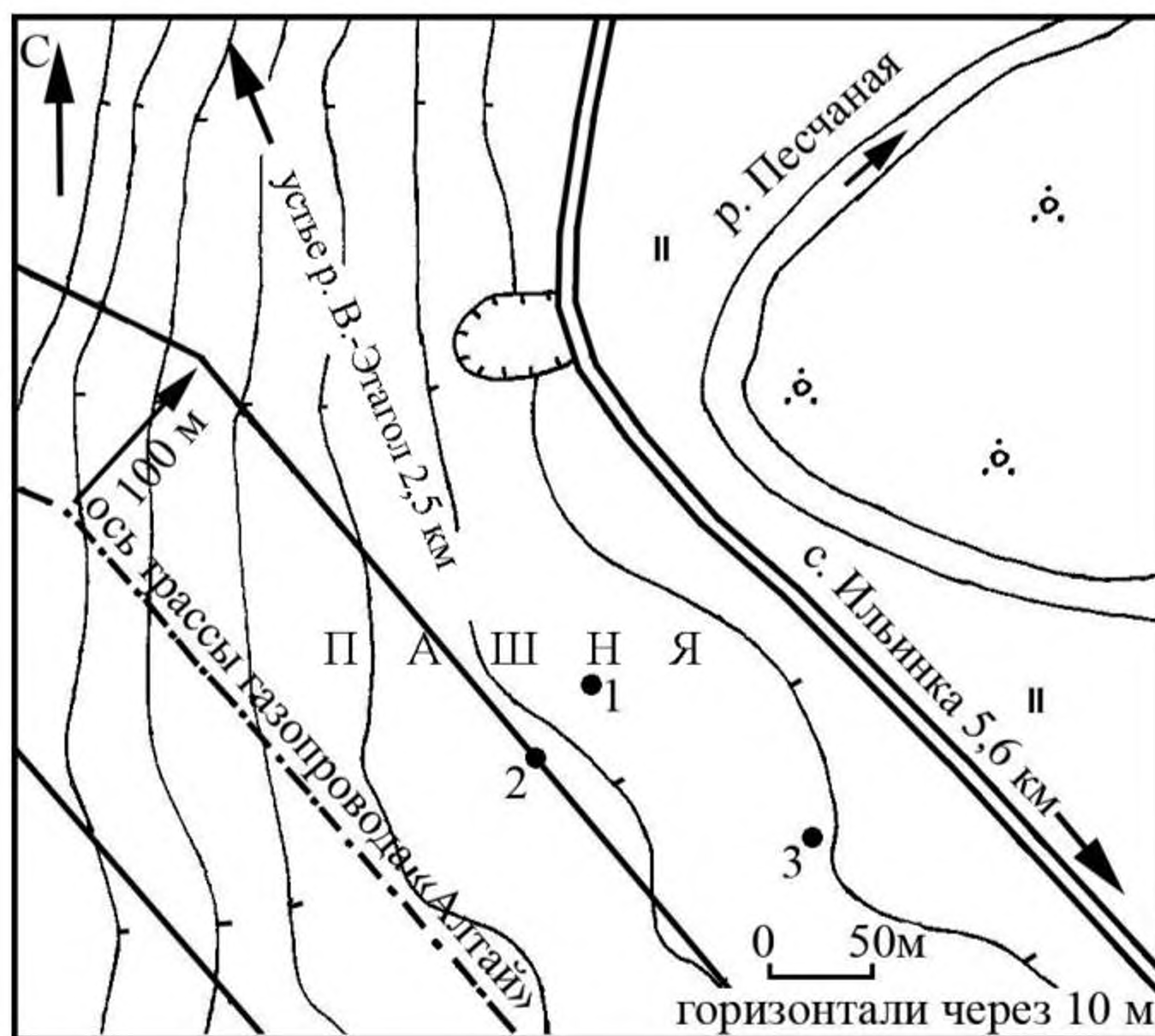

Рис. 2. План могильника Ильинка-1.

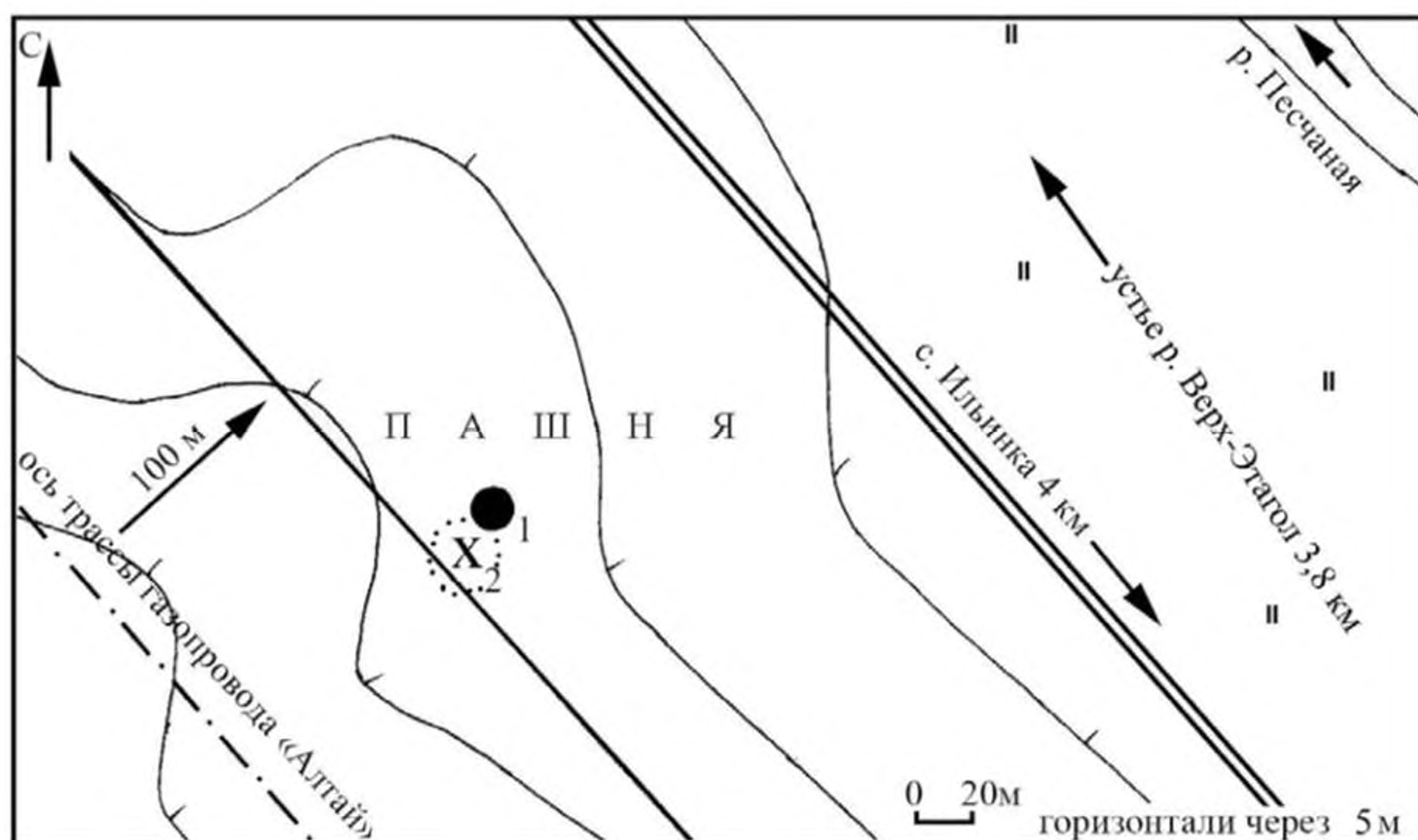

Рис. 3. План местонахождения одиночного кургана Шадрин Лог-1 и местонахождения Шадрин Лог-2. 1 – Шадрин Лог-1; 2 – Шадрин Лог-2.

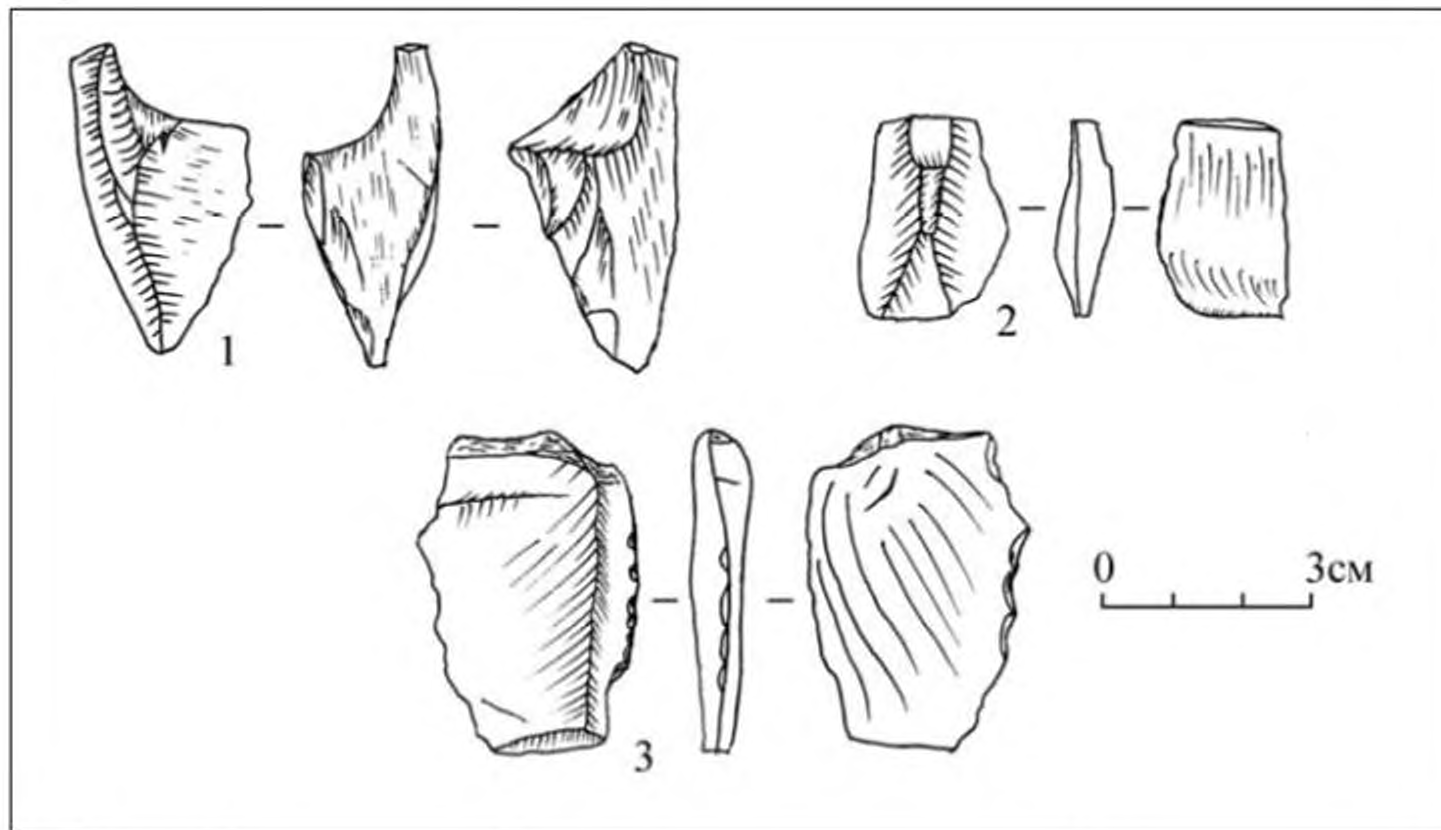

Рис. 4.
Каменные сколы.
Подъемный
материал.
Местонахождение
Шадрин Лог-2.

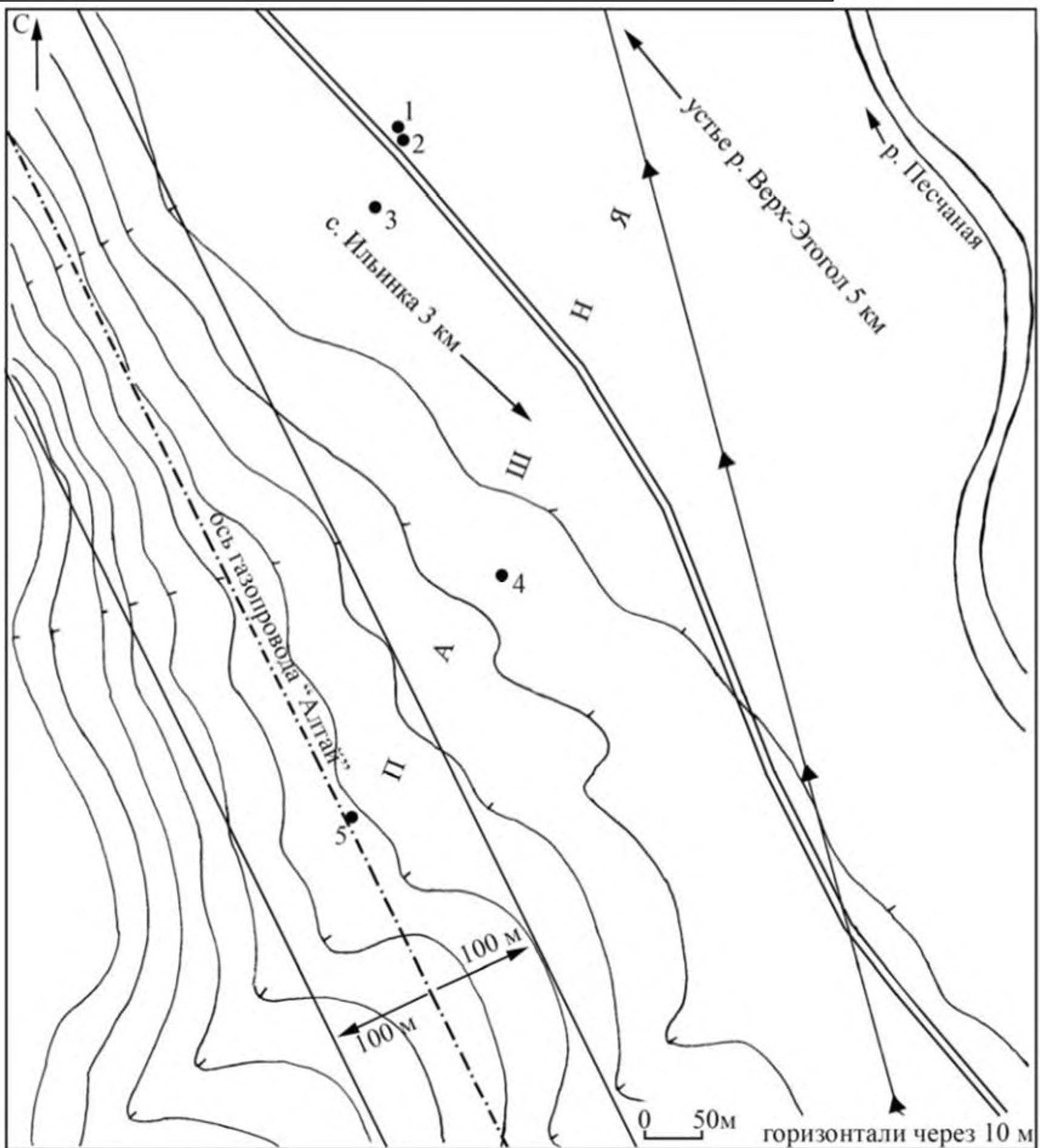

Рис. 5. План могильника Лог Могильников.

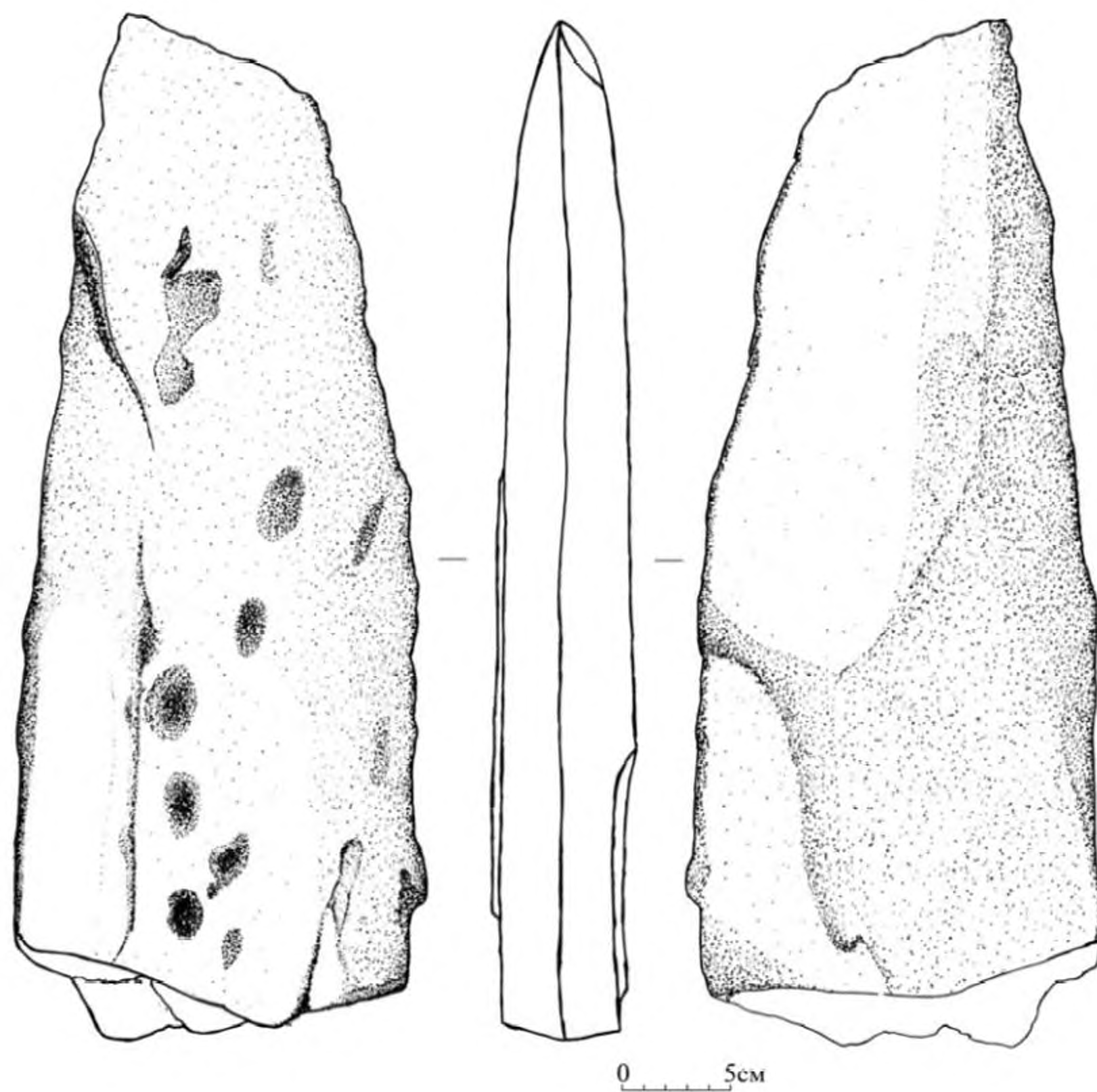

Рис. 6. Обломок стелы. Илуш.

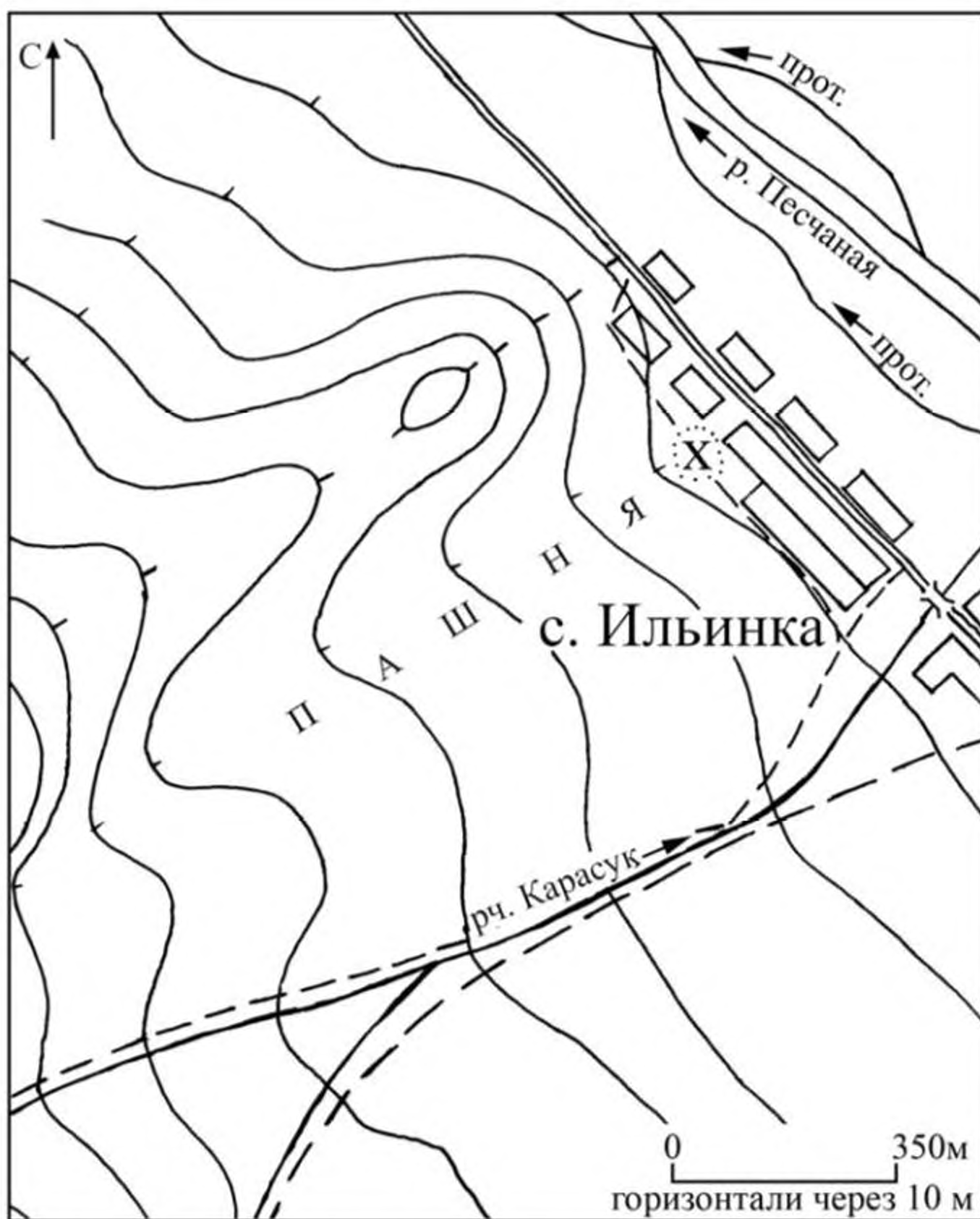

Рис. 7. План местонахождения Кара-Суу.

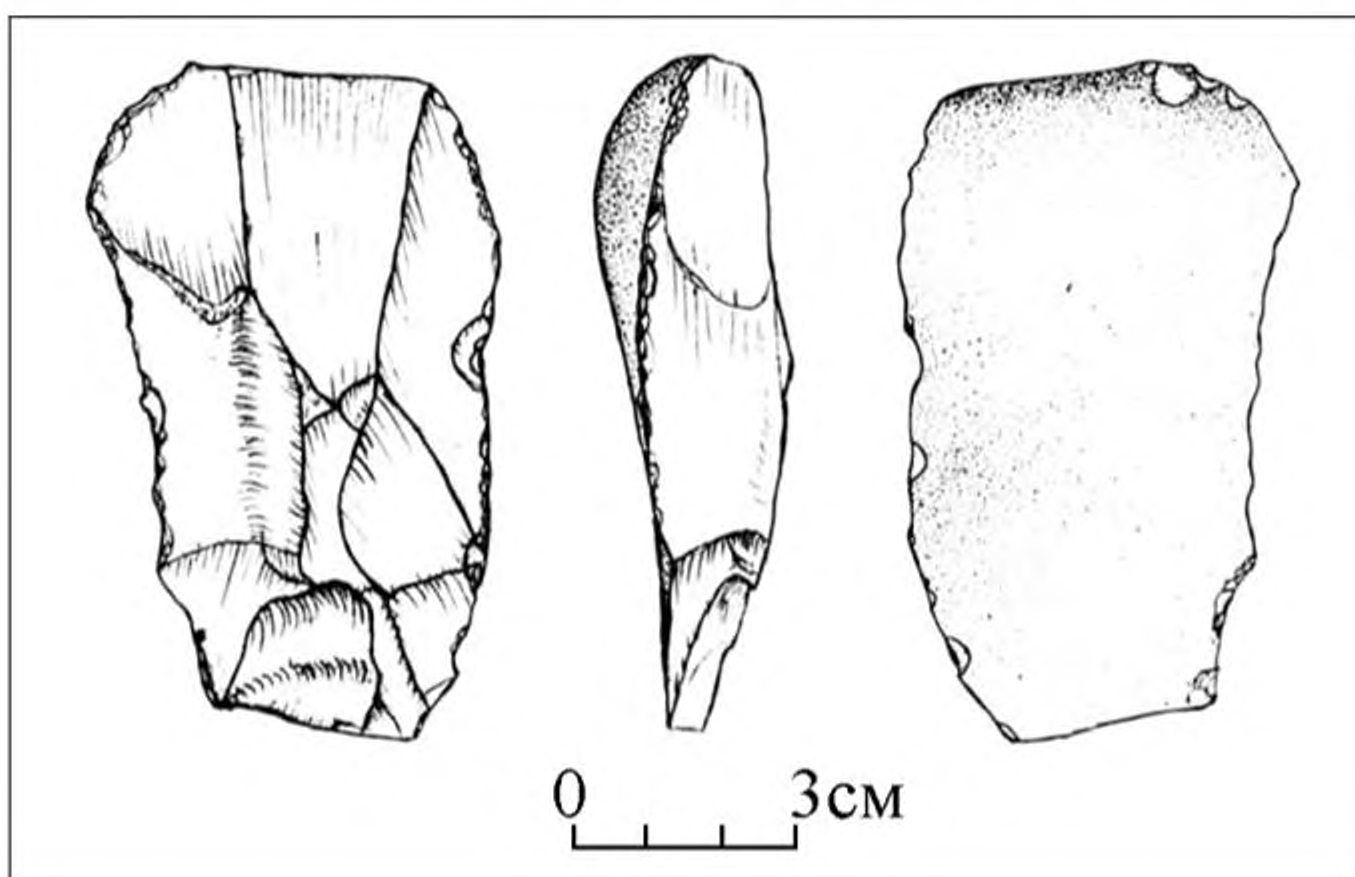

Рис. 8. Местонахождение Кара-Суу. Каменное орудие.

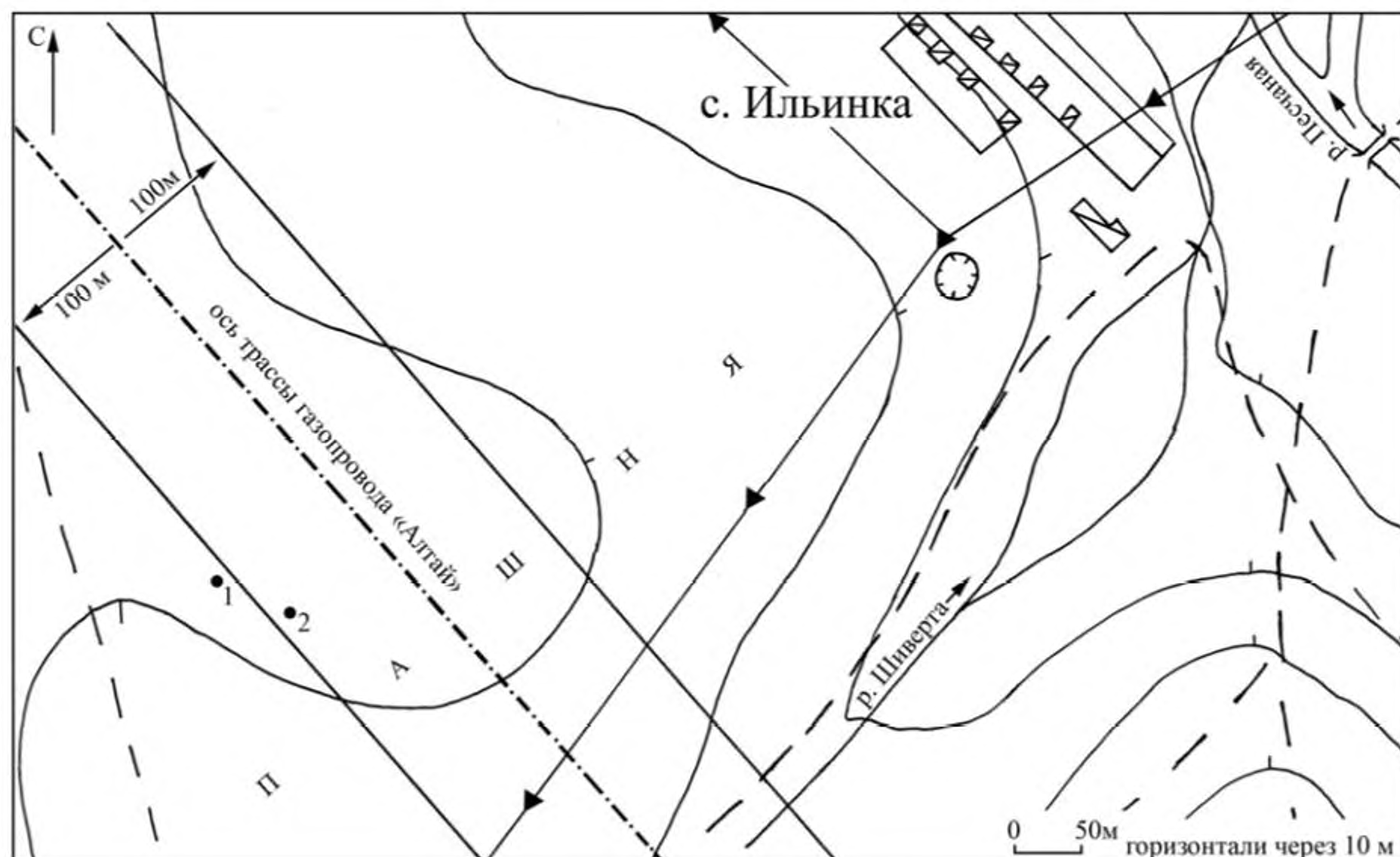

Рис. 9. План могильника Шиверта.

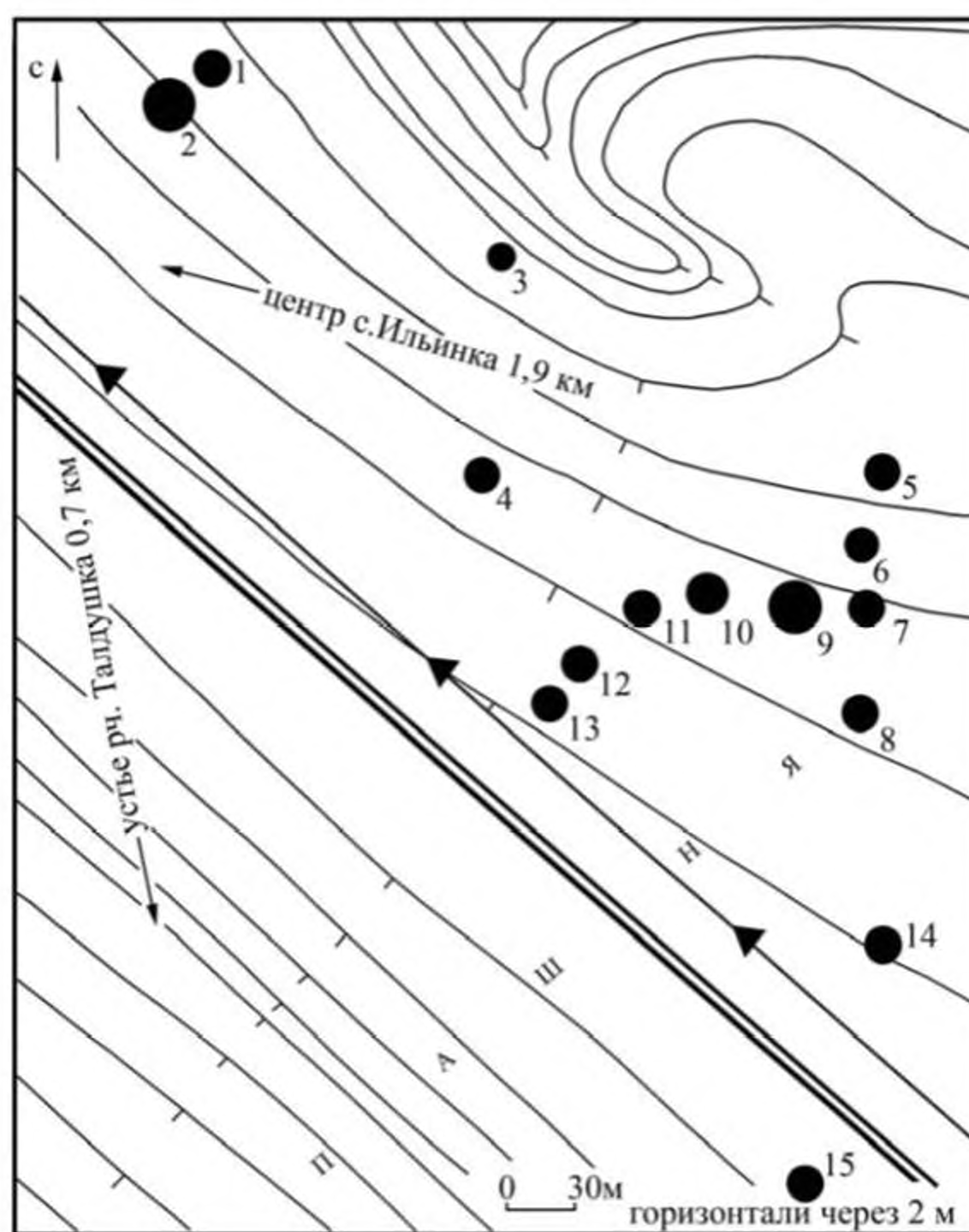

Рис. 10. План могильника Талду I.

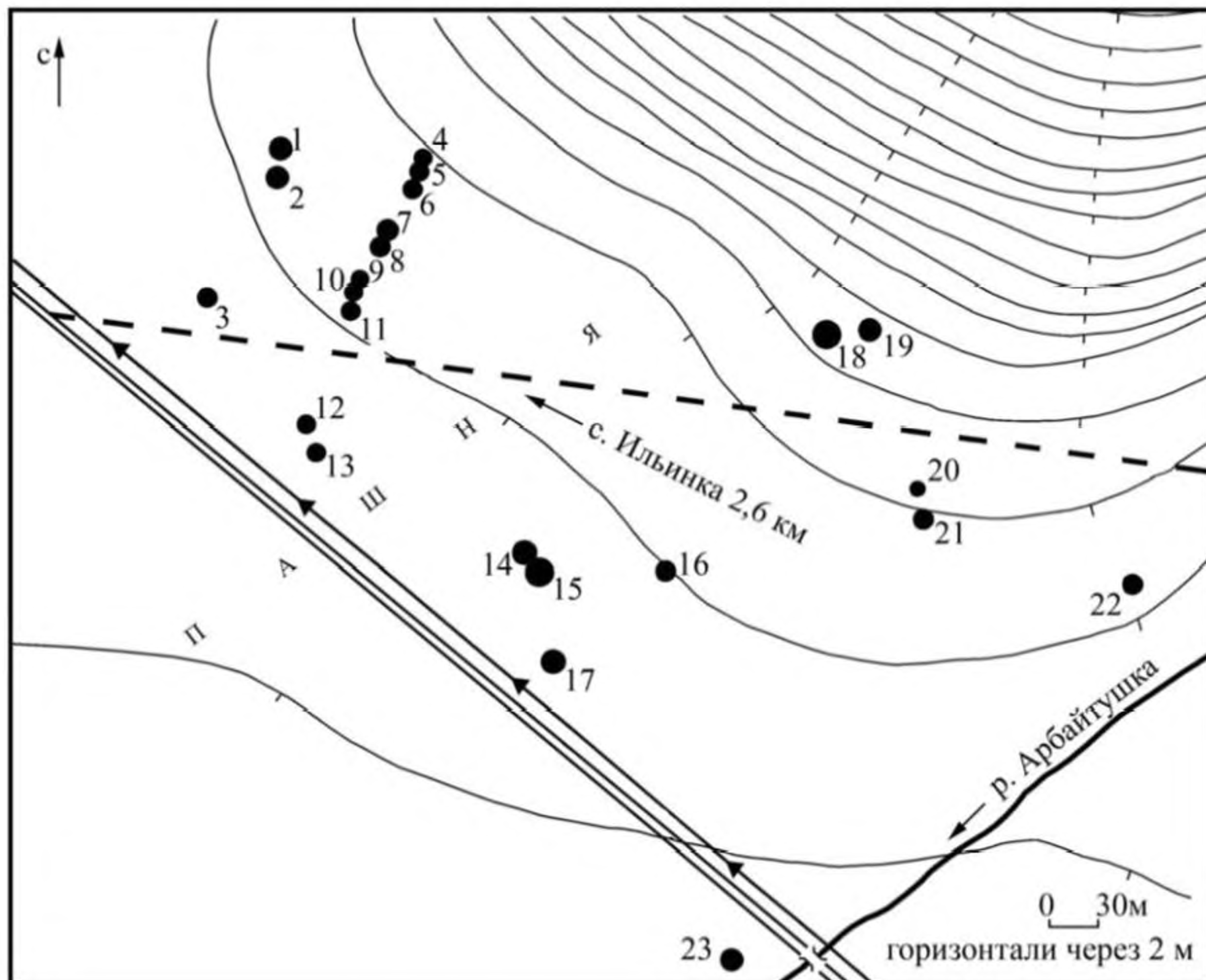

Рис. 11. План могильника Талду II.

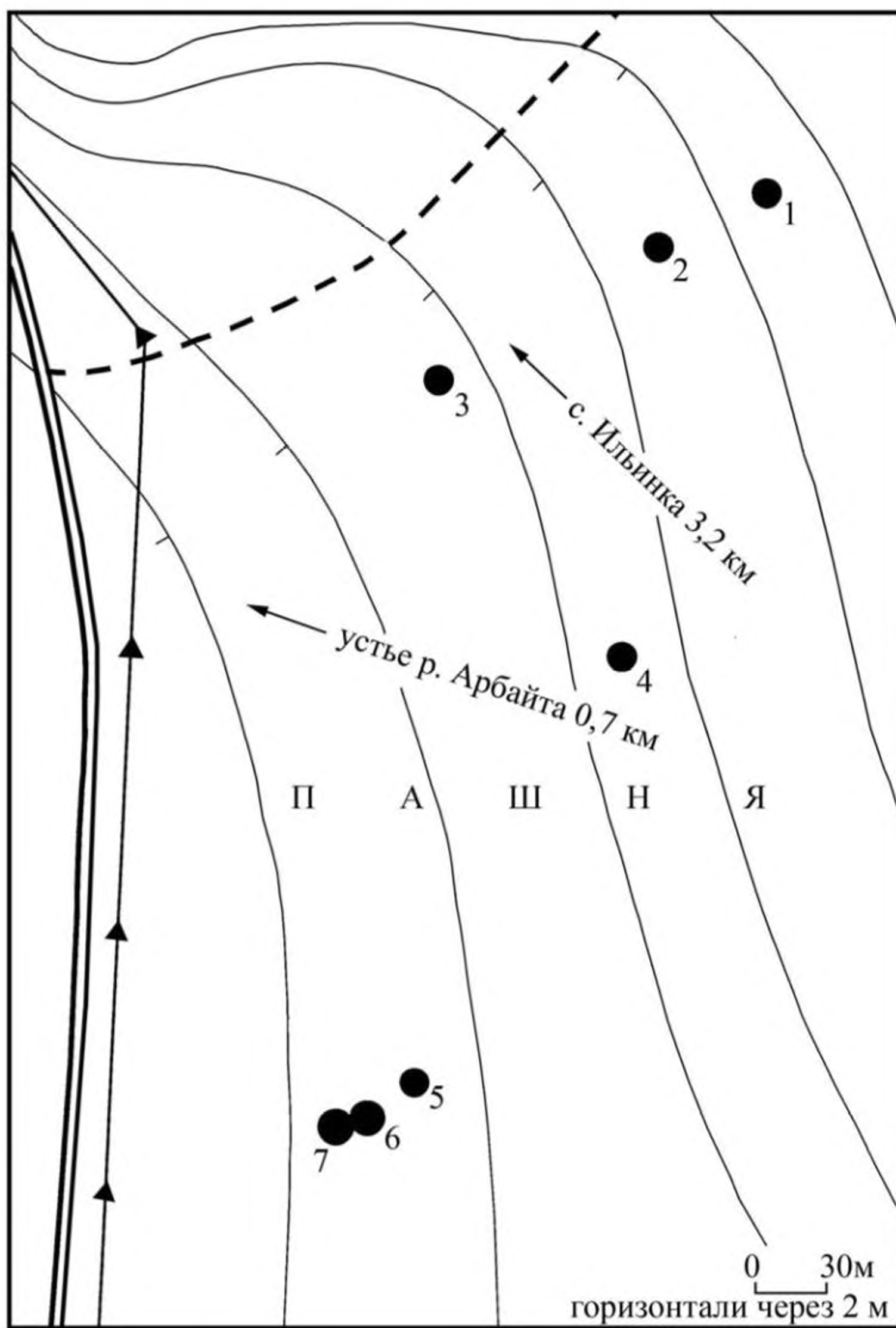

Рис. 12. План могильника Арбайтушка-I.

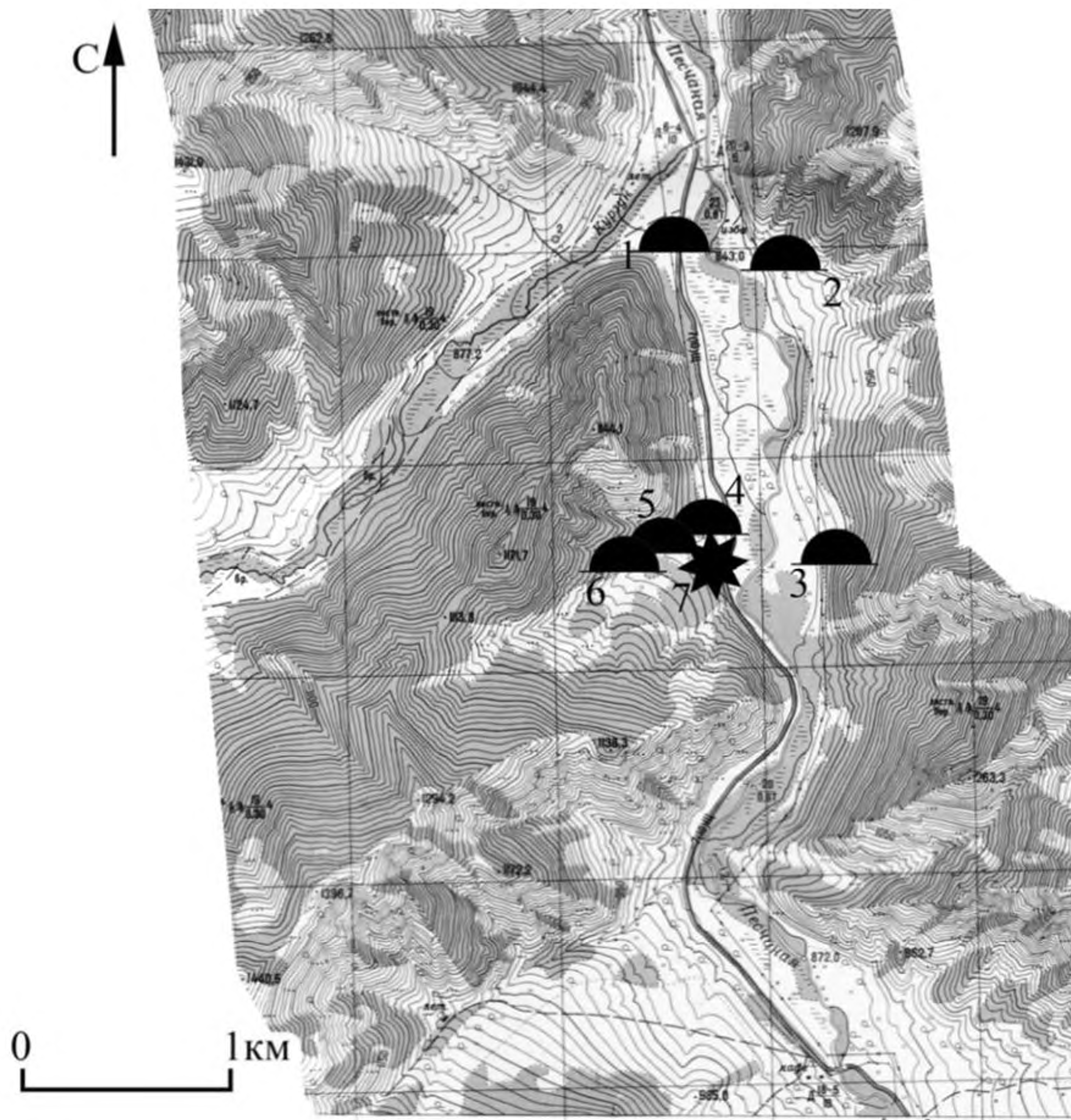

Рис. 13. Месторасположение памятников около устья р. Курзун.
 1 – могильник Усть-Курзун-1; 2 – могильник Холодильник-1;
 3 – могильник Холодильник-2; 4 – могильник Суела-1; 5 – могильник Суела-2;
 6 – могильник Суела-3; 7 – местонахождение Суела-4.

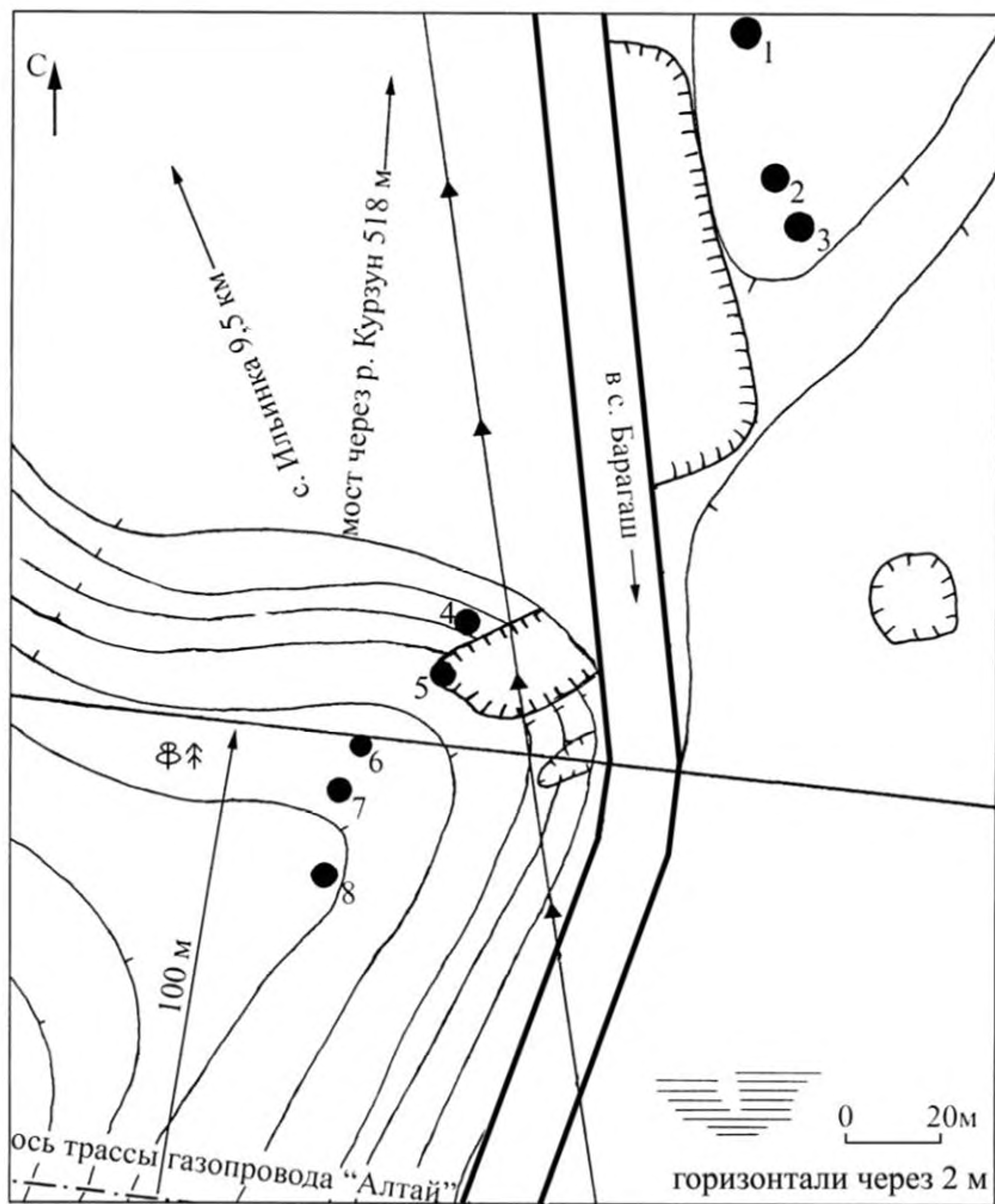

Рис. 14. План могильника Усть-Курзун-1.

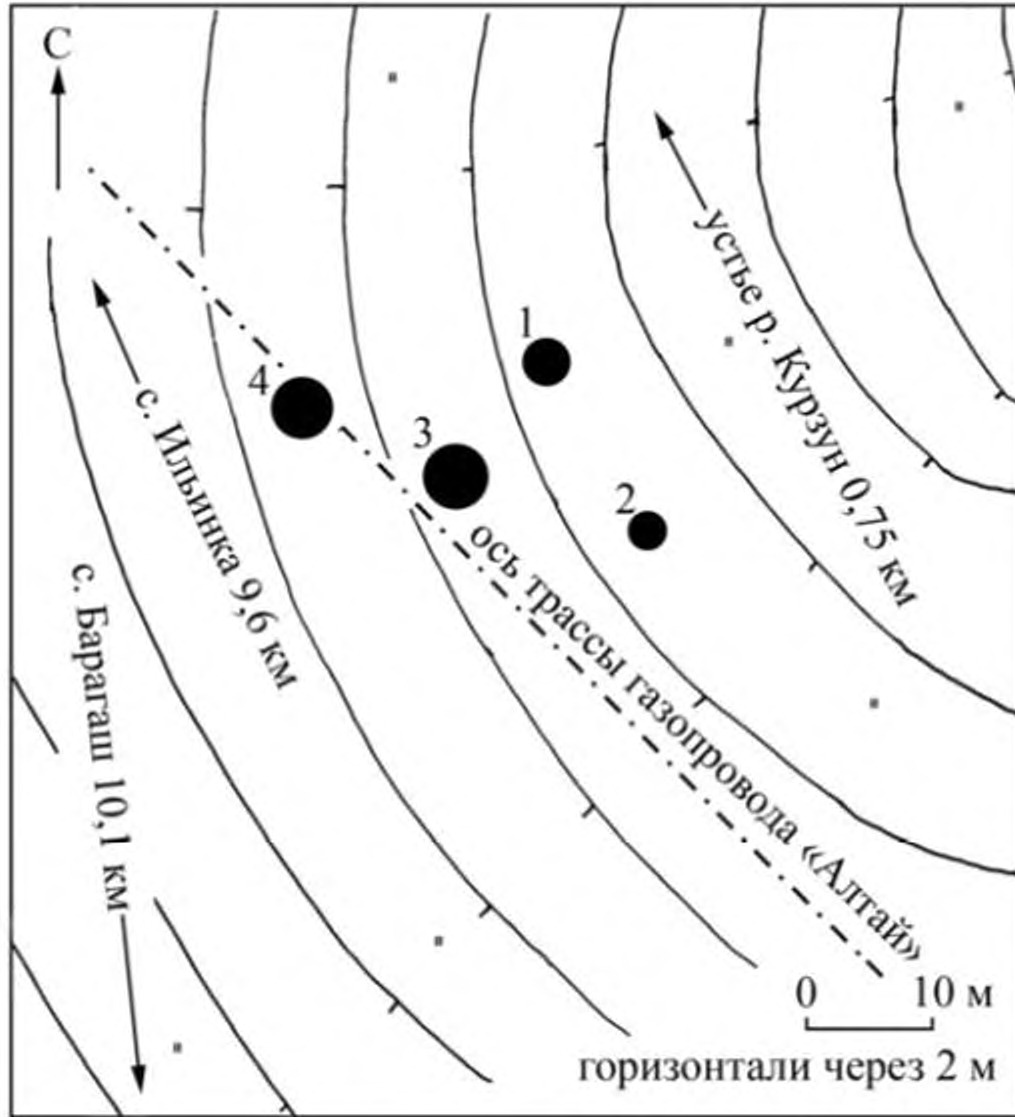

Рис. 15.
План могильника Холодильник-1.

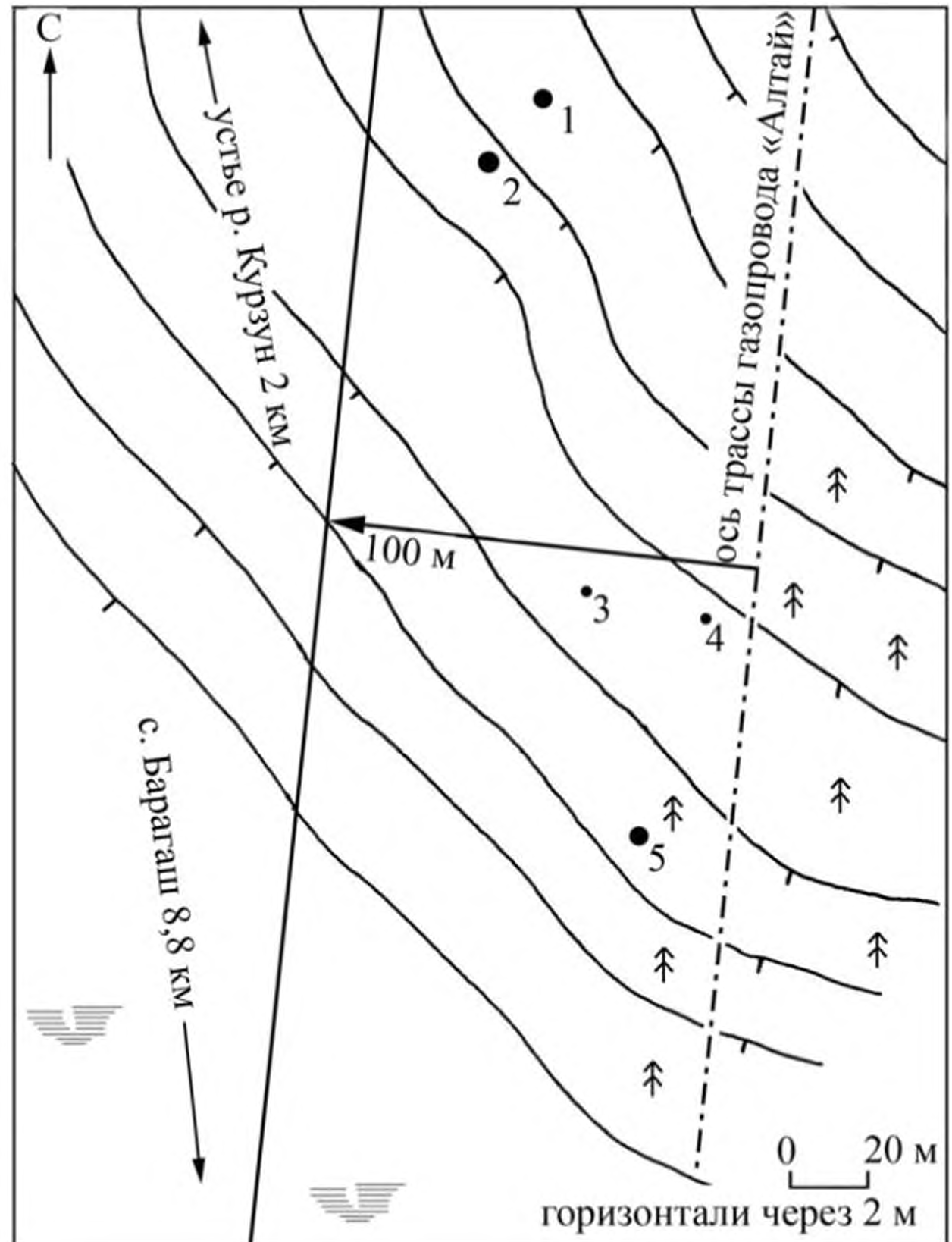

Рис. 16.
План могильника
Холодильник-2.

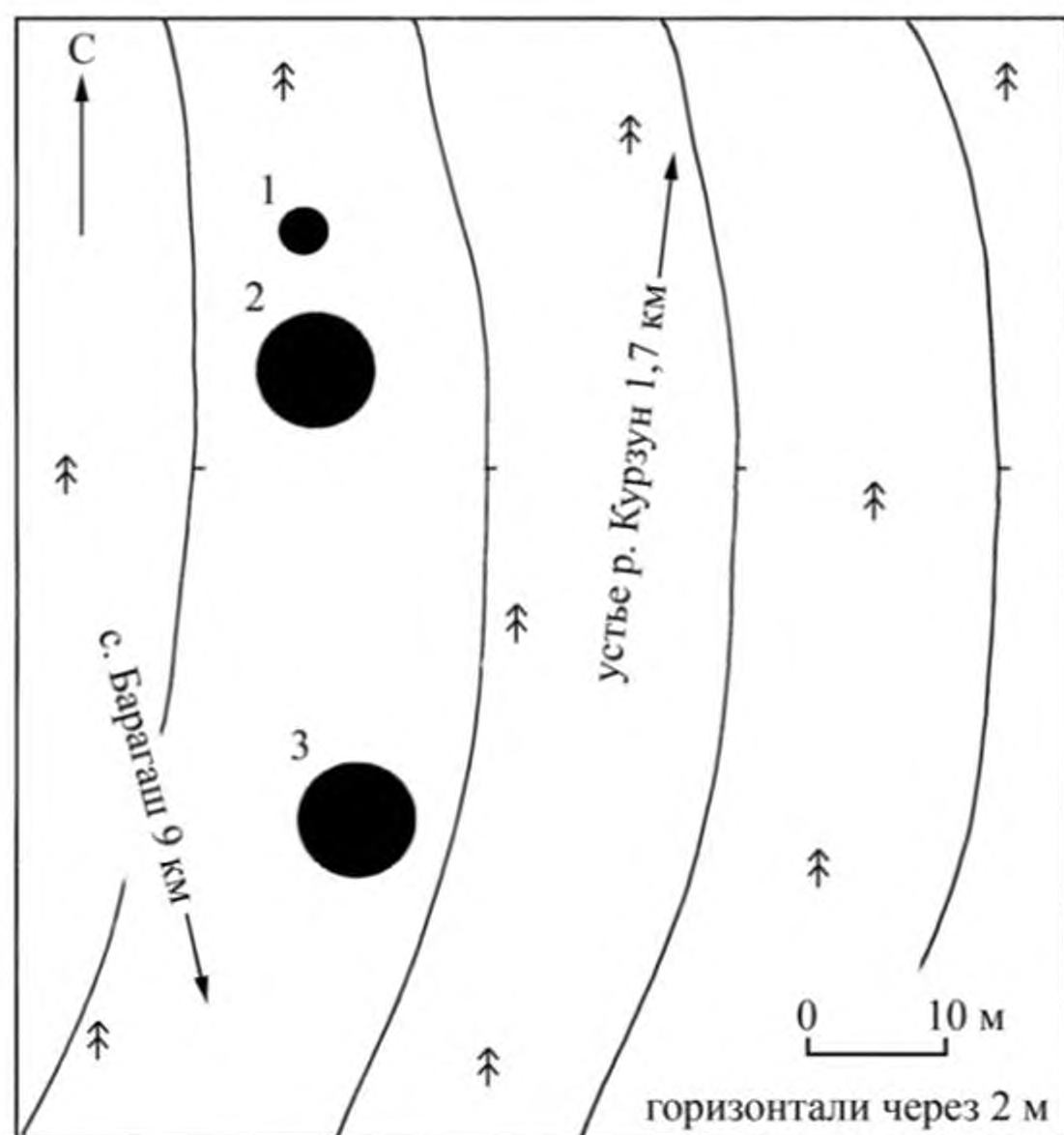

Рис. 17.
План могильника Суела-1.

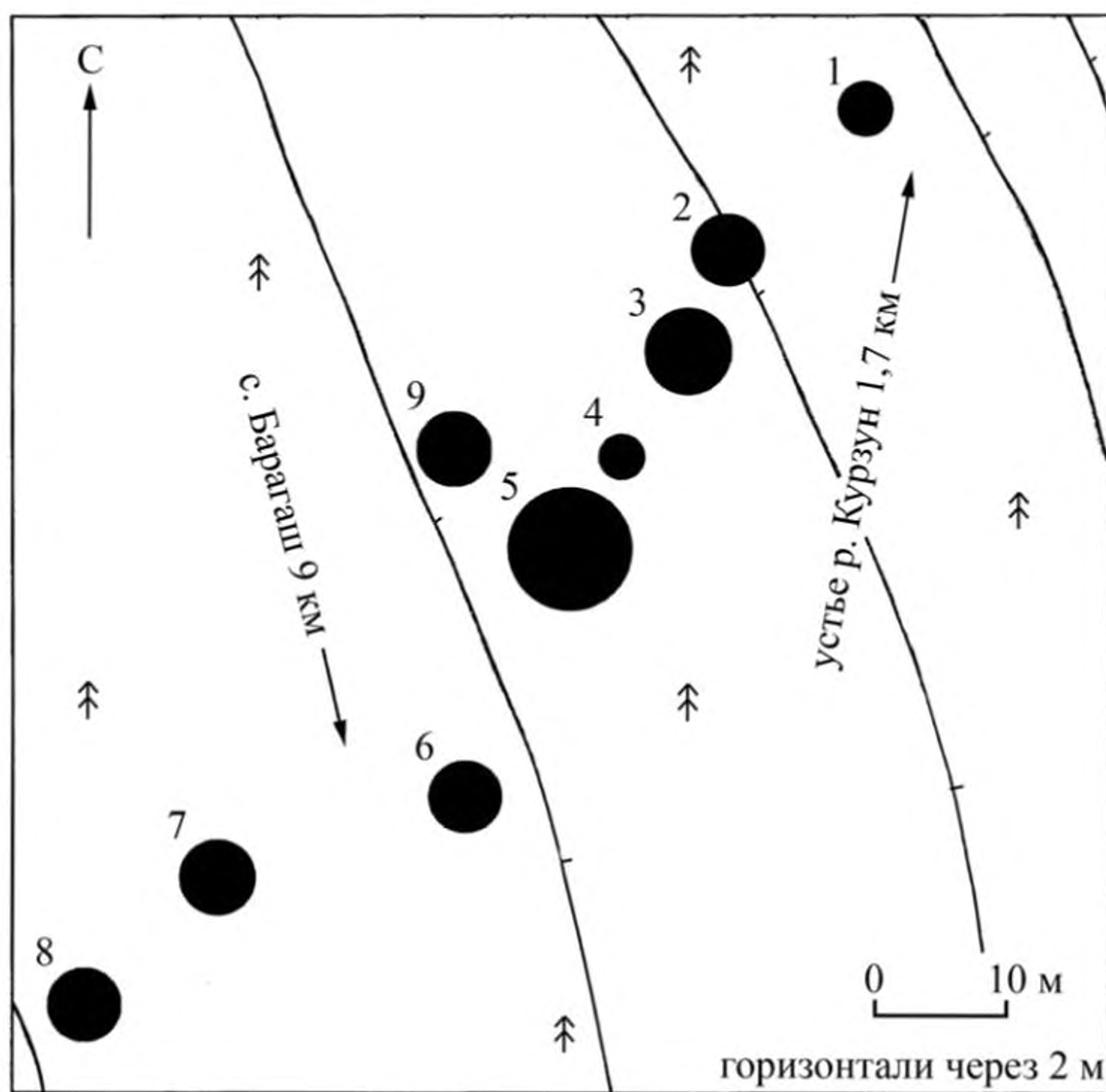

Рис. 18. План могильника Суела-2.

Рис. 19.
План могильника Суела-3.

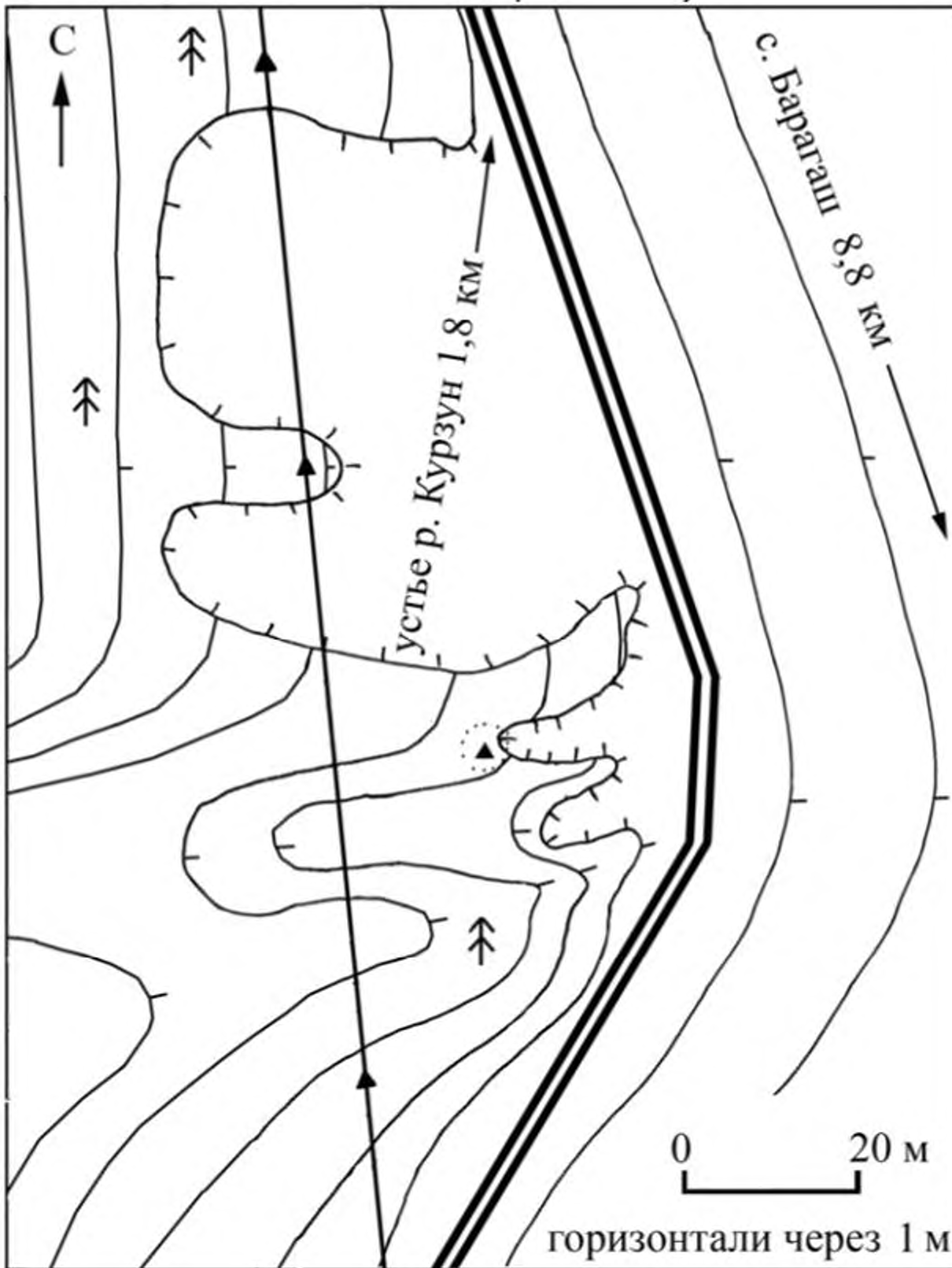
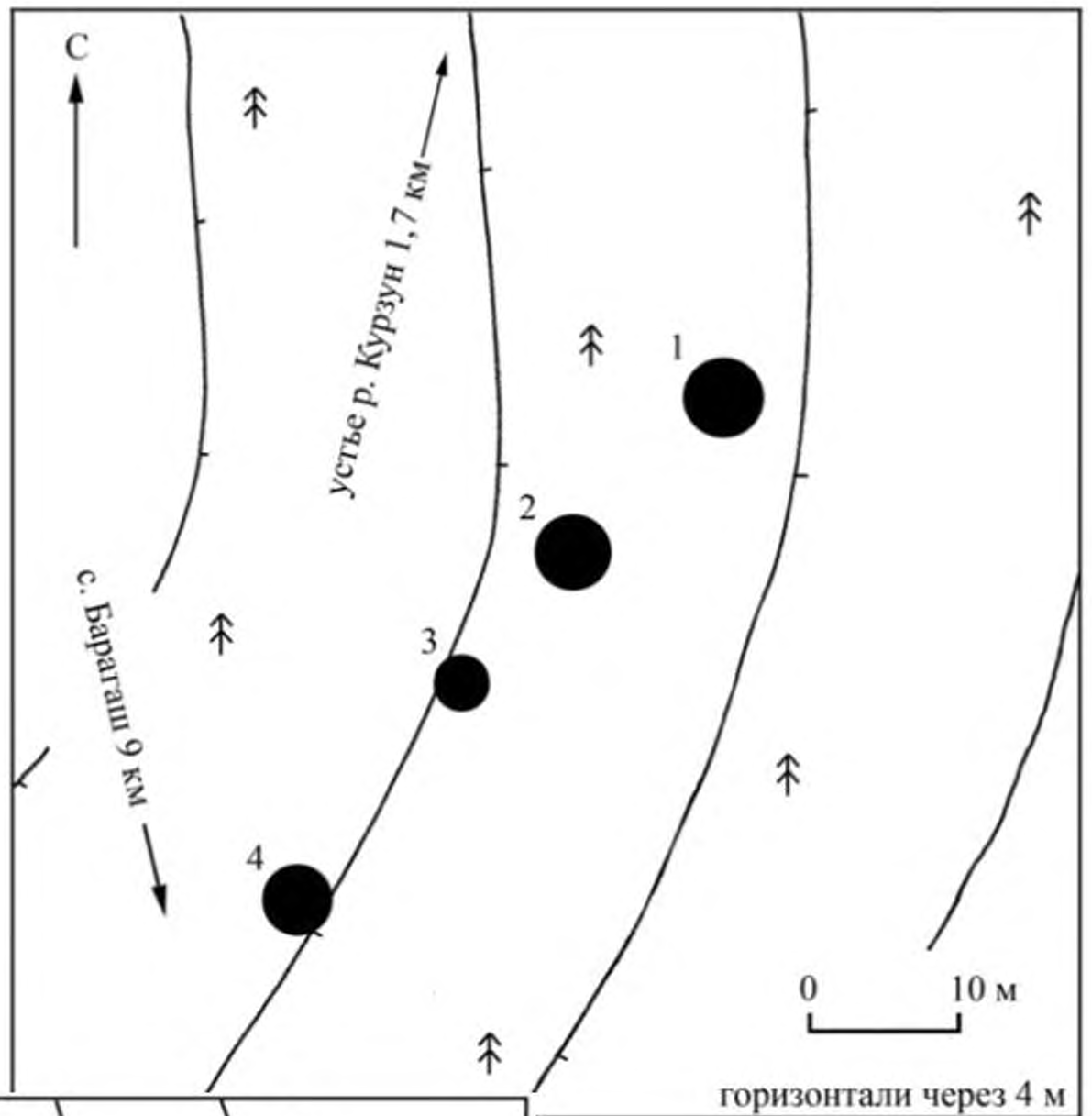

Рис. 20.
План местонахождения Суела-4.

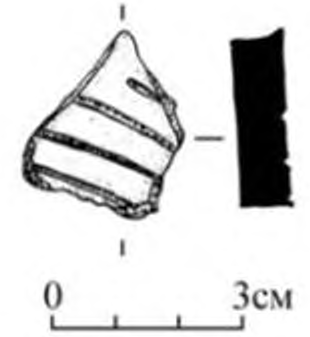

Рис. 21.
Орнаментированный
фрагмент керамики.
Местонахождение Суела-4.

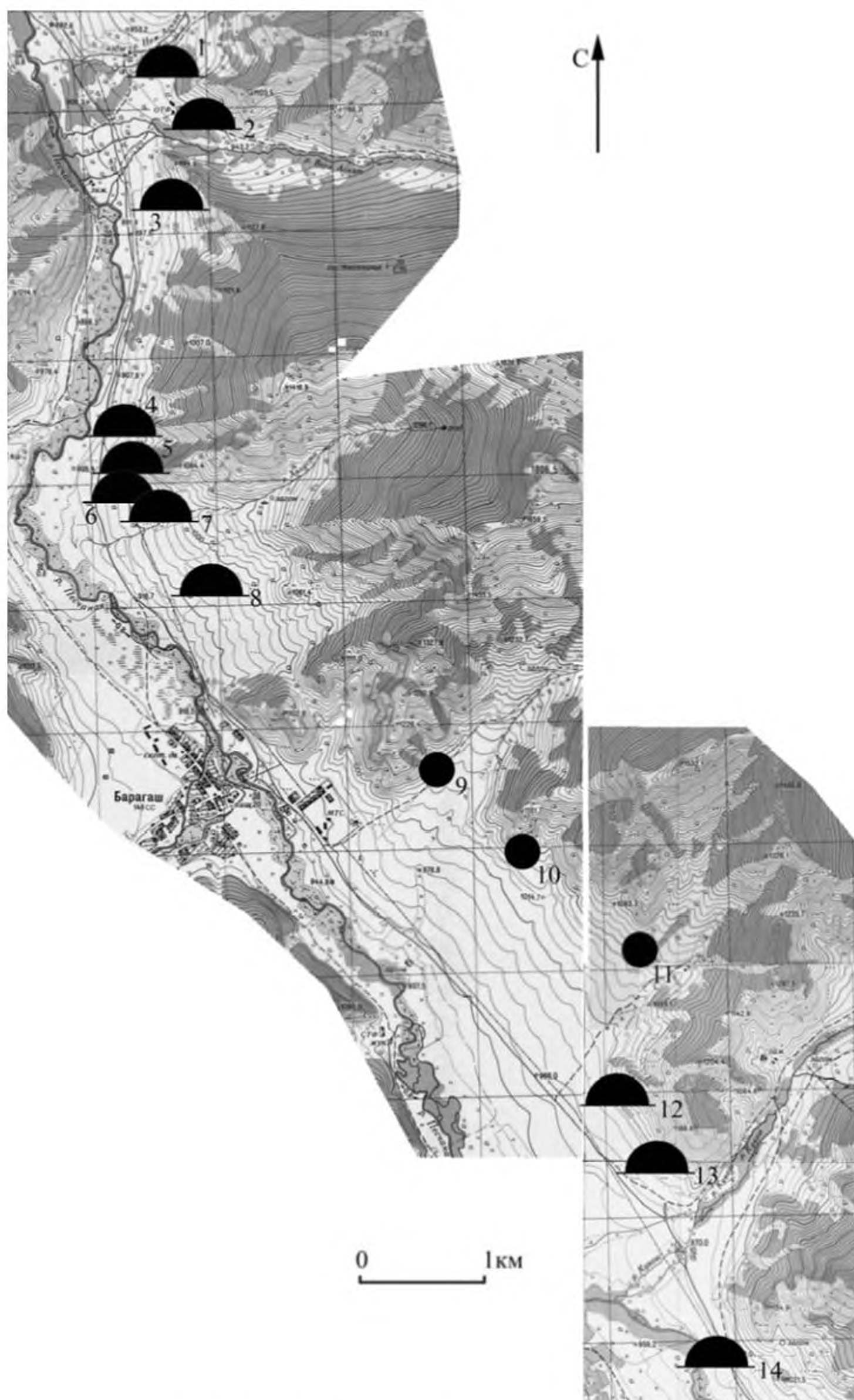

Рис. 22. Месторасположение памятников в окрестностях с. Барагаш.
 1 – могильник Нижний Аскат-1; 2 – могильник Верхний Аскат-1;
 3 – могильник Верхний Аскат-2; 4 – одиночный курган Халуста-2;
 5 – могильник Халуста-3; 6 – могильник Халуста-4; 7 – могильник Халуста-5;
 8 – могильник Халуста-6; 9 – поселение Дергун-1;
 10 – поселение Дергун-2; 11 – поселение Сухой Лог;
 12 – могильник Кубаш-5; 13 – могильник Кубаш-4; 14 – могильник Кубаш-3.

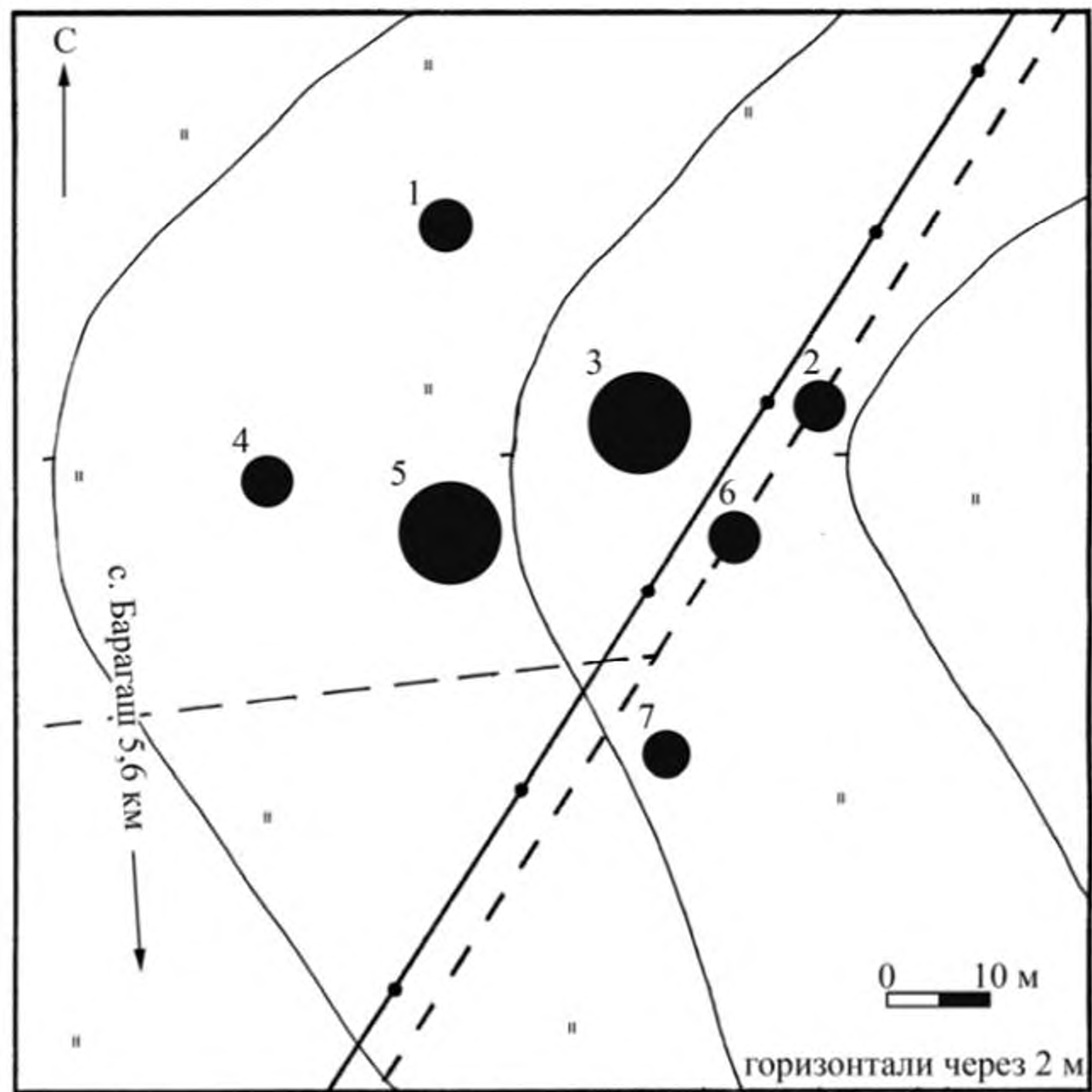

Рис. 23. План могильника Нижний Аскат-1.

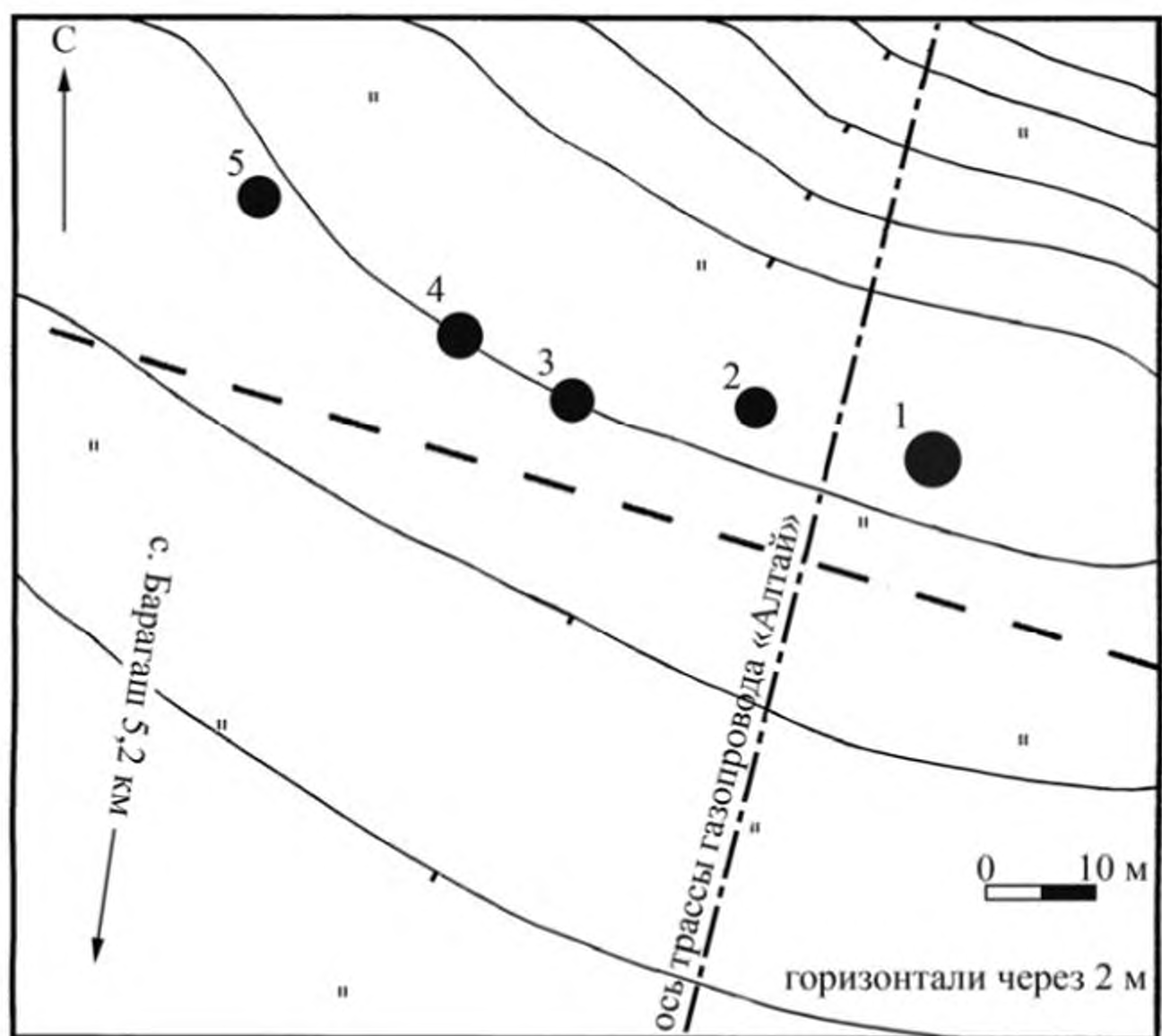

Рис. 24. План могильника Верхний Аскат-1.

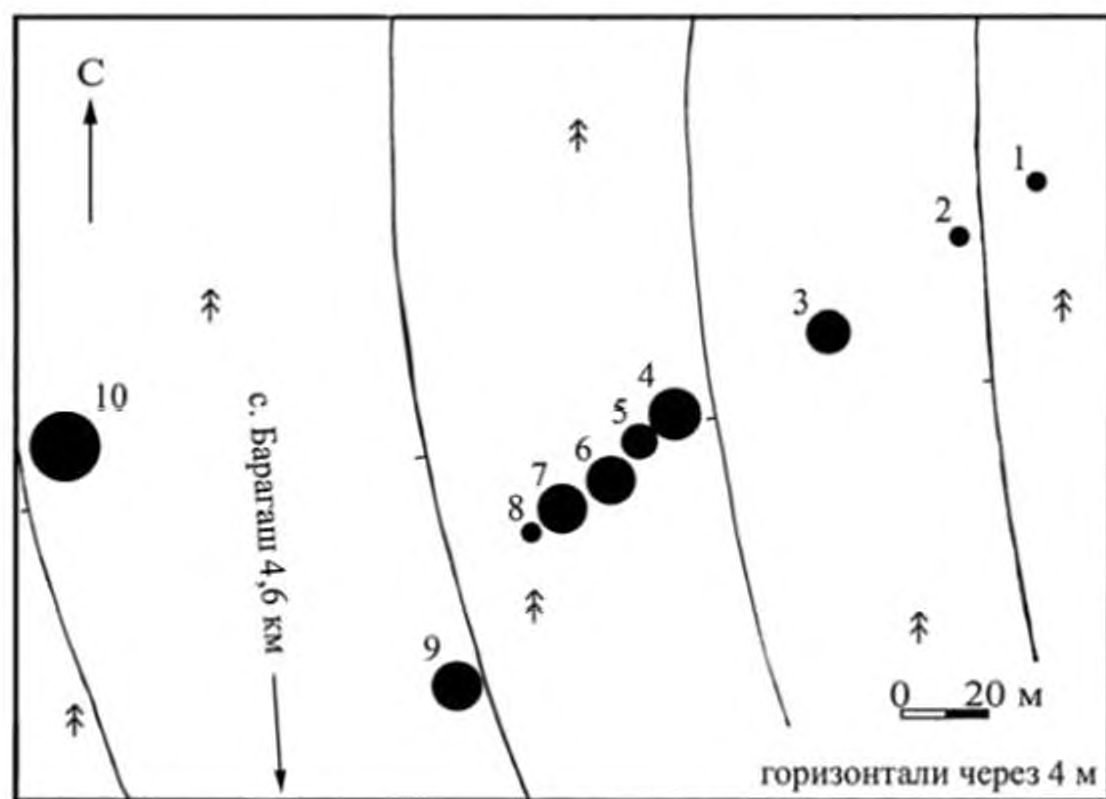

Рис. 25.
План могильника
Верхний Аскат-2.

Рис. 26.
План
одиначного
кургана
Халуста-2.

Рис. 27.
План могильника
Халуста-3.

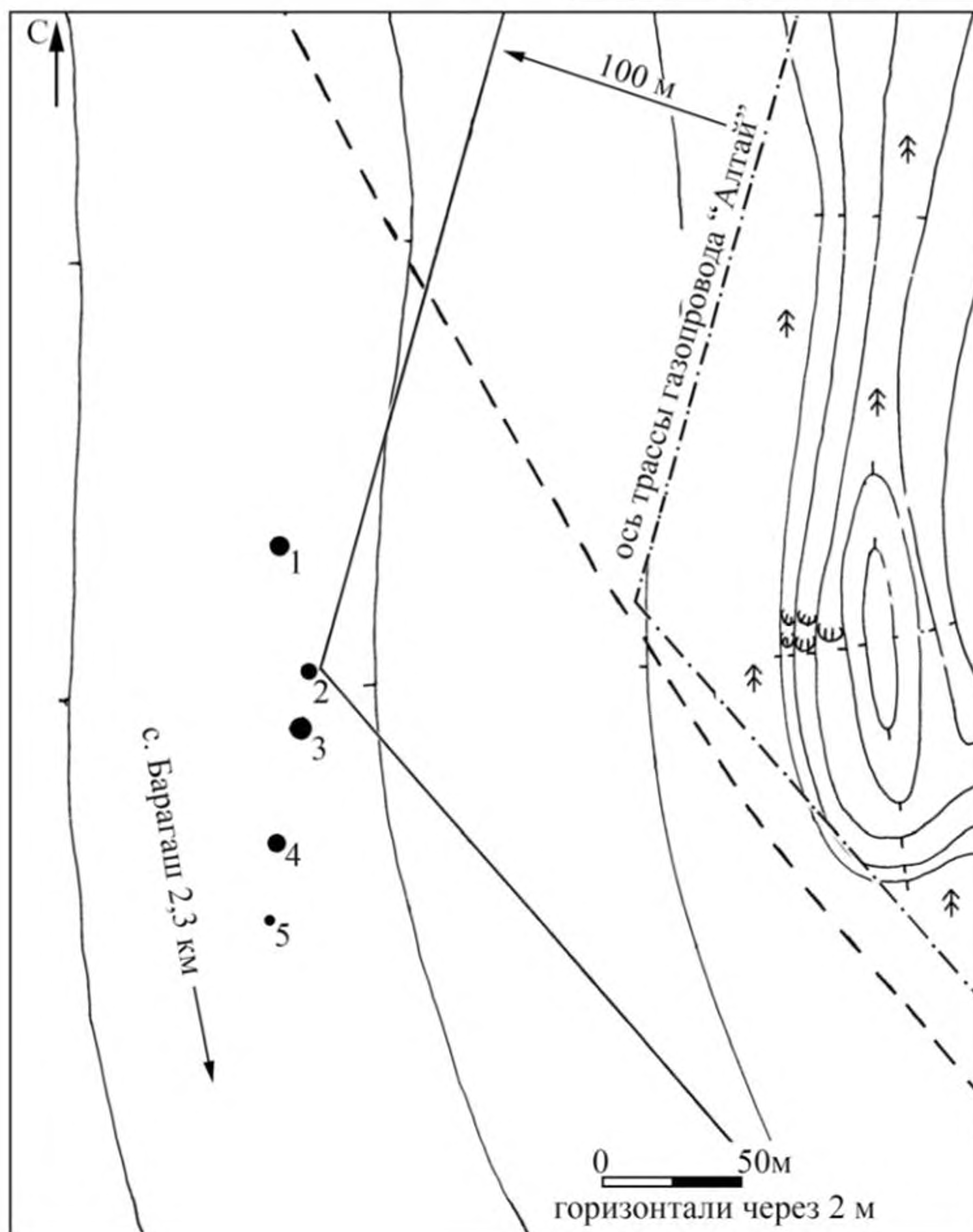
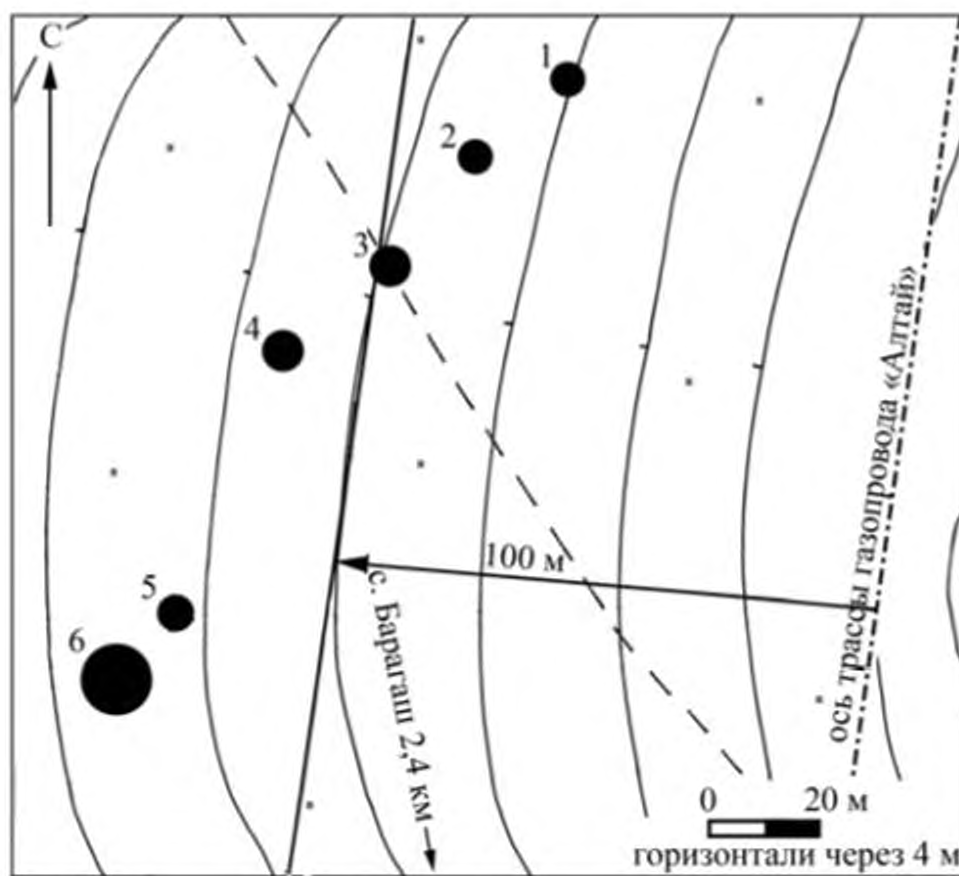

Рис. 28.
План
могильника
Халуста-4.

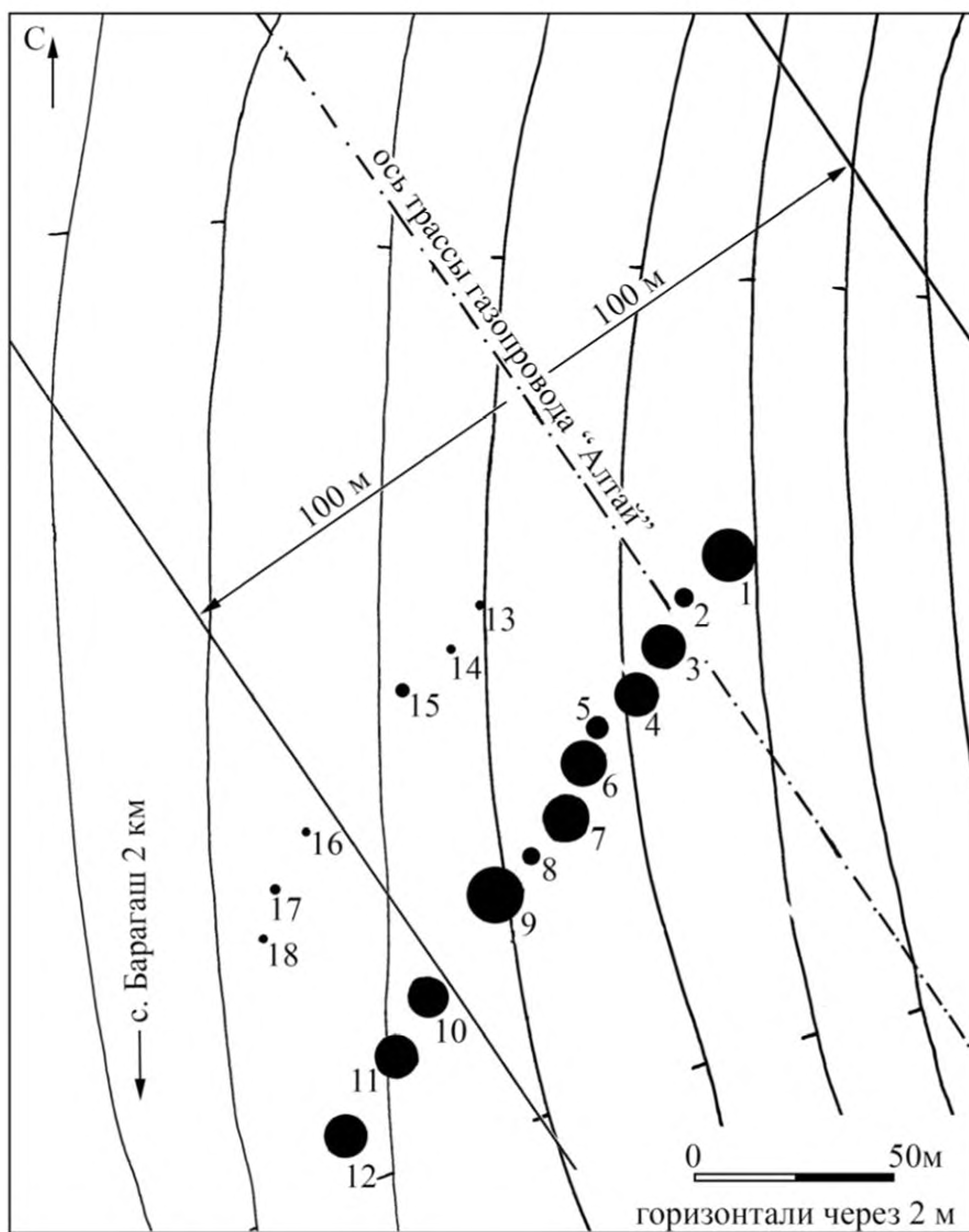

Рис. 29. План могильника Халуста-5.

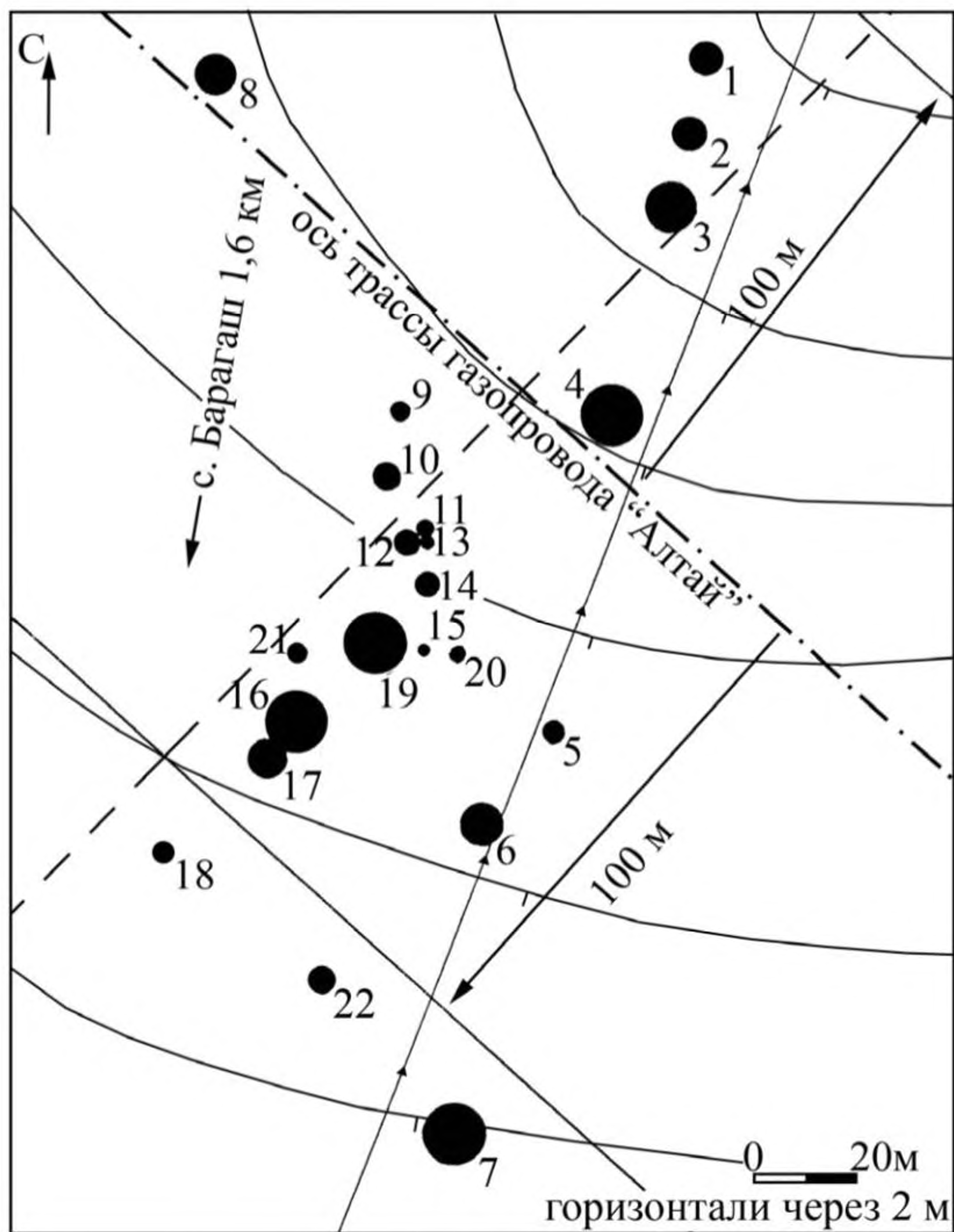

Рис. 30. План могильника Халуста-6.

Рис. 31.
План
поселения
Дергун-1.

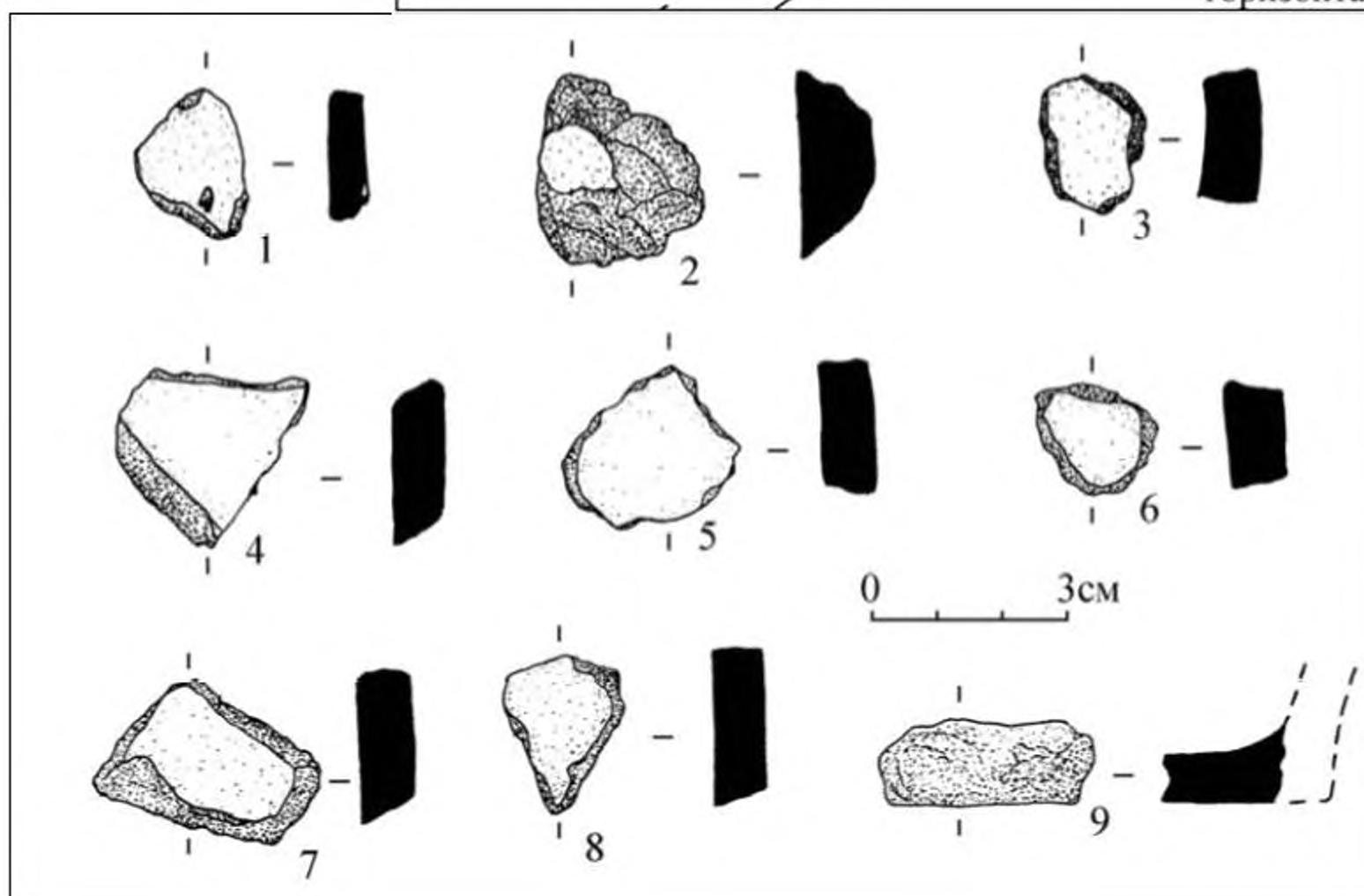
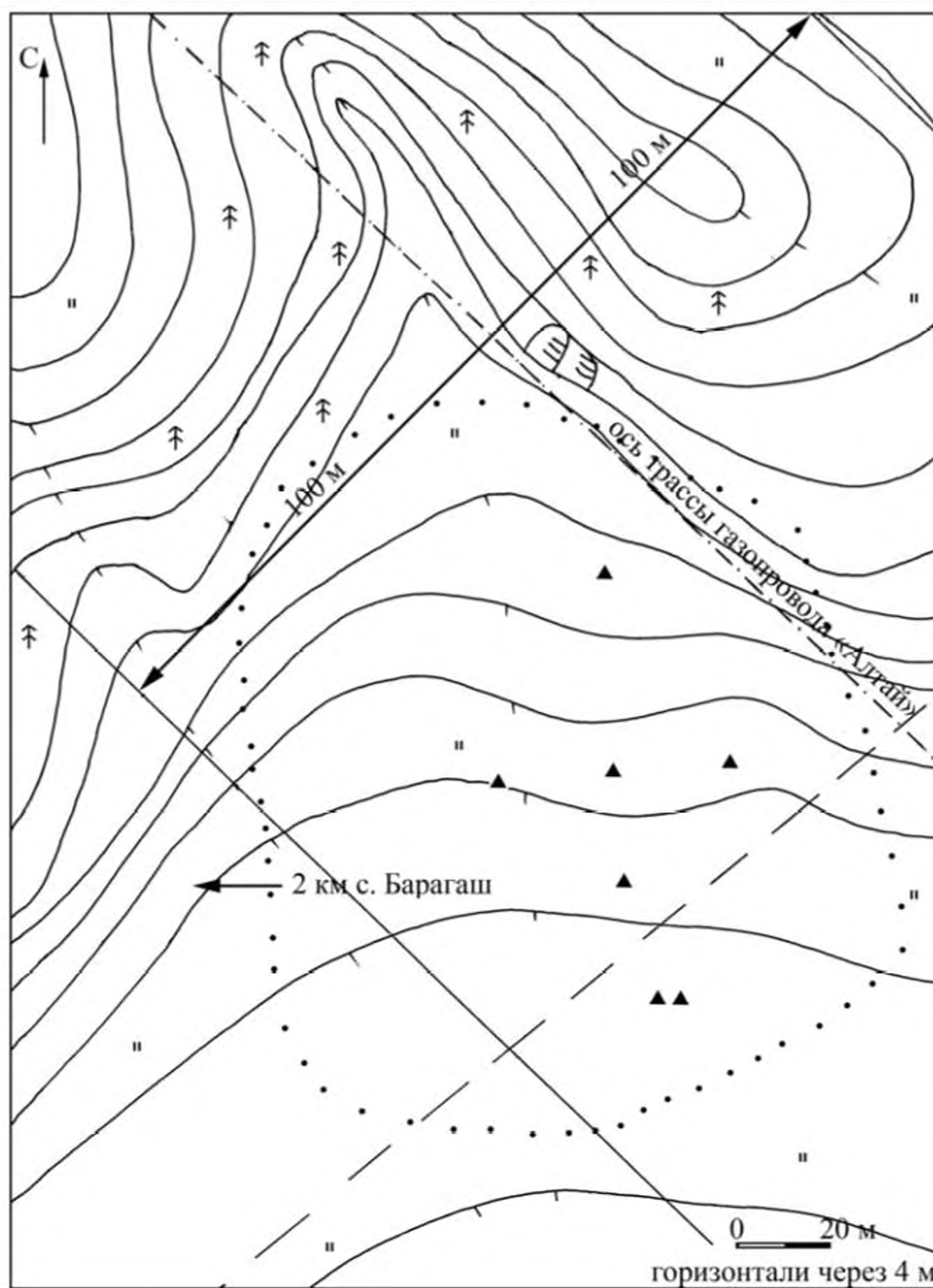

Рис. 32.
Фрагменты
керамики.
Поселение
Дергун-1.

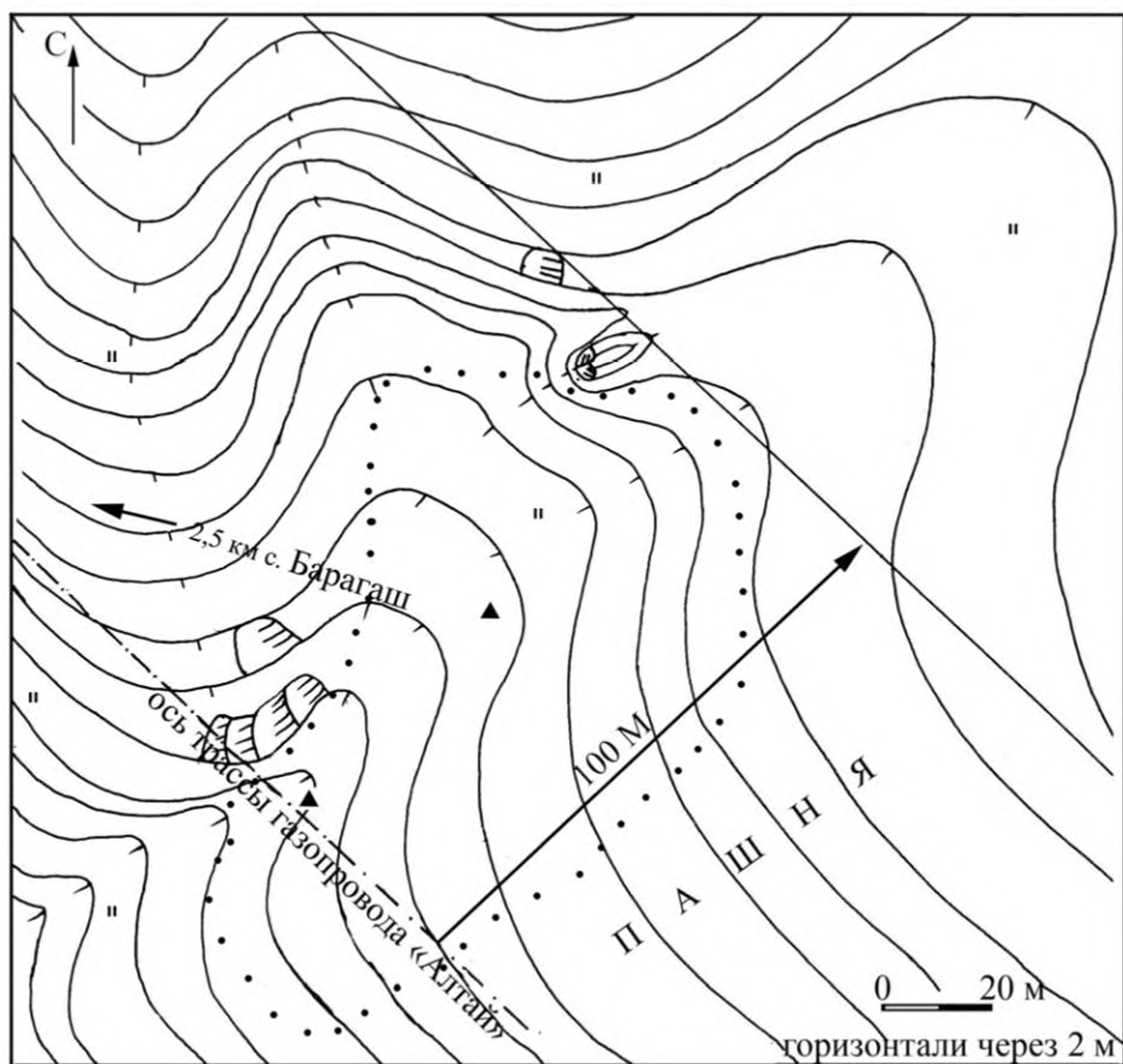

Рис. 33. План поселения Дергун-2.

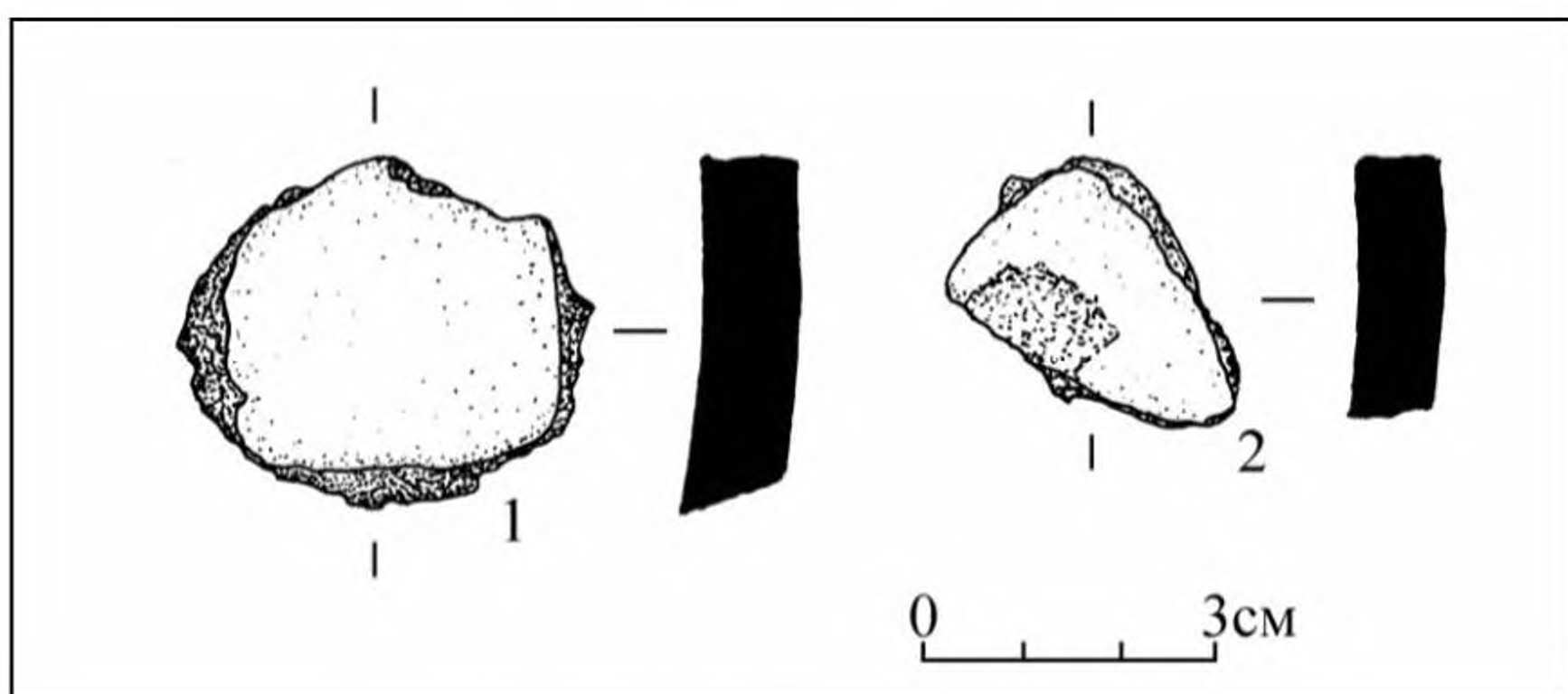

Рис. 34. Фрагменты керамики. Поселение Дергун-2.

Рис. 35.
План поселения
Сухой Лог.

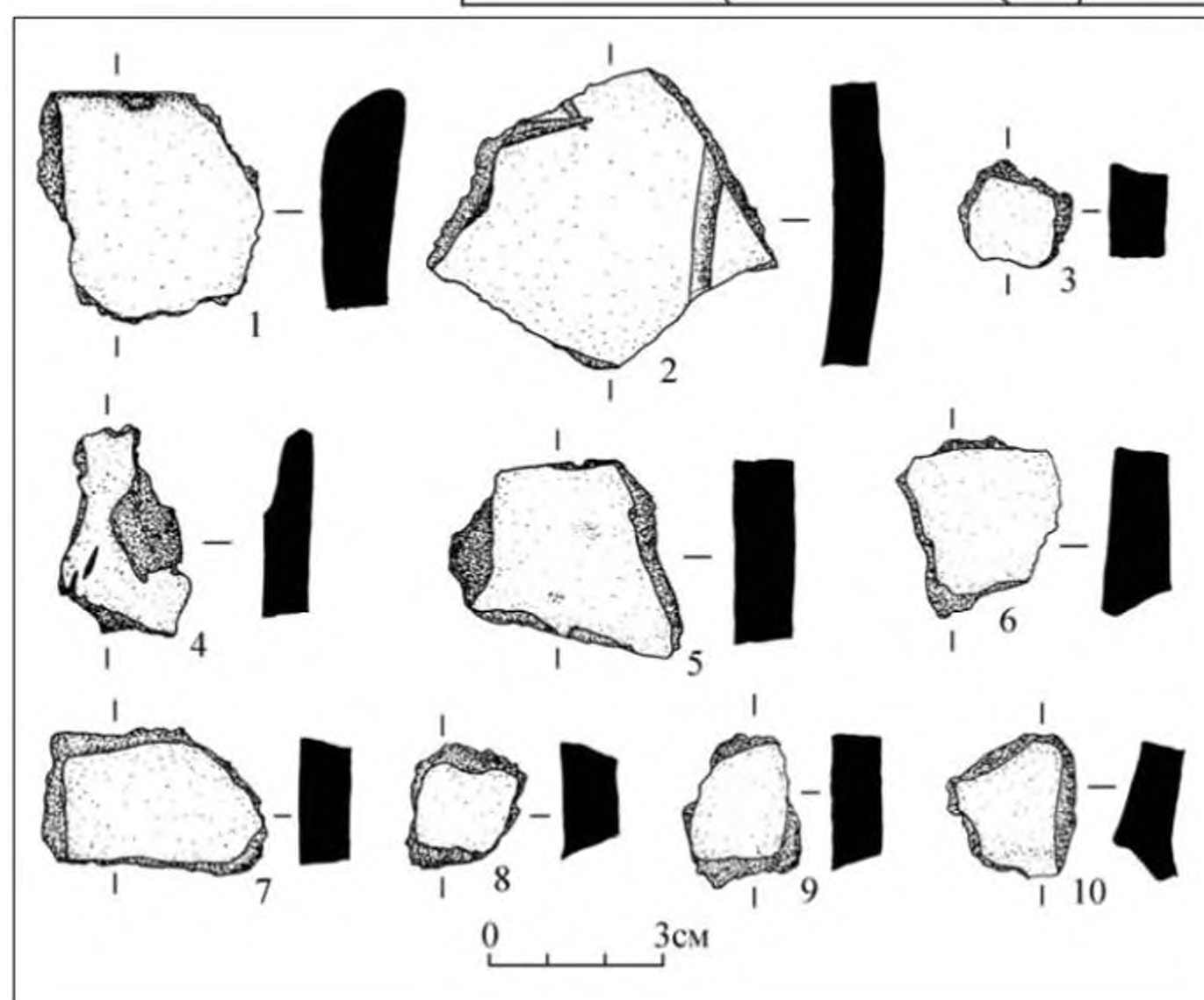
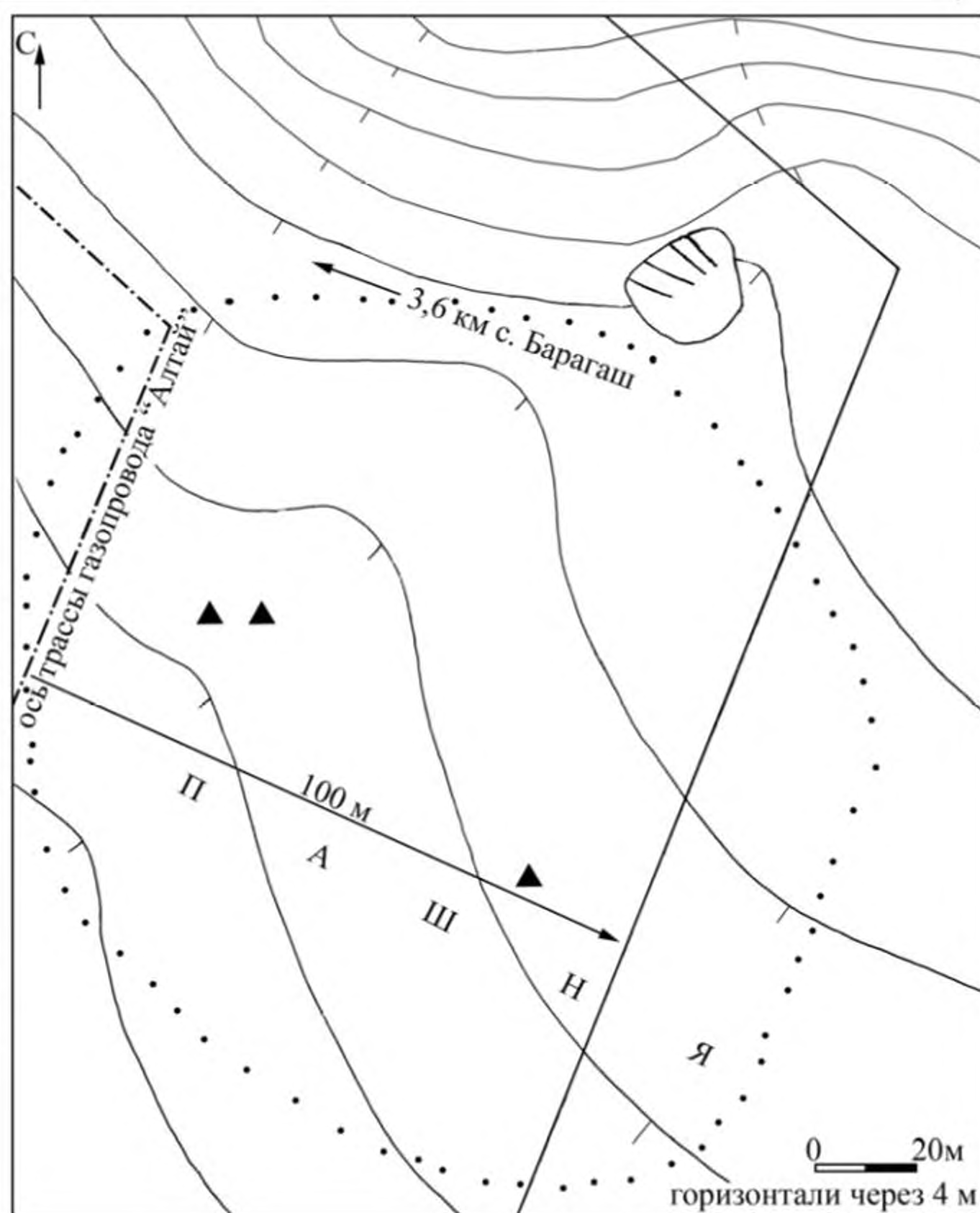

Рис. 36.
Фрагменты керамики.
Поселение Сухой Лог.

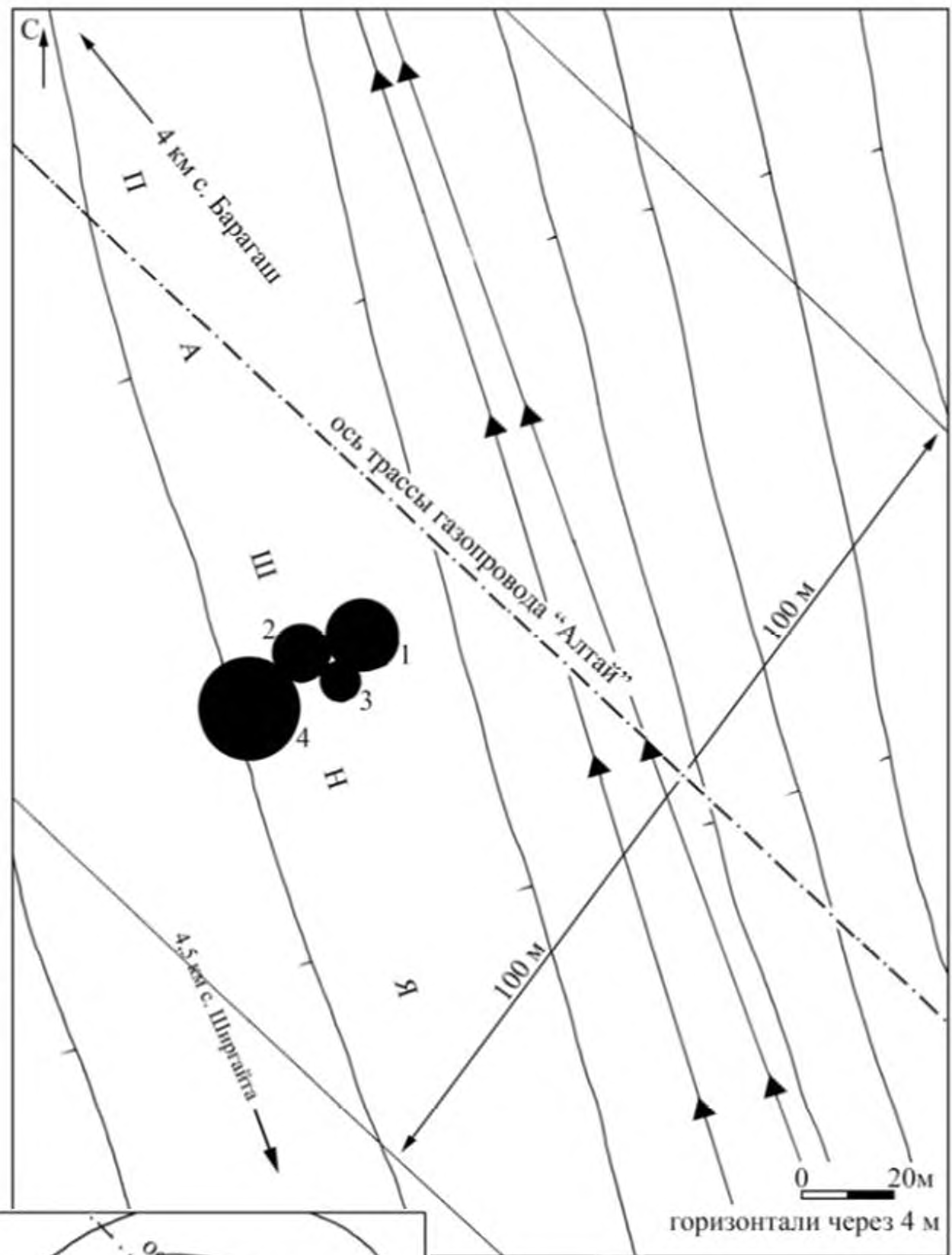

Рис. 37.
План могильника
Кубаш-5.

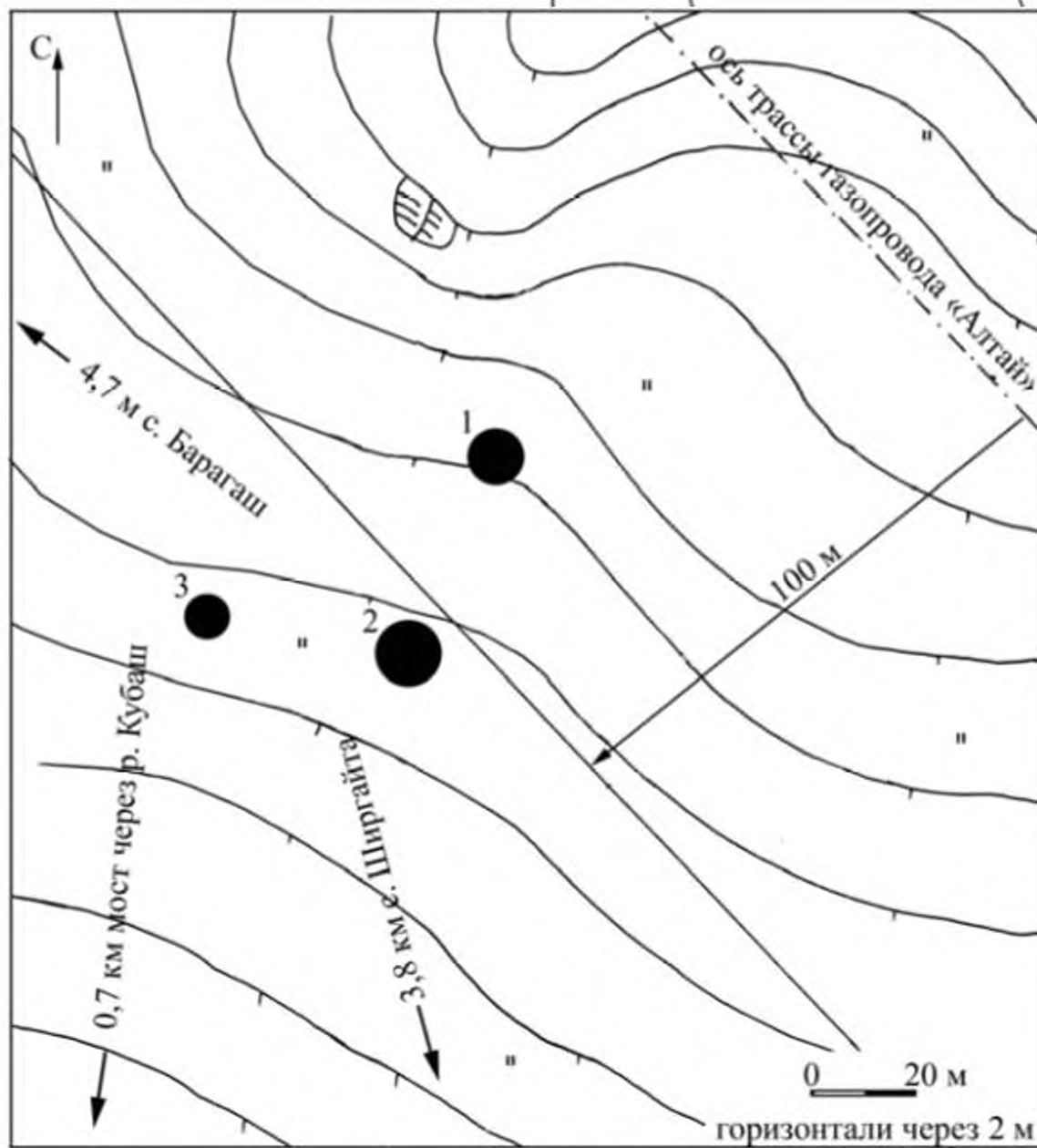

Рис. 38.
План могильника
Кубаш-4.

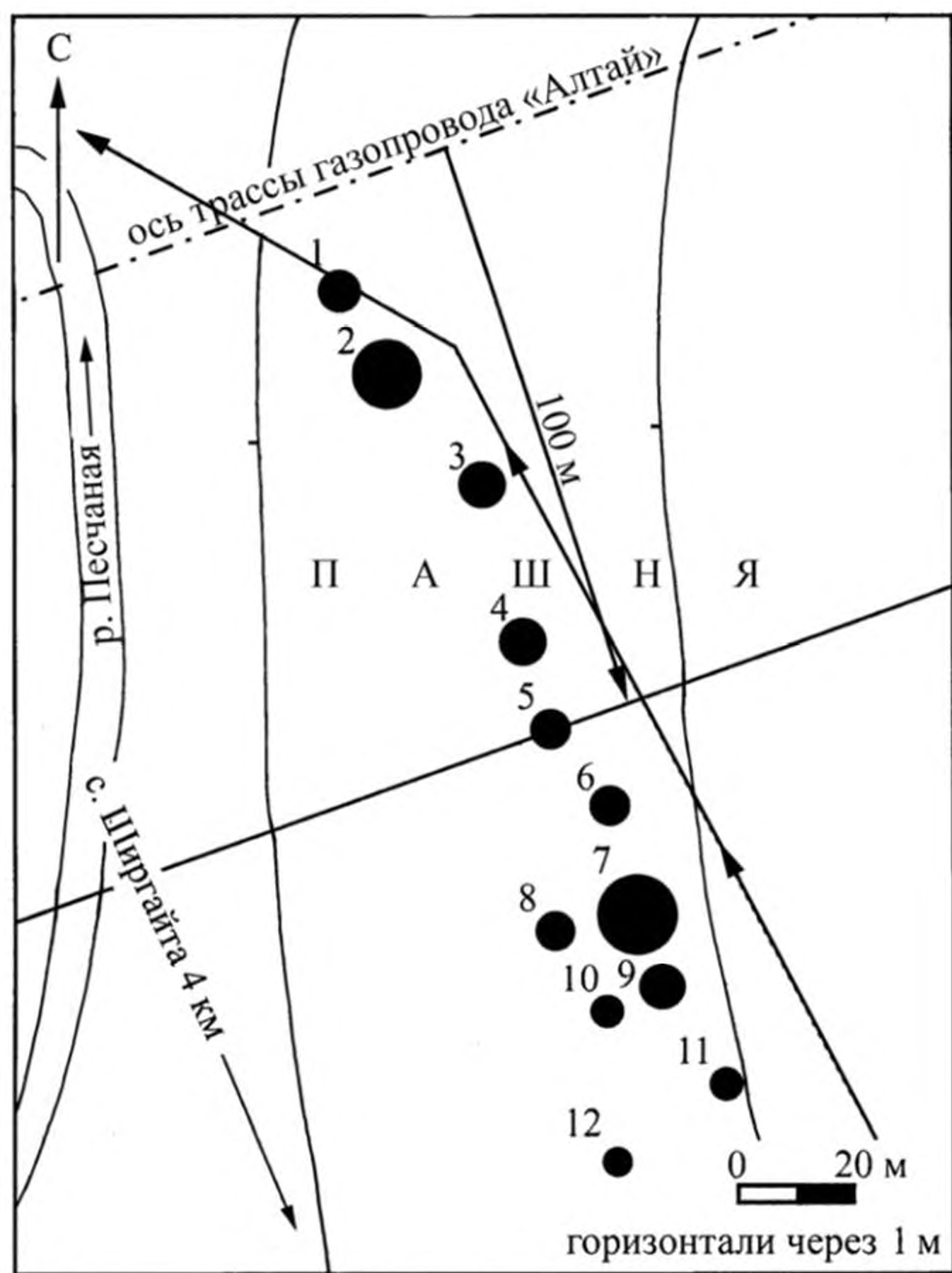

Рис. 39. План могильника Кубаш-3.

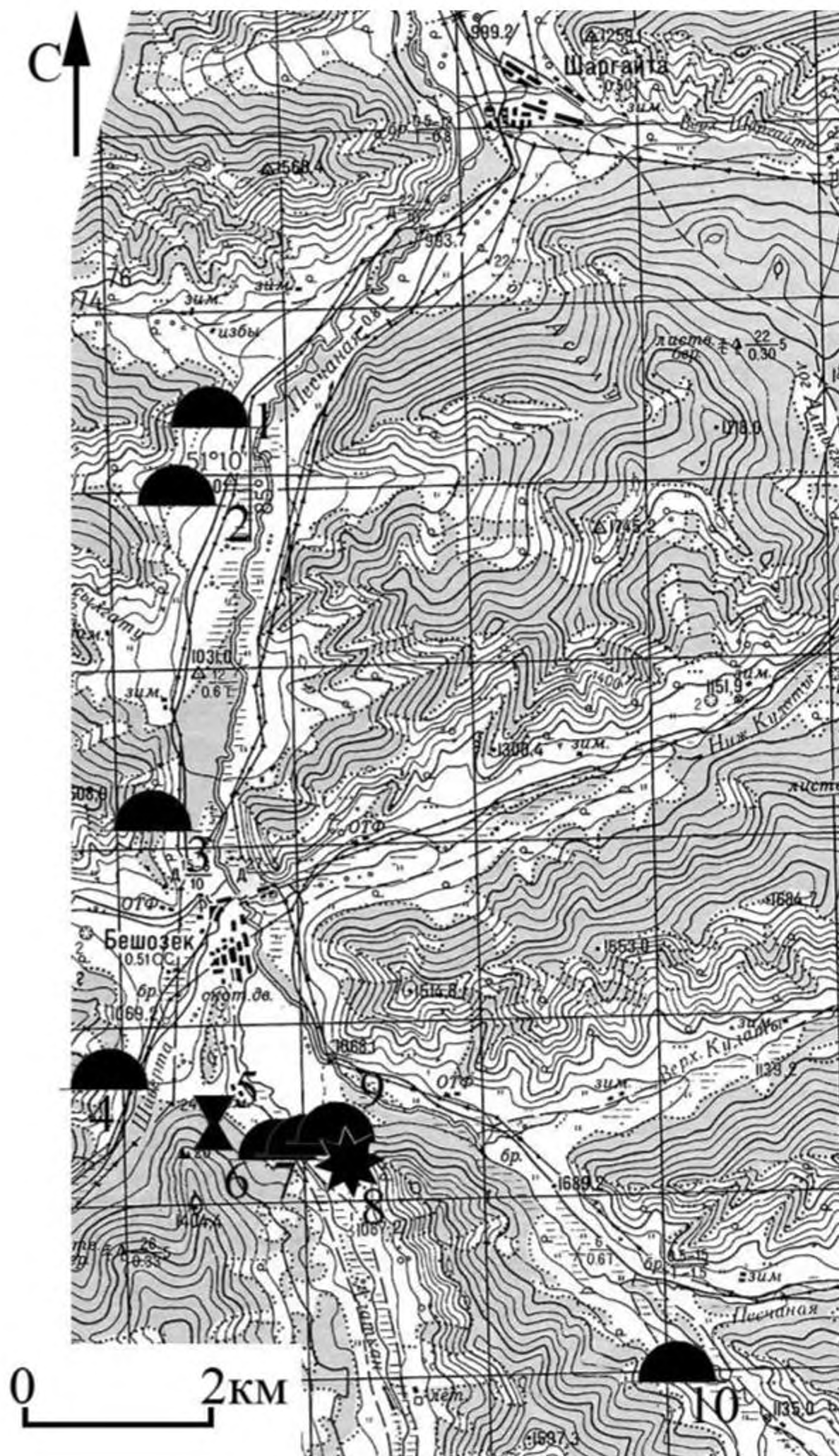

Рис. 40.

Месторасположение памятников в окрестностях с. Беш-Озек.
 1 – одиночный курган Кыштулу-1; 2 – одиночный курган Кыштулу-2;
 3 – могильник Беш-Озек-2; 4 – могильник Беш-Озек-3;
 5 – культовое место Шибе; 6 – могильник Аадаткан-2;
 7 – могильник Аадаткан-3; 8 – местонахождение Ортолык-3;
 9 – одиночный курган Ортолык-2; 10 – могильник Кыргысту-1.

Рис. 41.
План одиночного кургана
Кыштулу-1.

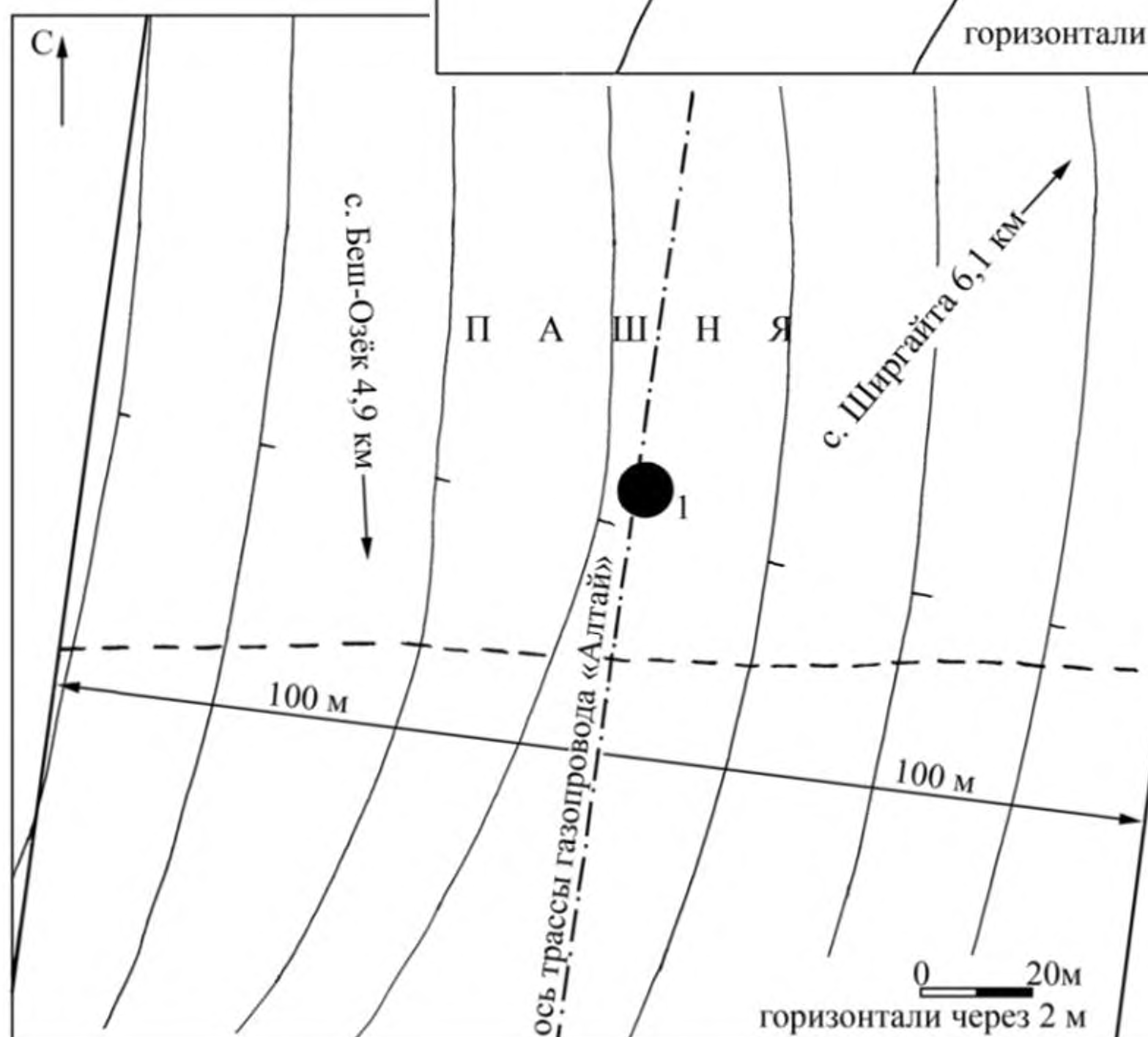
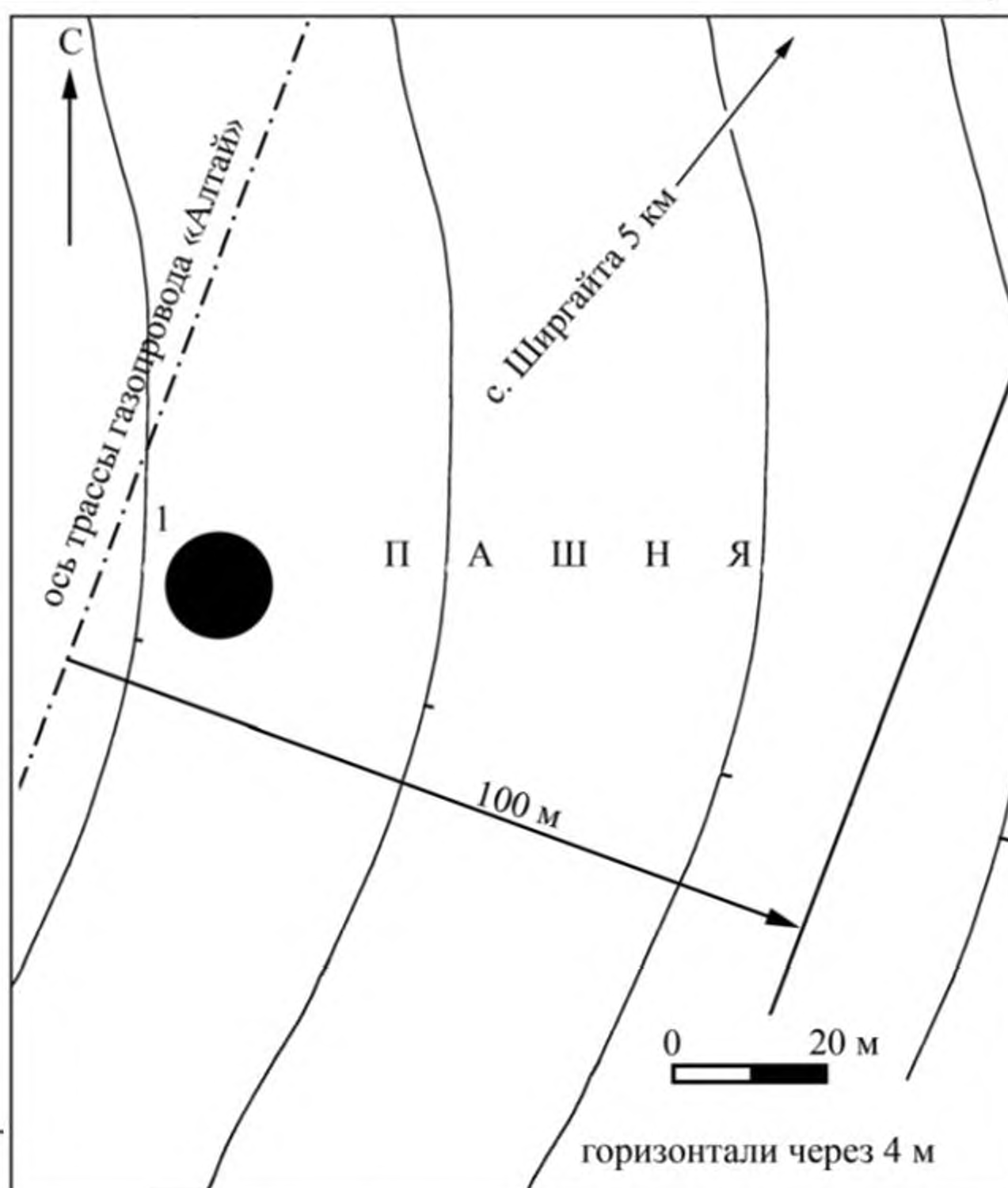

Рис. 42.
План
одиночного
кургана
Кыштулу-2.

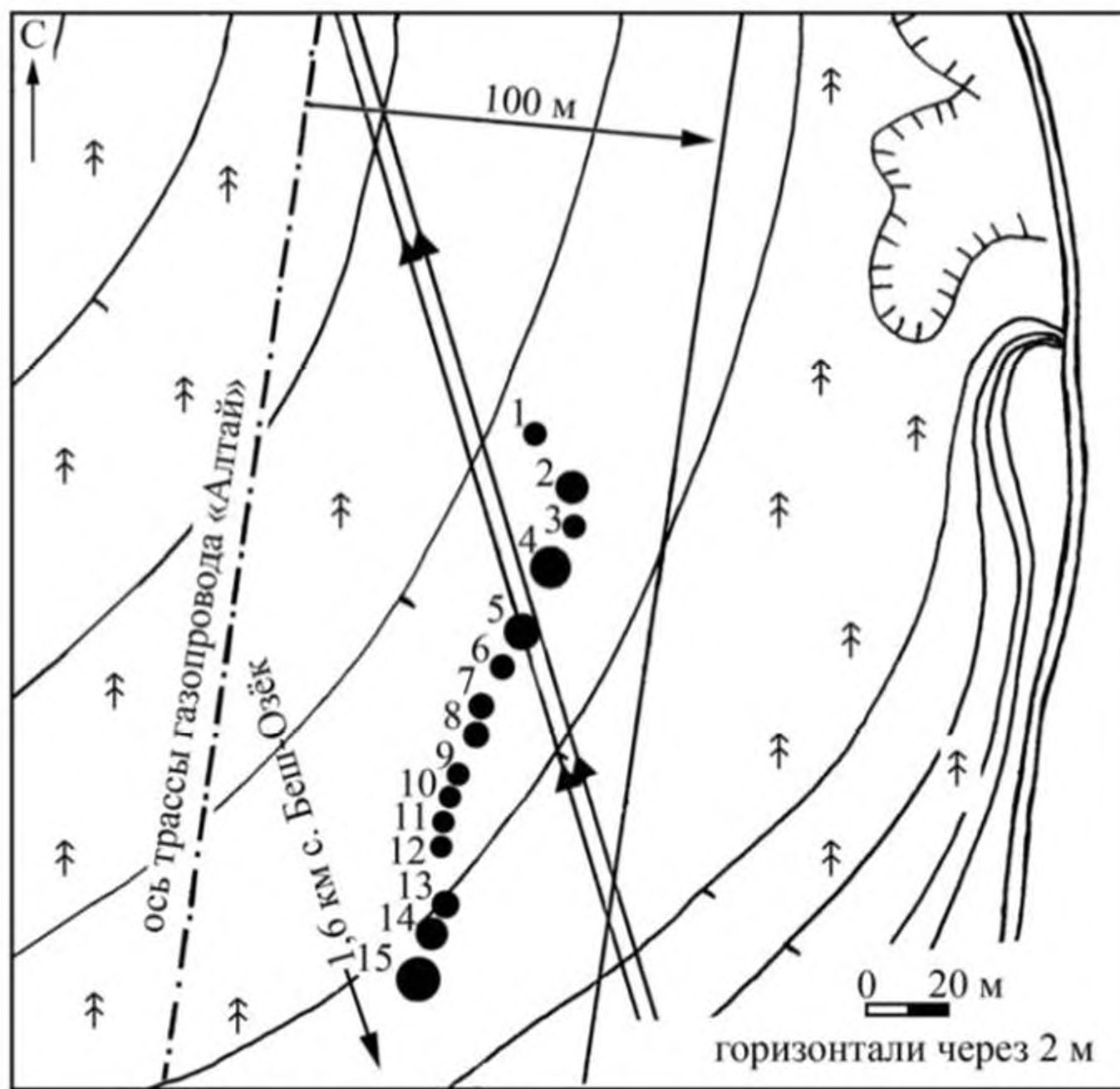

Рис. 43.
План могильника
Беш-Озек-2.

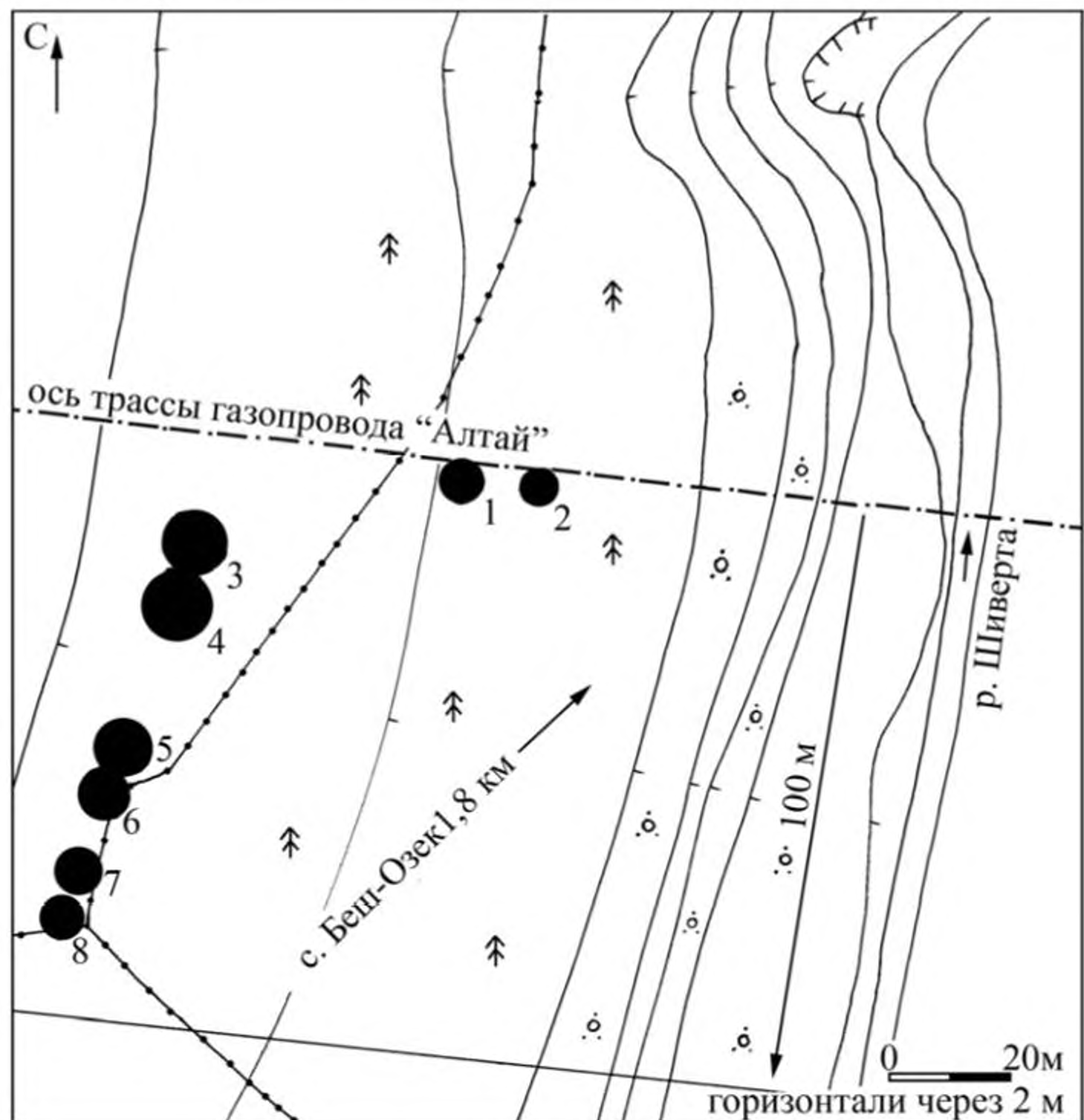

Рис. 44.
План могильника
Беш-Озек-3.

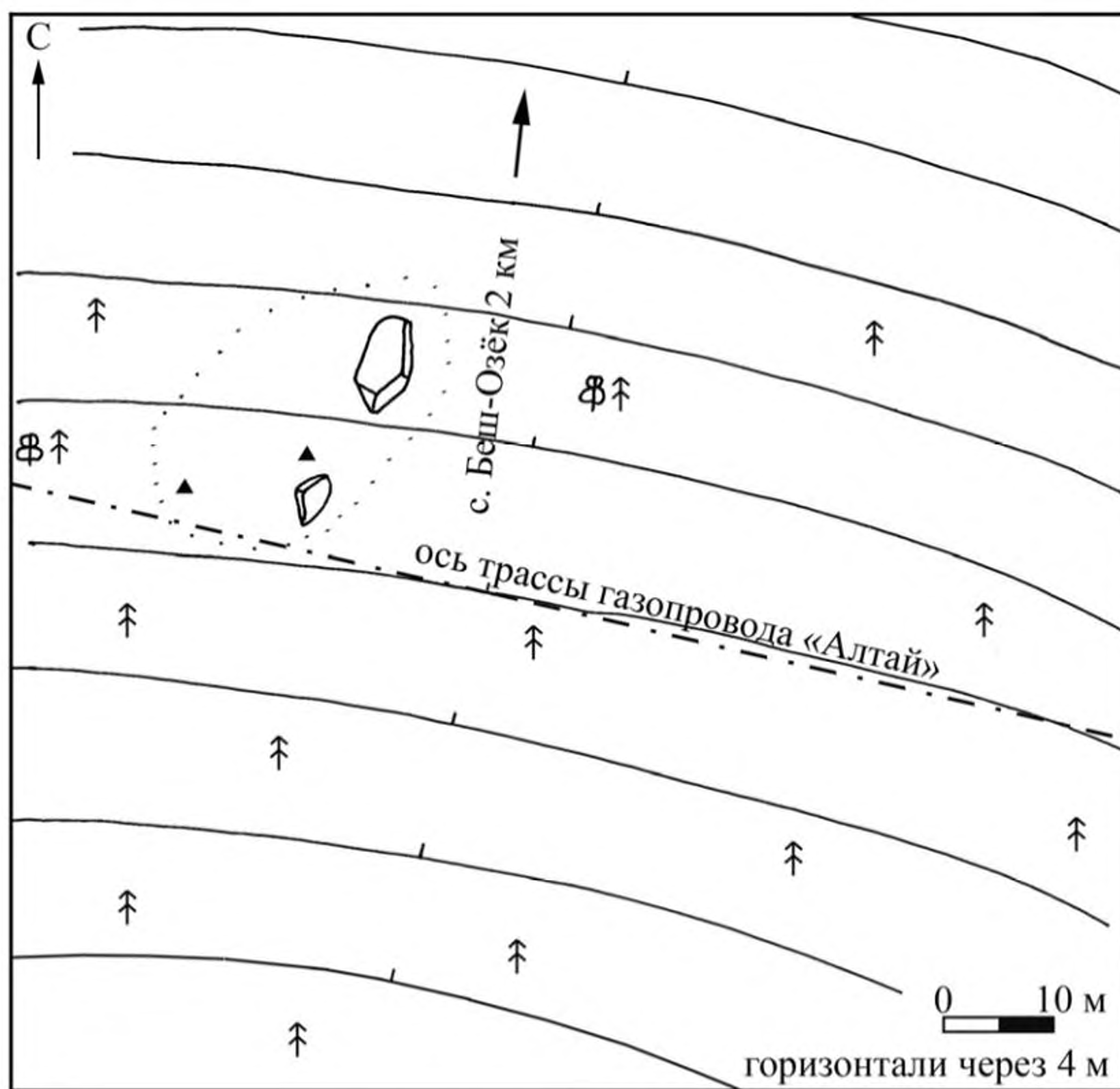

Рис. 45. План культового места Шибе.

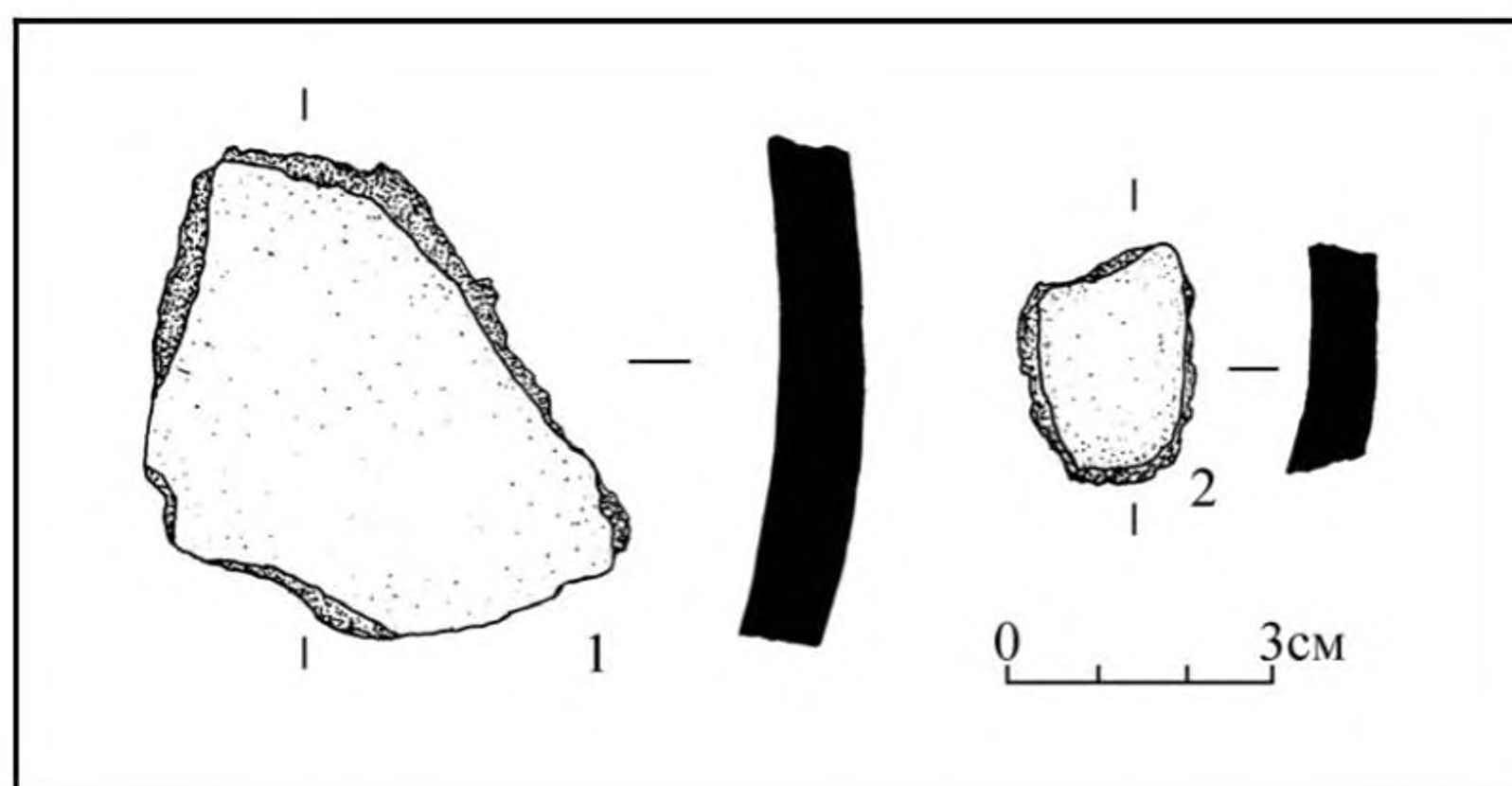

Рис. 46. Фрагменты керамики. Культовое место Шибе.

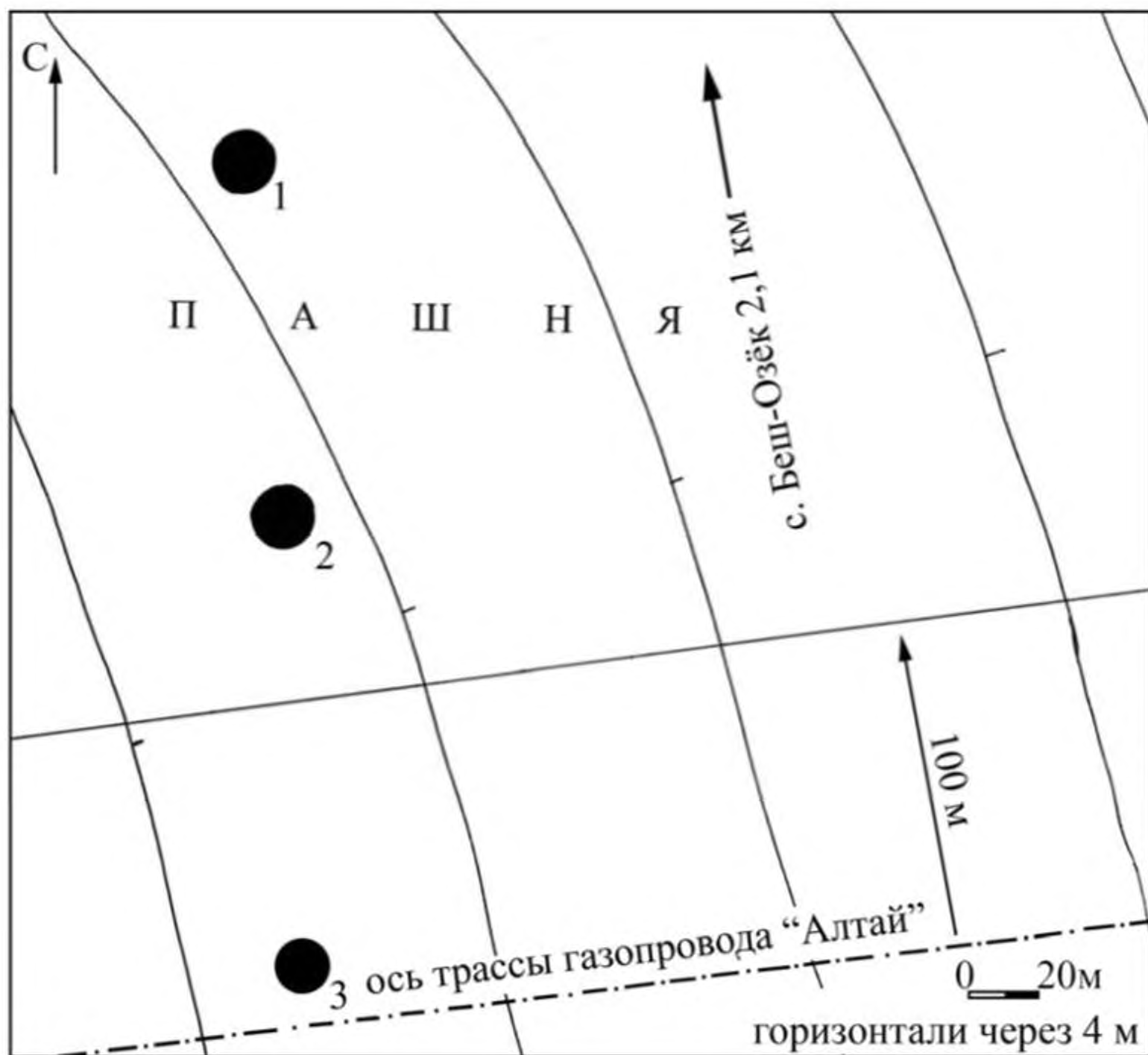

Рис. 47. План могильника Адаткан-2.

Рис. 48. План могильника Адаткан-3.

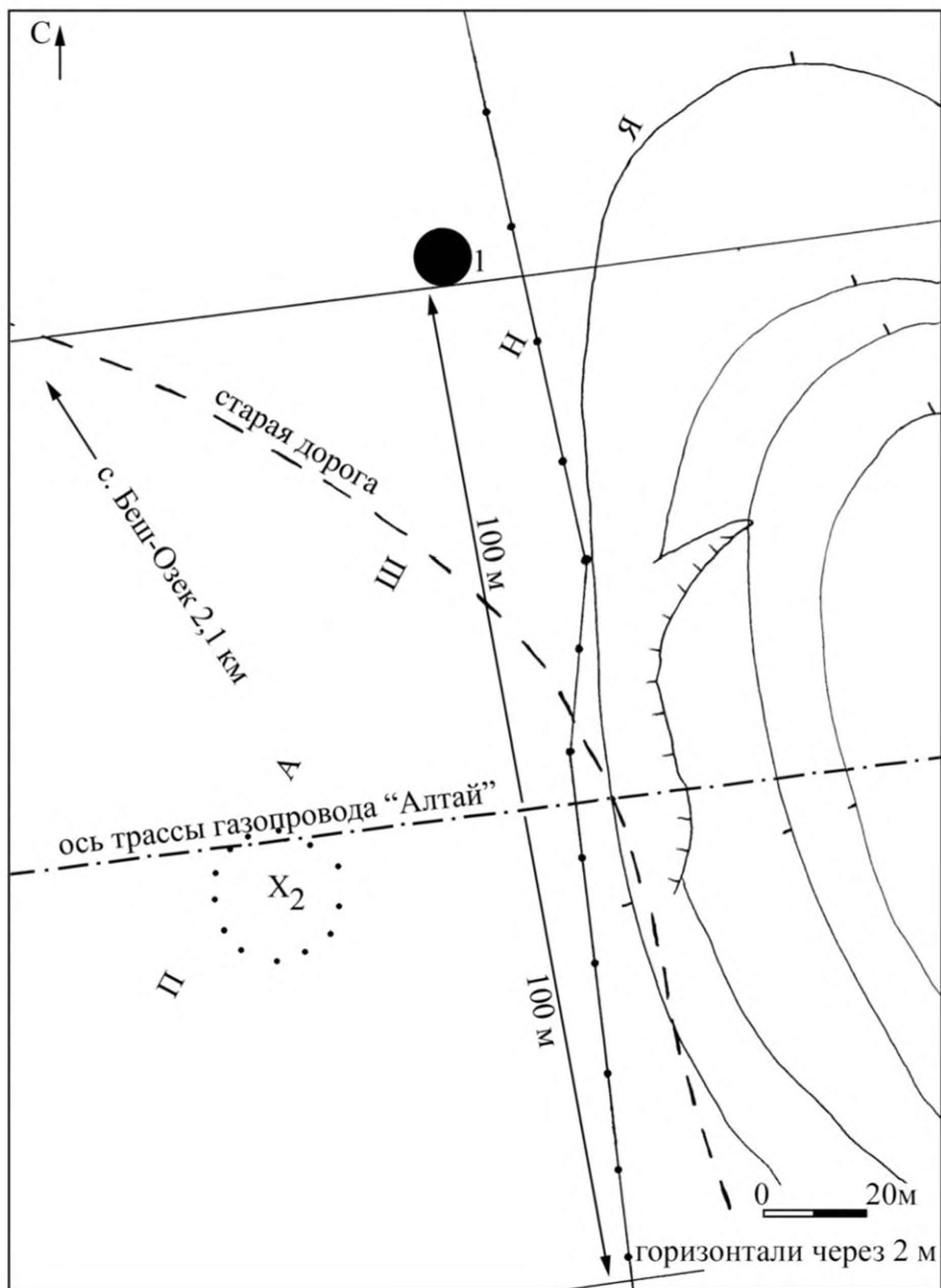

Рис. 49. План одиночного кургана Ортолык-2 и местонахождения Ортолык-3.

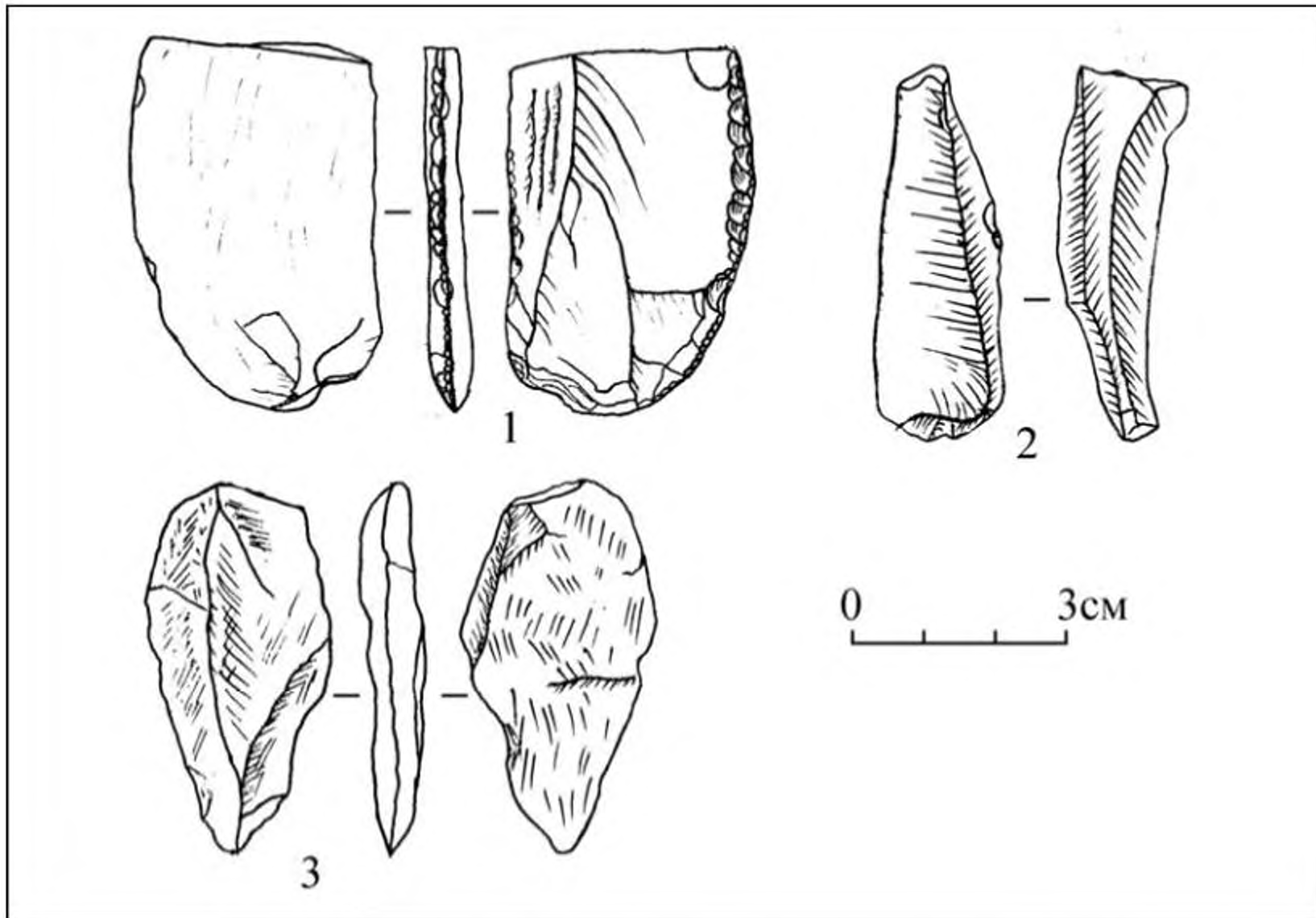

Рис. 50. Каменный инвентарь. Местонахождение Ортолык-3.

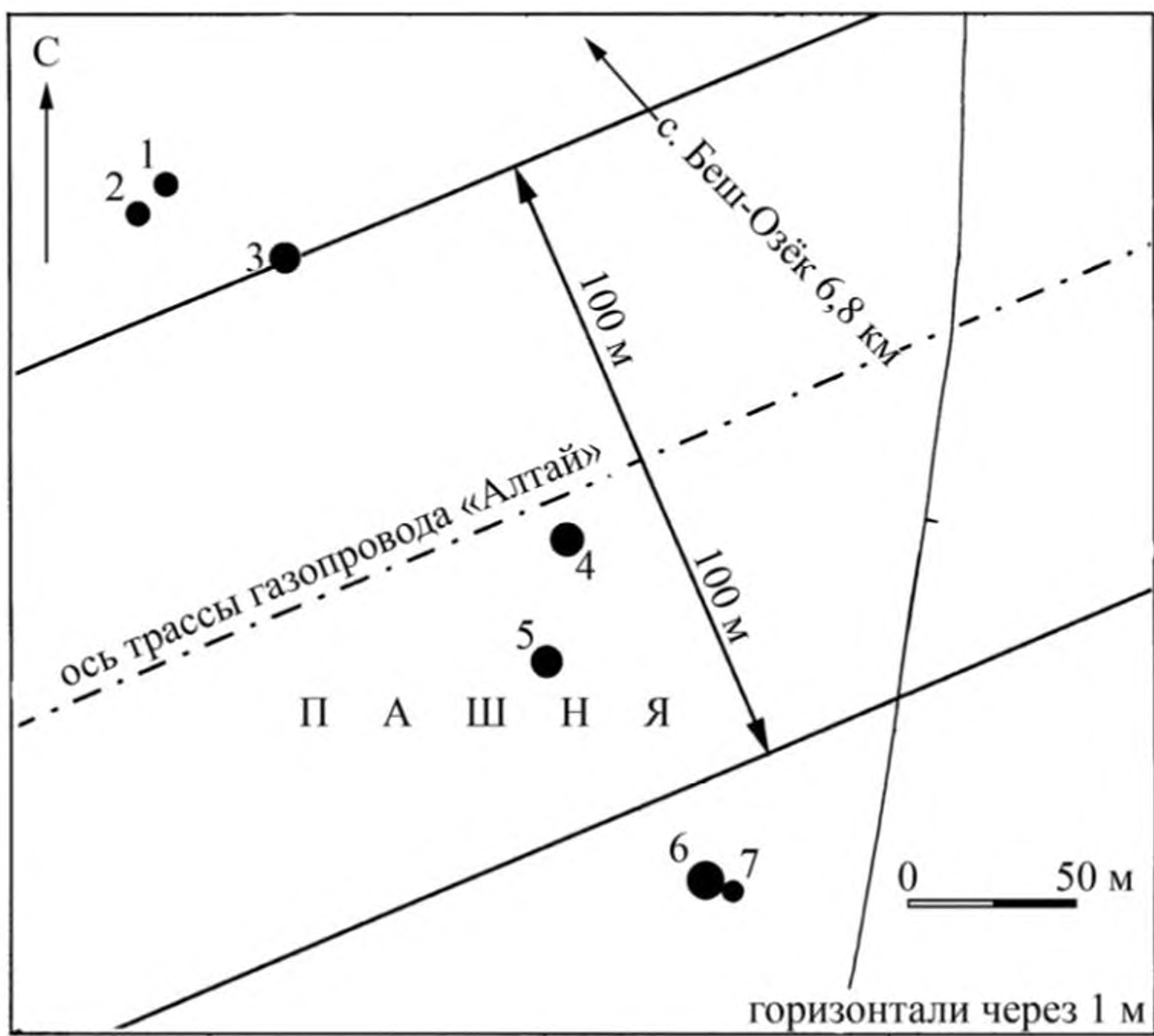

Рис. 51. План могильника Кыргысту-1.

Адаткан-2 (могильник). Расположен на левобережной террасе р. Адаткан, в 2,1 км к ЮЮВ от центра с. Беш-Озек, в 1,8 км к ЮЮВ от устья р. Адаткан, на распахиваемом поле (рис. 40; 47). Географические координаты памятника: N-51°06,081', E-085°15,160'. Высота над уровнем моря 1083 м (по балтийской системе высот). Могильник включает три кургана сгруппированных в цепочку, вытянутую по линии север–юг. Диаметр насыпей курганов – 16-20 м.

Адаткан-3 (могильник). Расположен на правом берегу р. Адаткан, в 2,4 км к ЮЮВ от центра с. Беш-Озек, в 1,9 км к ЮЮВ от устья р. Адаткан, на распахиваемом поле в 150 м к востоку от могильника Адаткан-2 (рис. 40; 48). Географические координаты памятника: N-51°06,065', E-085°15,473'. Высота над уровнем моря 1068 м (по балтийской системе высот). Через могильник проходит заброшенный оросительный канал. Могильник включает четыре кургана, три из них сгруппированы в цепочку вытянутую по линии СВ–ЮЗ, четвертый расположен в 143 м к востоку от основной цепочки. Диаметр насыпей курганов 6-13 м. Объекты могильника сильно запаханы.

Ортолык-2 (одиночный курган). Расположен на правом берегу р. Адаткан, в 2,1 км к ЮЮВ от центра с. Беш-Озек, в 1,9 км от устья р. Адаткан, в 200 м к востоку от могильника Адаткан-3, на распахиваемом поле (рис. 40; 49). Географические координаты объекта: N-51°06,145', E-085°15,792'. Высота над уровнем моря 1070 м (по балтийской системе высот). Насыпь округлой в плане формы диаметром 12 м, высотой 0,3 м. Курган задернован, запахан.

Ортолык-3 (местонахождение). Расположено на правом берегу р. Адаткан, в 2,1 км к ЮЮВ от центра с. Беш-Озек, в 2 км от устья р. Адаткан, в 195 м к востоку от могильника Адаткан-3, в 130 м к ЮЮЗ от одиночного кургана Ортолык-2, на распахиваемом поле (рис. 40; 49). Географические координаты памятника: N-51°06,078', E-085°15,774'. Высота над уровнем моря 1074 м (по балтийской системе высот). На поле были обнаружены кварцитовый скол (рис. 50 – 2), каменное изделие(?) (рис. 50 – 3) и фрагмент каменного ножа (рис. 50 – 1).

Кыргысту-1 (могильник). Расположен на левом берегу р. Кыргысты, в 6,8 км к ЮВ от центра с. Беш-Озек, в 0,65 км к ЮВ от устья р. Кыргысты, на распахиваемом поле (рис. 40; 51). Географические координаты памятника: N-51°04,702', E-085°19,040'. Высота над уровнем моря 1119 м (по балтийской системе высот). Могильник включает шесть курганов. Диаметр насыпей курганов 5-11 м. Объекты могильника сильно запаханы.

Заключение.

В результате разведочных работ на участке предполагаемого прохождения трассы магистрального газопровода «Алтай» в долине р. Песчаной в пределах Шебалинского района (км 2035 – км 2120) было обследовано 40 разновременных археологических памятников: 32 могильников и одиночных курганов, 4 местонахождения, 3 поселения и 1 культовое место. Из этого числа только 7 объектов были известны ранее (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006), остальные выявлены и зафиксированы в ходе полевых работ 2011 года. В планируемый створ газопровода из числа этих обследованных памятников попадают 28: 18 могильников, 4 одиночных кургана, 2 местонахождения, 3 поселения и 1 культовое место.

Большую часть объектов сложно датировать до проведения раскопочных работ. Однако предварительно определить по внешним признакам хронологическую принадлежность некоторых из них все же можно. Сильно задернованные плоские курганы предположительно могут быть датированы эпохой энеолита–бронзы (могильники Шиверта, Кубаш-3, Кыргысту-1, Ортолык-2, и др.). Цепочки курганов со сферическими насыпями, возможно, относятся к пазырыкскому времени. Такие цепочки, например, зафиксированы на могильниках Талду-I (центральная и восточная часть), Талду-II (западная часть), Суе-

ла-1-3, Верхний Аскат-2, Халуста-4-6, Кубаш-5, Беш-Озек-2 и 3, и других. Некоторые изученные объекты, скорее всего, датируются этнографическим временем (XVIII – началом XX вв.): отдельные слабозадернованные объекты могильника Холодильник-2, впускные погребения на могильнике Суела-2.

Вещественные материалы, собранные на местонахождениях и поселениях, относятся к разным историческим периодам. Наиболее ранней находкой является каменное орудие с местонахождения Кара-Суу. По облику оно относится к позднепалеолитическому времени. Сложно датировать невыразительные каменные сколы с местонахождения Шадрин Лог-2. Предварительно их можно отнести к концу каменного века – началу периода бронзы. Фрагмент керамического сосуда с местонахождения Суела-4, судя по качеству изготовления и орнаментации, может относиться к афанасьевской культуре ранней бронзы. Фрагмент стелы, найденный на берегу рч. Большой Илуш, возможно, также следует датировать эпохой бронзы. Фрагменты керамики с культового места Шибе и поселений Дергун-1 и 2, Сухой Лог датировать сложно из-за мелких размеров и неорнаментированности, но судя по качеству теста и внешнему облику, они относятся к нашей эре.

Таким образом, разведочные работы, произведенные нами в верховьях р. Песчаной, расширили сведения о памятниках археологии Горного Алтая и показали перспективность дальнейших исследований территорий, остающихся еще слабоизученными в археологическом плане. В частности, это касается районов северной части Алтая.

Библиографический список

1. Архив ГАГУ. Описание дел по личному составу сотрудников за 1958-1980 гг. №1. Дело №704.
2. Вдовина, Т.А. Исследования в урочище Толгоек / Т.А. Вдовина // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – №9. – С. 72-78.
3. Вдовина, Т.А. Аварийные раскопки на могильнике Нижний Айры-Таш / Т.А. Вдовина // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. – №12. – С.6-12
4. Елин, В.Н. Исследование древних курганов Беш-Озека / В.Н. Елин, В.А. Могильников // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1993. – Часть 2. – С. 218-220.
5. Елин, В.Н. Новые петроглифы Горного Алтая / В.Н. Елин, В.А. Некрасов // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С. 145-148.
6. Константинов, Н.А. Археологические разведки в окрестностях с. Ильинка / Н.А. Константинов, Е.А. Штанакова // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2008 г. Археология, этнография, устная история. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – Вып. 5. С. 40-43.
7. Константинов, Н.А. Продолжение обследования археологических памятников в окрестностях с. Ильинка Шебалинского района / Н.А. Константинов, Е.А. Штанакова // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Археология, этнография, устная история. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – Вып. 7. – С. 98-100.
8. Кочеев, В.А. Палаш из Беш-Озека / В.А. Кочеев, Ю.С. Худяков // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1993. – Часть 2. – С. 239-242.
9. Кубарев, В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
10. Кубарев, В.Д. Новый памятник каракольской культуры в с. Беш-Озек / В.Д. Кубарев, О.В. Ларин, А.С. Суразаков // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 45-47.
11. Кубарев, В.Д. Петроглифы Алтая / Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. – Новосибирск: Наука, 1992. – 123 с.

12. Мамадаков, Ю.Т. Работы Онгудайского отряда / Ю.Т. Мамадаков // Археологические открытия 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 212.
13. Маринин, А.М., Физическая география Горного Алтая / А.М. Маринин, Г.С. Самойлова. – Барнаул, 1987. – 110 с.
14. Ойношев, В.П. Новые археологические памятники у с.Беш-Озек Шебалинского района / В.П. Ойношев, С.В. Трифанова // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. №2. – С. 76-79.
15. Соёнов, В.И. Материалы к археологической карте Шебалинского и Усть-Канского районов РА (по результатам полевых работ 2003 года) / В.И. Соёнов // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. №2. – С. 79-89.
16. Соёнов, В.И. Отчет об археологических исследованиях в районах Республики Алтай в 2006 году / В.И. Соёнов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2007. – 105 с. (Архив АКИН).
17. Соёнов, В.И. Отчет об археологических исследованиях в Усть-Канском, Усть-Коксинском, Шебалинском, Онгудайском, Кош-Агачском районах Республики Алтай / В.И. Соёнов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – 80 с. (Архив АКИН).
18. Соёнов, В.И. Отчет об археологических исследованиях в Усть-Канском, Усть-Коксинском, Шебалинском, Онгудайском, Кош-Агачском районах Республики Алтай в 2002 г. / В.И. Соёнов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. – 78 с. (Архив АКИН).
19. Соёнов, В.И. Отчет об археологических исследованиях в Чемальском, Шебалинском, Онгудайском, Кош-Агачском, Улаганском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, районах Республики Алтай в 2003 г. / В.И. Соёнов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. – 220 с. (Архив АКИН).
20. Соёнов, В.И. Материалы к археологической карте Шебалинского и Усть-Канского районов Республики Алтай (по результатам полевых работ 2003 года) / В.И. Соёнов // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. 2. – С. 79-89.
21. Соёнов, В.И. Археологические памятники и объекты Шебалинского района / В.И. Соёнов, В.П. Ойношев. – Горно-Алтайск, 2006. – 100 с.
22. Суразаков, А.С. К семантике каракольских писаниц / А.С. Суразаков, О.В. Ларин // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 31-38.
23. Шульга, П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: дис. ...: канд. ист. наук / П.И. Шульга. – Кемерово, 1990. – 212 с.

Головченко Н.Н., Телегин А.Н.
(г. Барнаул, Россия)

**КОЖАНЫЕ И ВОЙЛОЧНЫЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ
НОСИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СКИФО-САКСКОГО МИРА:
МОРФОЛОГИЯ И НАЗНАЧЕНИЕ**

Головные уборы в традиционных культурах всегда являлись многофункциональным элементом костюма. Не являются исключением, в этом отношении, и головные уборы носителей археологических культур скифо-сакского мира, рассмотрению которых и посвящена настоящая работа¹.

Хорошо известно, что кожа и войлок, которые ныне широко используются для изготовления головных уборов, стали применяться в этом качестве с глубокой древности: кожа, как минимум, с эпохи позднего палеолита (Матюшин Г.Н., 1996, с. 176-179; Алексеев В.П., 1999, с. 151), а войлок – с неолитической эпохи (Алексеев В.П., 1999, с. 200).

Нет нужды доказывать, что, наряду с основной функцией – защитой головы от непогоды, головной убор с глубокой древности и практически до современности был одним из важнейших элементов воинского костюма. Так, уже в Египте эпохи Нового Царства, головные уборы, изготовленные из указанных материалов, являлись частью доспеха (фараоны носили т.н. хепеш или шлем-корону, аналогичные уборы, но без атрибутов знатности носили рядовые войны древнего Египта) («Новый солдат», 2002, с. 6). Как элемент доспеха головной убор продолжал широко использоваться в новое и новейшее время. Например, уборы, изготовленные из сукна и меха, носила русская пехота времен Северной войны 1700 – 1721 гг., а войлочными буденовками экипировались бойцы РККА с 1919 по 1941 г. (Мегорский Б.В., 2009, с. 3-12).

Не является исключением, в этой связи, и эпоха раннего железного века, когда основным родом войск, была легкая конница (Худяков Ю.С., 2003, с. 54), вооруженная, как правило, легкими луками. Использование небронебойных, преимущественно косяных, наконечников стрел делало весьма эффективным и недорогим средством защиты одежду из кожи и войлока (Худяков Ю.С., 2003, с. 56; Горелик М.В., 1987, с. 121-125; Шульга П.И., 2003, с. 72).

По нашему мнению, максимально эффективная защита головы воина-всадника обеспечивалась наличием в конструкции головного убора двух функциональных элементов – завязок² и назатыльника³, в сочетании с высокоподнятым воротником наплечной одежды. Таким образом, уборы с завязками и назатыльником, прежде всего, должны рассматриваться как воинские.

В этой связи интересно изображение сакского вождя Скунхи, на персепольском барельефе, на котором представлен войлочный конический головной убор с подвязанным назатыльником,⁴ т.е. выведенным из боевого состояния. Подобный прием, скорее всего, символизировал беззащитность вождя, и служил своеобразным сигналом о «капитуляции» войска (и племени) которое он возглавлял.

¹ В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением лишь кожаных и войлочных головных уборов.

² Завязки – элемент головного убора, призванный защищать шею и щеки носящего в условиях боя.

³ Назатыльник – элемент головного убора, предназначенный для защиты теменной области головы, шеи, плеч (и возможно спины) носящего.

⁴ Аналогичное положение назатыльника известно на уборе скифа-стрелка, изображенного на афинской вазе (Яценко С.А., 2006, рис. 23).

Любопытен и тот факт, что у «золотого человека» из кургана Иссык, которого К.А. Акишев вполне обоснованно считает главой племенного объединения, головной убор не имеет назатыльника (судя по реконструкции исследователя) (Акишев К.А., 1978, рис. 62, 63). Последнее обстоятельство, вкупе с неестественно большими размерами убора, дает нам дополнительное основание трактовать его как ритуальный.

Головные уборы с завязками и назатыльником наряду с основными воинскими атрибутами (луком, горитом, акинаком) мы встречаем на следующих изображениях: скифов-стрелков на афинских вазах (Яценко С.А., 2006, рис. 23), сакских воинов на персепольском барельефе (Фаррох К., 2009, с. 26) и служителя культа, на пластинке из аму-дарьинского клада (Артамонов М.И., 1973, с. 10, рис. 4).

Военное назначение кожаных и войлочных головных уборов не ограничивается их защитной функцией. В условиях боя, они, без сомнения, являлись еще и важнейшими элементами весьма эффективной системы распознавания «свой-чужой», одновременно выступая и как социально-стратифицирующий маркер воинов. Так, упоминавшийся выше головной убор Скунхи, судя по изображению на персепольском барельефе, заметно превосходил размерами уборы рядовых сакских воинов (Фаррох К., 2009, с. 26).

Наряду с размерами головных уборов социально, а возможно этнически и этнографически дифференцирующими маркерами, являлись и элементы декора – украшения-символы (например: фигурки коней и архаров на «воинских шлемах» «пазырыкцев» (Полосьмак Н.В., 1998а, с. 148-151)).

Следует отметить, что сфера военного назначения головных уборов не ограничивается описанным выше. Они также могли являться и своеобразным средством психологического воздействия на противника – «запугивание/устрашение», и на союзников – «ободрение/мотивация». Так, с этой целью уборы делали высокими (Скунха, Иссык), а так же украшали их наверху в виде голов фантастических животных (Полосьмак Н.В., 1998а, табл. 1, рис. 5) и перьями или «лентами» (Полосьмак Н.В., 1998б, с. 337-343, табл. 1, рис. 3).

Кроме военного назначения головные уборы играли значительную идеологическую роль, будучи изготовленным в соответствии с мифопоэтическими представлениями древних кочевников (Раевский Д.С., 2006, с. 339; Акишев А.К., 1984, с. 17-18). В этом случае убор обозначал сакральный (верхний, небесный) мир, и поэтому основными украшениями на нем были солярные символы и знаки (представляющие в совокупности своеобразный текст).

Весьма показательно, что основными употребляемыми на уборах знаками были конь, птица и архар, которые как символы, выполняли функции медиатора (посредника между тремя мирами: верхним, средним и нижним) (Раевский Д.С., 2006, с. 80-81). Так, например, пазырыкские «воинские шлемы», имели абрис в виде «птичей головы», а основными деталями их декора были фигурки все тех же лошадей и баранов (Полосьмак Н.В., 1998а, с. 148-151).

Таким образом, кожаные и войлочные головные уборы носителей археологических культур скифо-сакского мира, наряду с утилитарным назначением, выполняли функции доспеха и средства психологического воздействия на окружающих. Кроме того, они исполняли роль социально-дифференцирующего атрибута и несли определенную идеологическую информацию о своем носителе.

Библиографический список

1. Алексеев, В.П. История первобытного общества / В.П. Алексеев, А.И. Першиц. – Изд. 5-ое исправ. и доп. – М.: Высшая школа, 1999. – 318 с.
2. Акишев, К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана / К.А. Акишев. – М.: Искусство, 1978. – 142 с., с ил.

3. Акишев, А.К. Искусство и мифология саков / А.К. Акишев. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 174 с.
4. Артамонов, М.И. Сокровища саков / М.И. Артамонов. – М.: Искусство, 1973. – 269 с., с ил.
5. Битвы древнего мира // Военно-исторический альманах «Новый солдат». – №155.
6. Горелик, М.В. Сакский доспех / М.В. Горелик // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 110-133.
7. Матюшин, Г.Н. Археологический словарь / Г.Н. Матюшин. – М.: Просвещение, АО Учеб. лит., 1996. – 304 с.
8. Мегорский, Б.В. Uniforma русской пехоты царя Петра I. Головные уборы / Б.В. Мегорский // Военный журнал «Сержант». – 2009. – №45 (1). – С. 3-12.
9. Полосьмак, Н.В. Воинские шлемы пазырыкцев / Н.В. Полосьмак // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1998а. – С. 148-151.
10. Полосьмак, Н.В. Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна / Н.В. Полосьмак // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998б. – Т. IV. – С. 337-343.
11. Полосьмак, Н.В. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV – III вв. до н.э.) / Н.В. Полосьмак, Л.Л. Баркова. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с., с ил.
12. Раевский, Д.С. Мир скифской культуры / Д.С. Раевский, предисл. В.Я. Петрухин, В.Н. Погребова. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 600 с. – *Studia historica*.
13. Руденко, С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н.э.) / С.И. Руденко. – М.: Вост. лит., 1961. – 67 с., с ил.
14. Шульга, П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а / П.И. Шульга. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с., ил.
15. Фаррох, К. Персы / К. Фаррох. – М.: «ЭКСМО», 2009. – 342 с.
16. Худяков, Ю.С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии / Ю.С. Худяков, отв. ред. В.Е. Медведев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. – 202 с., ил.
17. Яценко, С.А. Костюм древней Евразии. Ираноязычные народы / С.А. Яценко. – М.: Вост. лит., 2006. – 664 с.

Маточкин Е.П.
(г. Новосибирск, Россия)

ПЕТРОГЛИФЫ ТЕРЕКТУ-ДЬУЛА

Петроглифы Теректу-Дьюла (Тополиная тропа¹) находятся в долине реки Аргут, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Координаты памятника: 50°07'25,2''с. ш.; 086°50'23,1''в. д.; высота 979 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). Мы изучали петроглифы в первых числах марта в ходе зимних экспедиций 1998, 2002 и 2006 гг. В это время к ним можно добраться за два-три дня из посёлка Инегень на Катунь. Путь идёт от устья Аргута до устья Шавлы, где нами изучались петроглифы Калтака (Маточкин Е.П., 2009), далее ещё километра три вверх по Аргуту. Снега здесь нет, и зимой, когда в определённых местах возможен переход по льду, на травянистые террасы Аргута пригоняют скот. В середине марта начинается усиленное таяние льда, и чабаны с отарами возвращаются на летние стоянки. Ущелье среднего течения Аргута необычайно величественное; это одно из красивейших и труднодоступных мест планеты. Здесь пасутся стада горных козлов и ещё недавно встречались следы барса.

Теректу-Дьул – это небольшое урочище на левом берегу Аргута. Тропа, идущая вверх по реке, делает тут небольшой спуск, а берег обрывается ступенями. Верхняя ступень – изогнутая скала с двумя плоскостями – южной и северной и соединяющей их гранью. Высота скалы около трёх метров, общая ширина – около четырёх метров. Скала имеет слоистую структуру, вертикальными трещинами она разбита на отдельные блоки. По их коричневой корочке загара и производилась выбивка и гравировка. Величина этих блоков определила и размер рисунков; все они довольно миниатюрные и не превышают 10 см. По верху скалы идёт гряда камней, на которых также имеются петроглифы.

Всего нами зафиксировано здесь 17 участков с рисунками. На южной плоскости и над ней – участки 1-7, на соединяющей грани – 8-9, на северной плоскости – 10-15. Два участка 16 и 17 расположены на камне у самого обрыва к Аргуту. Кроме того, у подножия скалы обнаружены три камня с рисунками, отколовшихся от массива. В 1998 году они были доставлены в Национальный музей Республики Алтай (КП2, НВФ АРХ 1152, 1153, 1154). Один из них, почти пудовый, я нёс в рюкзаке около 40 км.

Описание петроглифов.

Участок 1. Расположен на отдельном камне над южной плоскостью на высоте 2 м от подножия скалы. Представлены фигуры 4-х козлов с длинными рогами. Обращены налево. Граффити. Изображения контурные с разнообразной штриховкой по силуэту (рис.1). Ранее опубликованы (Маточкин Е.П., 1998, с.57).

Участок 2. Немного левее. Фигура козла. Обращена налево. Граффити. Изображение контурное (рис.2).

Участок 3. Правее. Фигура козлика. Обращена налево. Выбита отдельными лунками по контуру (рис.3).

Участок 4. Рядом. Фигура козла. Обращена налево. Выбита отдельными лунками по контуру (рис.4).

¹ **От редактора:** в алтайском языке апеллятив “*јул*” (дьюл, дьюл, юл, чул) обычно означает “речка”, “ложок или урочище с водой” и т.д. (Молчанова О.Т. Топонимический словарь. Горно-Алтайск, 1979, с. 40), а для обозначения понятия “дорога”, “тропа”, “путь” существует термин “*јол*” (дьюл) (Русско-алтайский словарь. М., 1964, с. 145, 617, и др.).

Участок 5. На южной скале на высоте 1 м от земли. Левая часть камня до трещины. Изображены барс (?), рогатый зверь и два маленьких животных. Кроме одного из них все обращены направо. Граффити. Изображения контурные (рис.5).

Участок 6. Правая часть камня. Масса разновременных трудночитаемых резных линий. Среди них просматриваются три фигуры копытных животных (одно из них пронзено стрелой), волка (неоконченный рисунок), человеческая личина. Хищник обращён налево, копытные – направо (рис.6).

Участок 7. На высоте 0,5 м от земли. Фигура соболя(?), пронзённого стрелой, а также перечёркнутая большой стрелой некая удлинённая фигура с бахромой. Животное обращено направо. Граффити. Изображения контурные (рис.7).

Участок 8. Соединительная грань. На высоте 0,4 м от земли. Фигура козлика. Обращена направо. Рога в виде отдельных лунок. Выбивка (рис.8).

Участок 9. Соединительная грань. Правее. На высоте 0,3 м от земли. Фигура козла. Обращена направо. Выбивка (рис.9).

Участок 10. На высоте 2,5 м от подножия северной плоскости скалы на отдельном камне. Фигуры трёх бегущих козлов, двух неопределённых животных поменьше и одно неясное изображение. Обращены налево. Граффити (рис.10).

Участок 11. Северная плоскость. На высоте 1,8 м. Фигуры трёх козлов различной величины. Обращены направо. Верхний крупный выбит грубыми ударами; нижние – более мелкими, но также небрежными (рис.11).

Участок 12. Правее. На высоте 1,5 м. Палимпсест. На фигуру большого козла, обращённого налево, накладывается фигура козлика, обращённого направо. Выбивка мелко-точечная (рис.12).

Участок 13. Правее. На высоте 1 м. Фигура козла. Обращена налево. Выбита небрежно. Рисунок фигуры прерывистый (рис.13).

Участок 14. Правее. Немного выше. Фигура козла. Обращена направо. Выбивка головы не окончена. Мелкоточечная техника (рис.14).

Участок 15. Правее. На высоте участка 13. Серия накладывающихся друг на друга резных изображений в горизонтальном фризе. В центре хорошо просматривается фигура марала с частичным скоблением по силуэту. Обращена направо (рис.15).

Участок 16. Камень за северной плоскостью скалы на высоте 1,8 м. Фигуры восьми животных. Среди них два козла; остальные неопределённого облика. Возможно, пять из них – это лошади с хвостами-метёлками. Их силуэты прочерчены параллельными линиями. Два животных обращены налево, остальные – направо. Изображения контурные. Граффити (рис.16).

Участок 17. Рядом. Фигура козла. Обращена налево. Однолинейное изображение (рис.17).

Камень №1. Граффити. Фигуры трёх фантастических животных с хвостами-метёлками. Две из них контурные со штриховкой по силуэту. Левая изображена с помощью трёх параллельных линий. В районе головы просматривается округлое пятно. Над животными – серия резных линий. Правое животное обращено направо, остальные – налево (рис.18).

Камень №2. Граффити. Фрагмент абстрактной композиции из отдельных линий (рис.19).

Камень №3. Граффити. Фрагмент фигуры животного (лошади?). Обращена налево. На голове – развевающаяся грива в виде рога (рис.20).

Репертуар и образы петроглифов.

Плохо различимая человеческая личина – единственный антропоморфный образ в петроглифах Теректу-Дьула. Основное внимание художники уделяли изображению диких

животных. Чаще всего встречаются выбитые статичные фигуры козлов (участки 2-4, 8,9, 11-14, 16, 17), реже их бегущие группы (участки 1, 10). Надо полагать, многие из авторов рисунков были охотниками. Они запечатлели пронзённых стрелами животных (участки 6,7). Интересны изображения хищников: барса(?) (участок 5) и волка (участок 6). Выделяется серия неопознанных животных, вырезанных по контуру и заштрихованных по силуэту (участки 6, 16; камни №1 и №3). Непонятная фигура, может быть, также зооморфная показана на участке 7.

Абстрактная композиция на камне №2 – пример линейного искусства, которое в настоящее время не поддаётся сколько-нибудь осмысленной интерпретации. Можно лишь сказать, что здесь представлен не хаос случайных царапин, а подлинное творчество. Действительно, следы режущего инструмента, проведённые уверенной рукой, составляют некую организованную структуру, включающую в себя ряд дугообразных параллельных линий, а также исходящих из единого центра лучей.

Стилистика и датировка петроглифов.

Среди выбитых петроглифов наибольшему солнечному загару подверглась фигура козла на участке 11. По своему расположению она занимает удобное для работы место, поэтому можно считать, что это наиболее ранний из выбитых рисунков Тереку-Дьула. Однако возраст его не столь уж значителен, поскольку здесь вообще нет изображений, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. К тому же довольно грубая выбивка свидетельствует о том, что этот рисунок, как и другие с меньшей патинизацией, относится к средневековому времени.

По поводу самых ранних граффити можно предположить, что они были созданы в гунно-сарматское время. К таким, вероятно, принадлежат резные рисунки со значительной патинизацией на участках 5, 10, 15. Все они исполнены на достаточно высоком художественном уровне, характеризуются изяществом контуров и красотой линии. В сравнении со скифским, искусство гунно-сарматского времени менее условно, более реалистично и отличается стремлением передать движение животных. Чёткий контур, дугообразная шея, характерный изгиб рогов (участок 5) – всё это близко гравировкам на роговом предмете из хуннской могилы (Новгородова Э.А., 1994, рис. 55). Близкие по стилистике динамические образы представлены на участке 10.

В граффити древнетюркского времени часто используются разнообразная штриховка силуэтов и поперечные полосы на рогах (Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006, рис. 29). Всё это присуще бегущим козлам на участке 1.

Однолинейное изображение козла (участок 17) – это наследие этнографического времени, а контурное на участке 2 – творчество наших дней. Оно появилось в промежутке между нашими экспедициями 2002 и 2006 гг.

Особого рассмотрения заслуживают петроглифы на камне №1. Они выполнены с поразительной художественной силой. Изображённые там фантастические животные, оцетинившиеся торчащими во все стороны колючими отростками, полны неукротимой энергии. А трёхпалые ноги у правого зверя, видимо, намекают на принадлежность его к сфере мифологических персонажей. По драматической напряжённости образов, по впечатляющей выразительности петроглифы на камне №1 можно отнести к шедеврам средневекового искусства Горного Алтая. Ничего равного по художественной высоте мы не знаем среди петроглифов Горного Алтая первой половины второго тысячелетия новой эры. Явно проявившийся «нерв» искусства непосредственно отражал настроение своего времени, надо полагать, полного трагедий и коллизий. Это даёт повод датировать рисунки на камне №1 периодом монгольского завоевания Алтая. Фактически, опорные петроглифические памятники этого периода неизвестны; в этой связи наше предположение, несомненно, будет проверено дальнейшими исследованиями.

Отдалённо похожая штриховка по силуэту и хвосты-метёлки присущи и фигурам животных на участке 16. Однако это уже абсолютно статичные реплики, лишённые внешнего и внутреннего динамизма. Они, очевидно, были созданы позднее, во второй половине второго тысячелетия новой эры.

Следует отметить, что, как ни странно, в рисунках находящегося несколько ниже по Аргуту и более масштабного петроглифического памятника «Калтак» мало общего как по содержанию образов, так и по стилистике. Только резное изображение козла, появившееся там и тут в наши дни, похоже, было сделано одной рукой. Переход же от Калтака до Теректу-Дьула по незастывшему Аргуту невозможен. Видимо, это обстоятельство служило неким разграничивающим фактором для обитавших там племён.

В целом петроглифы Теректу-Дьула – это небольшой, но яркий памятник Горного Алтая послескифского времени.

Библиографический список

1. Мартынов, А.И. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая: Монография / А.И. Мартынов, В.Н. Елин, Р.М. Еркинова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. – 346 с.
2. Маточкин, Е.П. Красные кони Калтака / Е.П. Маточкин // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – №3. – С. 57-59.
3. Маточкин, Е.П. Петроглифы Калтака / Е.П. Маточкин // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. – №1-2. – С. 59-73.
4. Новгородова, Э.А. Мир петроглифов Монголии / Э.А. Новгородова. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

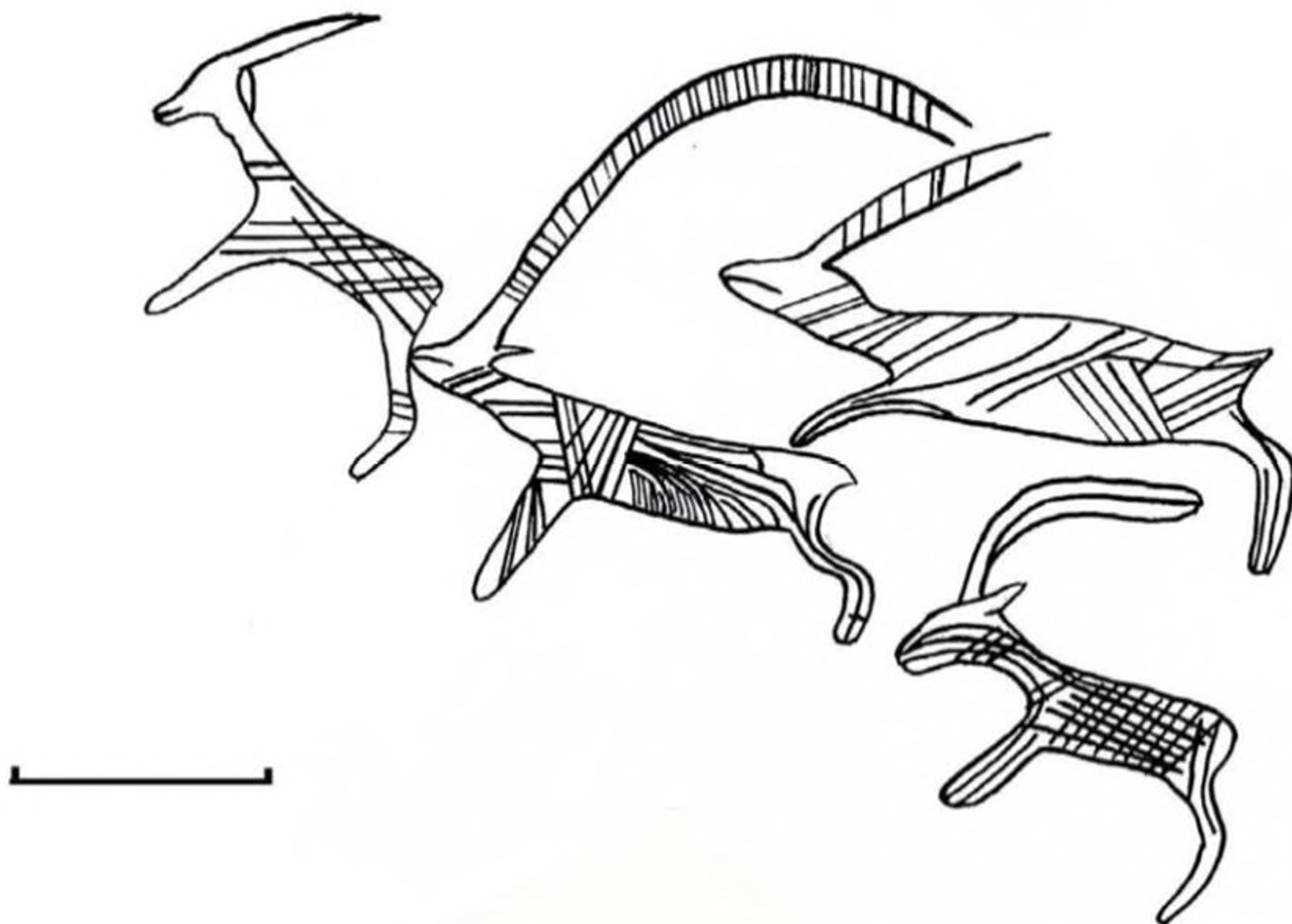

Рис.1. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 1. Шкала 5 см.

Рис.2. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 2. Шкала 5 см.

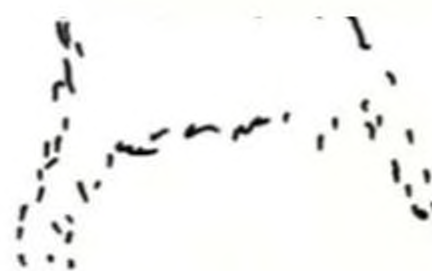

Рис.3. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 3. Шкала 5 см.

Рис.4. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 4. Шкала 5 см.

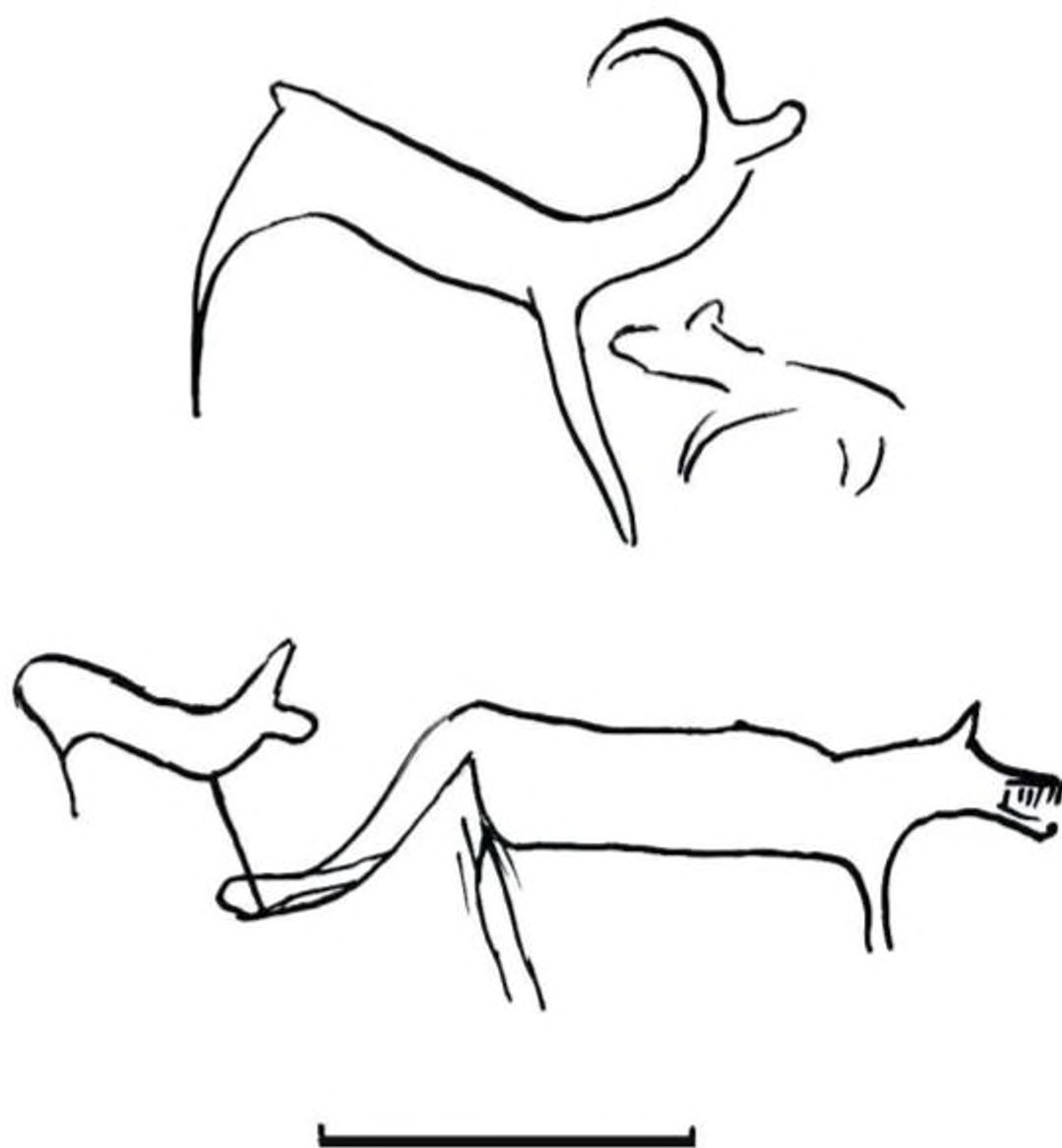

Рис.5. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 5. Шкала 5 см.

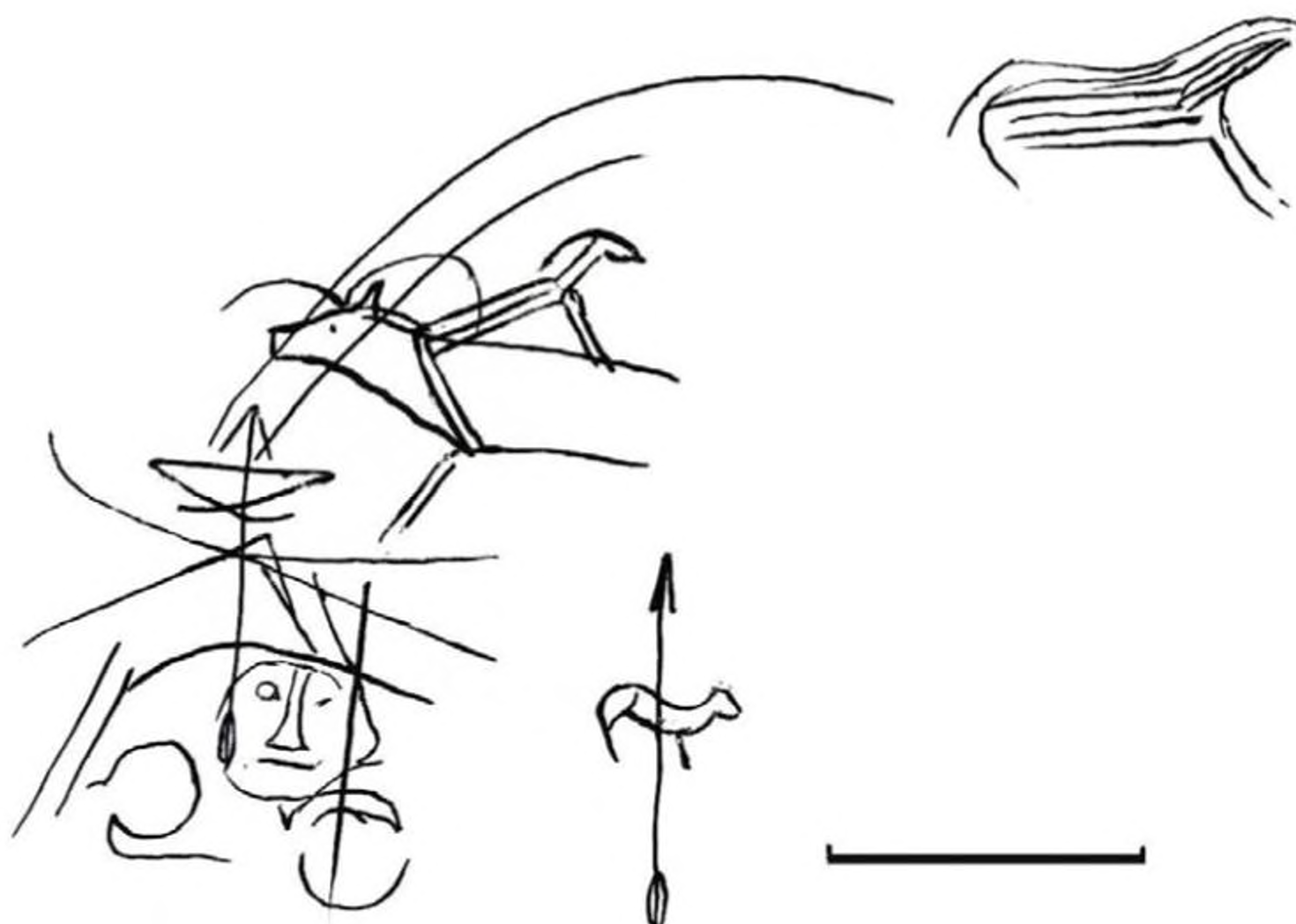

Рис.6. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 6. Шкала 5 см.

Рис.7. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 7. Шкала 5 см.

Рис.8. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 8. Шкала 5 см.

Рис.9. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 9. Шкала 5 см.

Рис.10. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 10. Шкала 5 см.

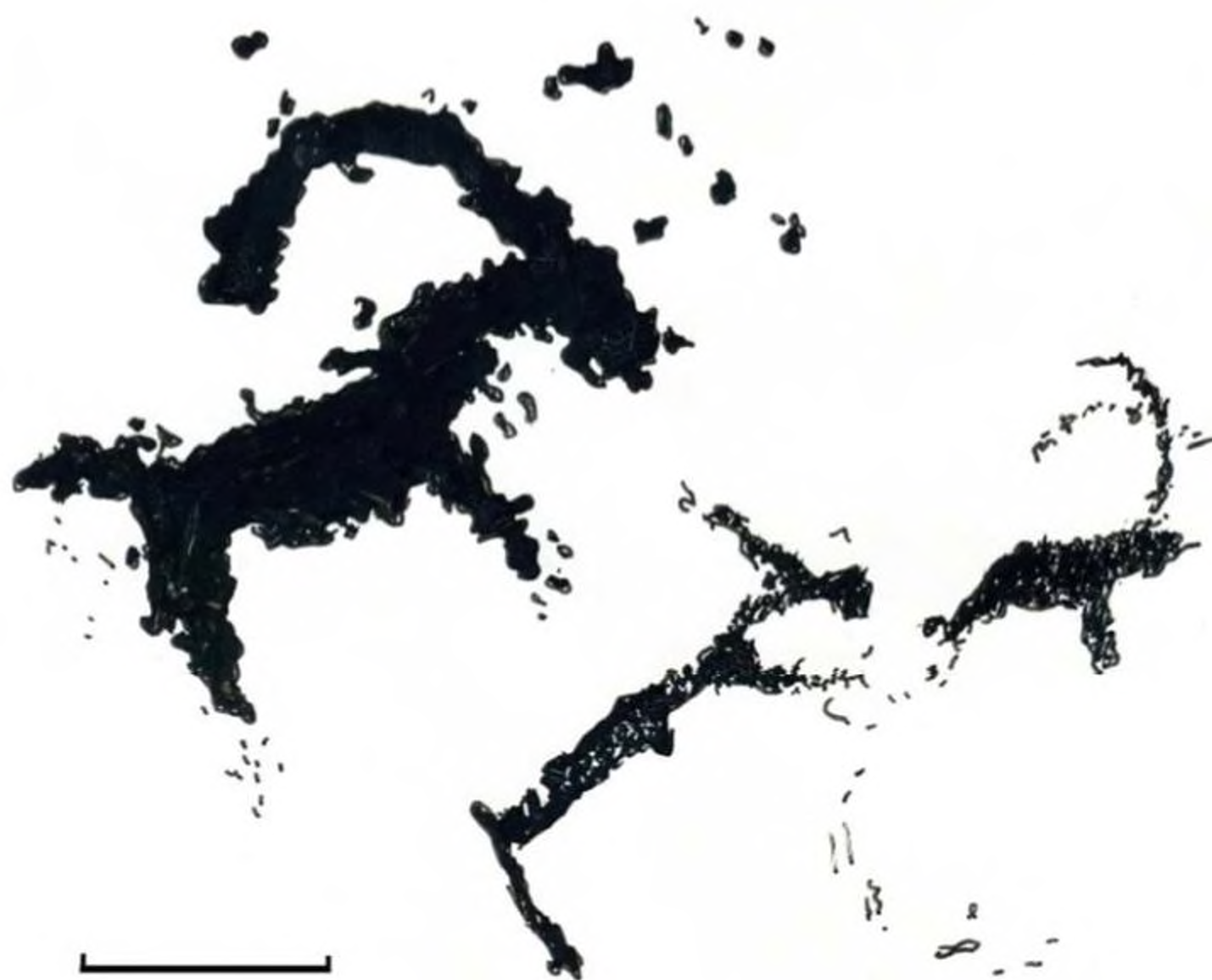

Рис.11. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 11. Шкала 5 см.

Рис.12. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 12. Шкала 5 см.

Рис.13. Петроглифы Теректу-Дьула.
Участок 13. Шкала 5 см.

Рис.14. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 14. Шкала 5 см.

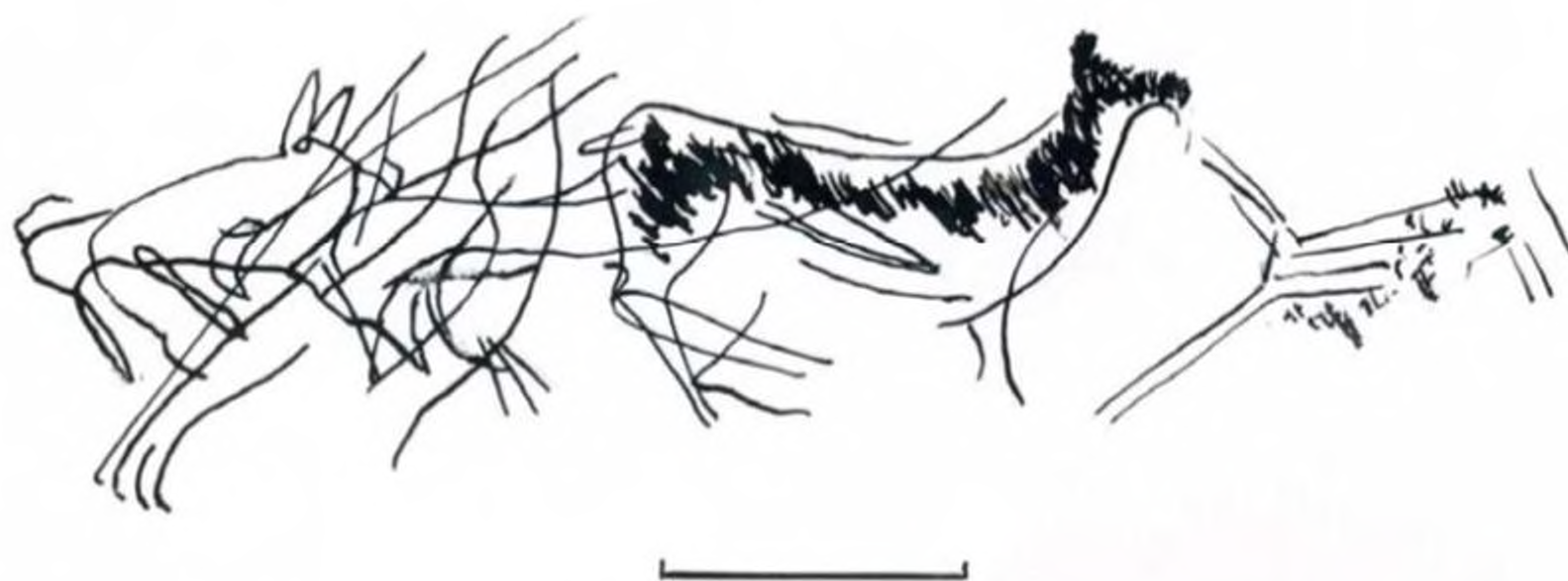

Рис.15. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 15. Шкала 5 см.

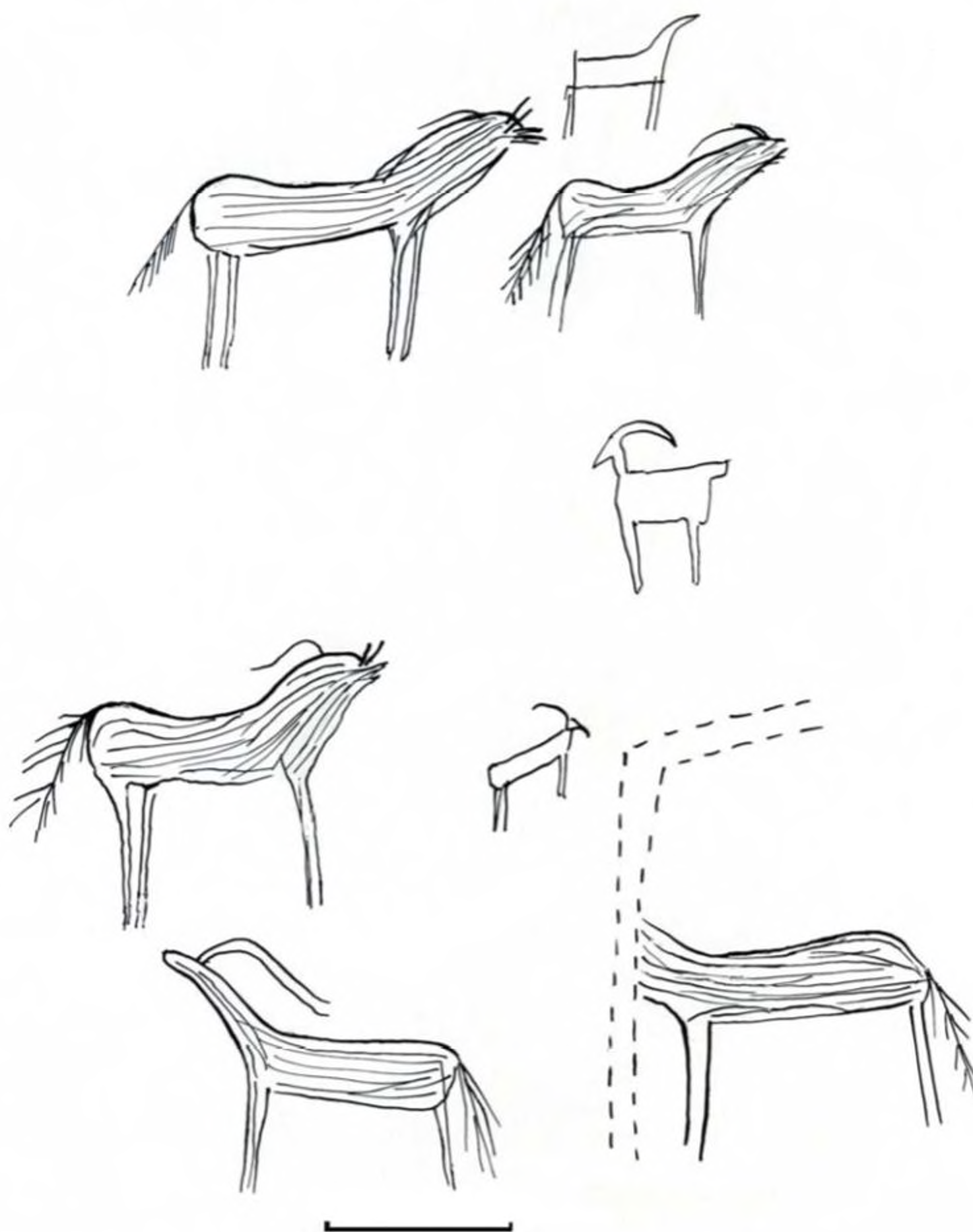

Рис.16. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 16. Шкала 5 см.

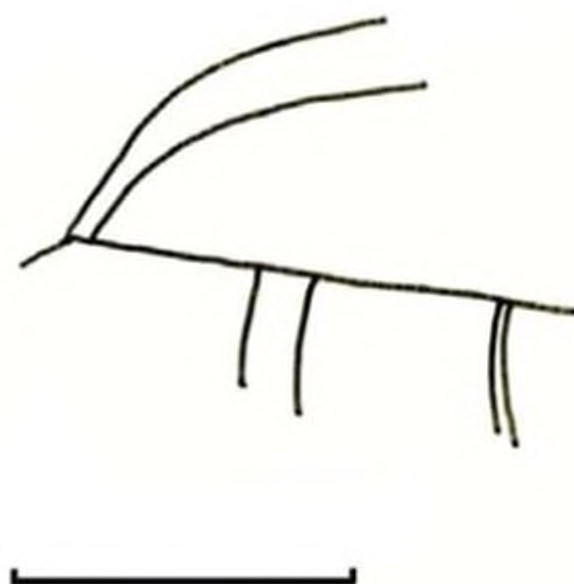

Рис.17. Петроглифы Теректу-Дьула. Участок 17. Шкала 5 см.

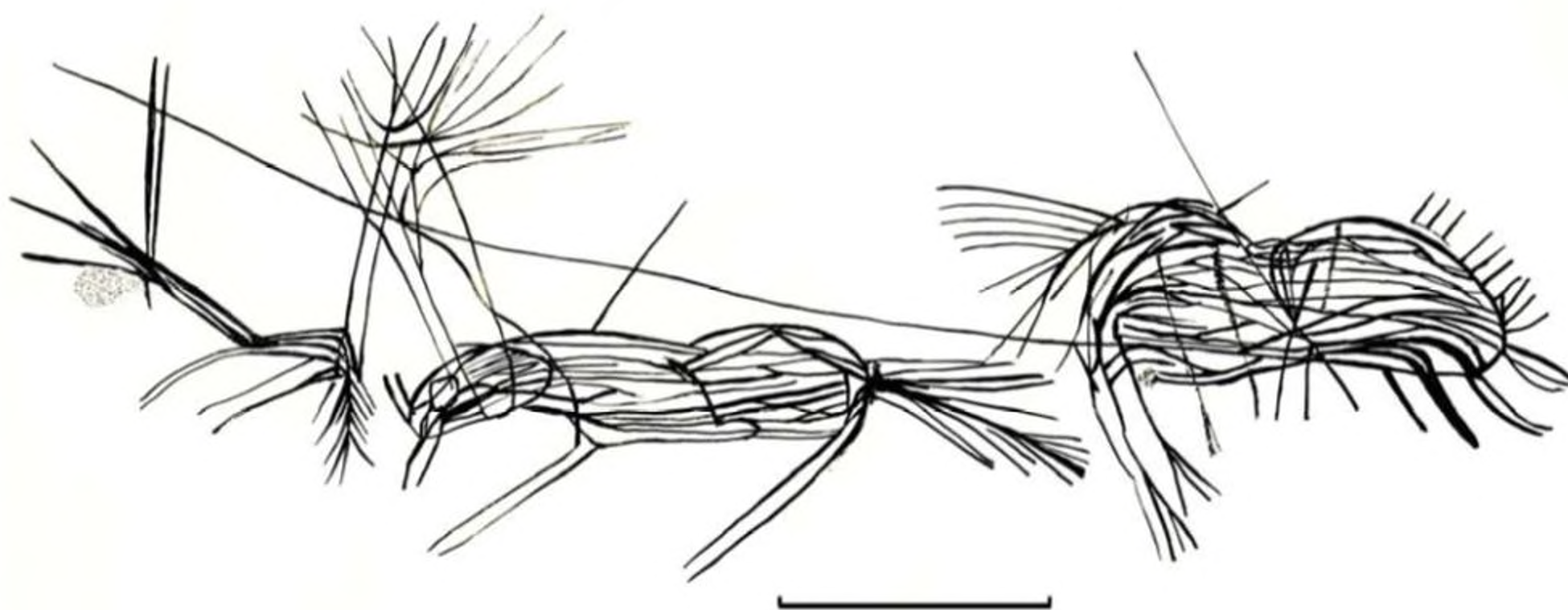

Рис.18. Петроглифы Теректу-Дьула. Камень №1. Шкала 5 см.

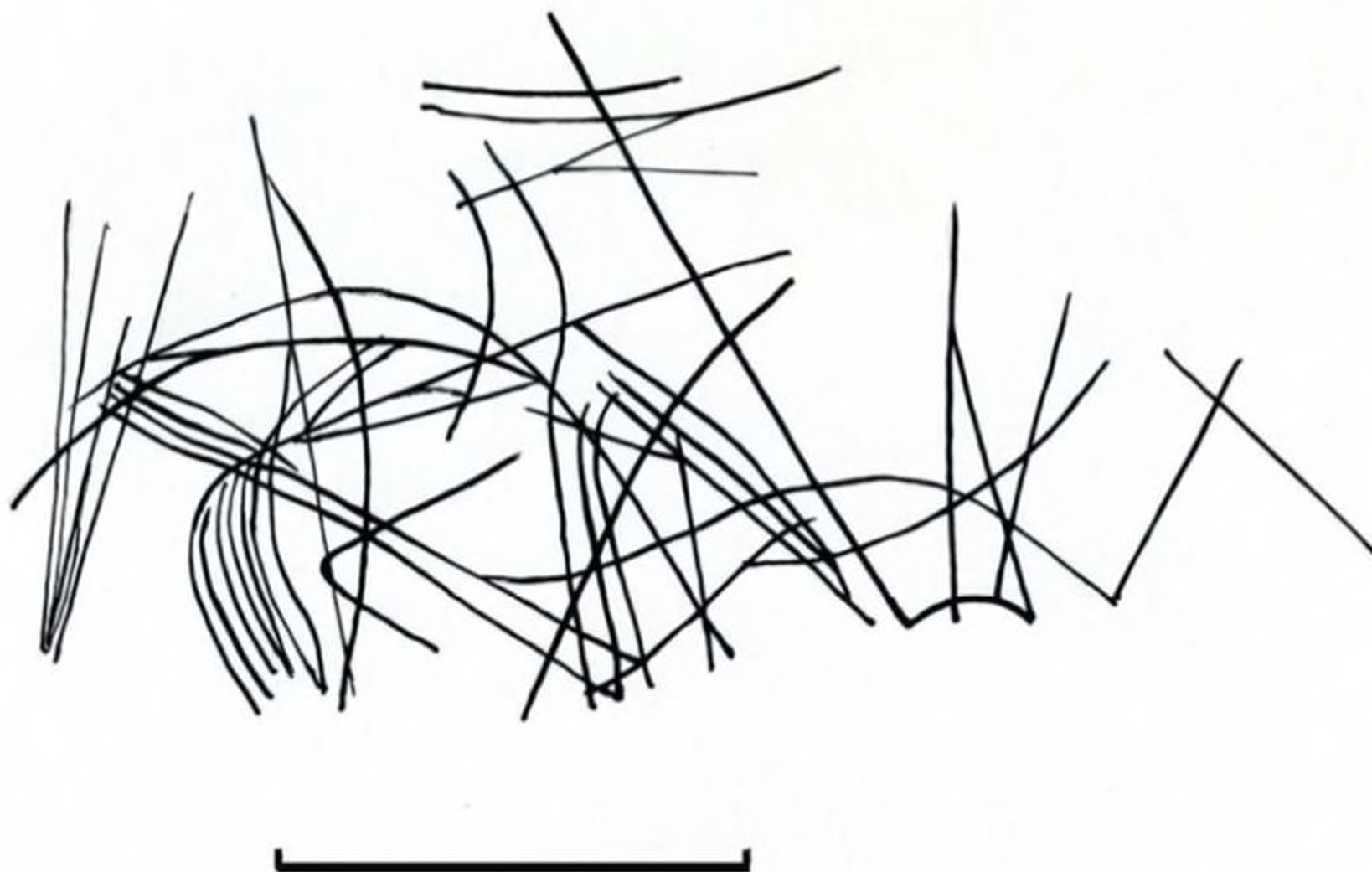

Рис.19. Петроглифы Теректу-Дьула. Камень №2. Шкала 5 см.

Рис.20. Петроглифы Теректу-Дьула. Камень №3. Шкала 5 см.

Киреев С.М., Штанакова Е.А., Моносов В.М.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

**УКРАШЕНИЯ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ БУГУЗУНА (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)***

Введение.

Украшения являются одной из самых обширных и информативных категорий погребального инвентаря наряду с предметами вооружения и хозяйственной деятельности. Украшения – важнейший источник не только для реконструкции этнокультурных и политических процессов народов, но и для изучения уровня ремесленной деятельности. В рамках данной публикации будут введены в научный оборот новые материалы (украшения) гунно-сарматского времени, а также приведены результаты анализа этих находок с точки зрения технологии производства.

В 2001 году учителю Республиканской национальной гимназии им. В.К. Плакаса В.М. Моносову была передана серия случайных находок из Кош-Агачского района Республики Алтай: бронзовые бляхи, бусины-нашивки из створок раковин, подвески из клыков марала. По словам автора находок – жителя села Тебелер Сергея Мухаметкалиева – предметы были обнаружены недалеко от источника (Аржан-Суу), на правом берегу р. Бугун, в двух км выше её слияния с р. Кокоря, на террасе в кустах можжевельника. Украшения были вынесены из частично размытого дождевыми и талыми водами небольшого кургана и рассеяны на площади около 15 кв. м вокруг промоины.

Описание находок.

Бронзовые бляхи (рис. 1; фото 1) представлены шестнадцатью экземплярами, некоторые из которых сохранились во фрагментах. Бляхи имеют размеры 4,2-5,6 см, округлую полусферическую форму и снабжены двумя радиально расположенными округлыми отверстиями для нашивания. По краю бляхи украшены двумя рядами рельефного точечного орнамента. Толщина блях – до 0,05 см. Внутренняя и внешняя поверхности всех изделий покрыты характерными окислами зелёного цвета и коричневой патиной. Необходимо отметить, что окислы и патина покрывают не всю поверхность изделий. Кое-где прослеживается чистая поверхность жёлтого металла. Два экземпляра, лежавшие, по видимому, долгое время на солнце, имеют красно-коричневый загар. Сохранность изделий в разной степени не полная. Наблюдаются следы деформации, многочисленные сломы металла, трещины (особенно в местах расположения сквозных отверстий), образовавшиеся в результате износа материала, условий залегания и, очевидно, механического воздействия во время нахождения на поверхности. От экземпляров №№ 1, 9 сохранилось по одному фрагменту. Экземпляр № 2 был склеен из нескольких фрагментов, но полностью его форма восстановлена не была.

При анализе внешних признаков блях было выделено пять их разновидностей (табл. 1):

- 1) бляхи и их фрагменты со стандартным орнаментом и диаметром 5,5 см; (экз. № 1-3).
- 2) а) бляхи со стандартным орнаментом и диаметром 5 см (экз. № 4-5).

* Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011) госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации.

б) бляхи со стандартным и дополнительным орнаментом и диаметром 5 см (экз. № 6-9).

3) бляхи со стандартным орнаментом и диаметром 4,5 см (экз. № 10-14).

4) бляхи со стандартным орнаментом и диаметром 4 см (экз. № 15-16).

Критерием для выделения разновидностей был выбран размер блях и набор элементов орнамента. К стандартным были отнесены те элементы орнамента, которые присутствовали на всех бляхах – рельефный точечный орнамент в два ряда, идущий по краю изделия и образующие две концентрические окружности. Внешняя окружность содержит около 55 выпуклых точек, внутренняя – около 50. К дополнительным – два ряда точечного орнамента, расположенного параллельно друг другу, над и под отверстиями для нашивания, и идущими к центральной части бляхи перпендикулярно основному орнаменту. Дополнительные элементы сравнительно короткие и включают в себя 3-4 выпуклых точки в одном ряду.

Бусины-нашивки из раковин (рис. 2; фото 3). Плоские дисковидные бусины-нашивки белого цвета представлены пятнадцатью целыми экземплярами и семью фрагментами от разных бусин. Все бусины примерно одинакового диаметра – около 1 см. Толщина бусин – до 0,5 см, диаметр отверстий – 0,3-0,4 см. Поверхность большинства бусин покрыта патиной белого цвета. На некоторых экземплярах, особенно фрагментарной сохранности, прослеживается характерный для раковин перламутровый блеск и слоистость. Бусины-нашивки изготовлены из створок крупной раковины.

Подвески из клыков марала (рис. 2; фото 2) насчитывают шесть экземпляров плохой сохранности. Для изготовления подвесок использовались атрофированные клыки маралов размером до 3,5 см, принадлежавшие взрослым особям. На трёх подвесках отверстия для продевания шнура ещё пригодны для использования (нанизывания), на остальных они сильно разрушены и можно лишь говорить о том, что отверстия присутствовали на клыках. У экземпляра №1 насчитывается три полуразрушенных сквозных отверстия для нашивания, у остальных – по одному. На подвесках наблюдается зелёный налёт, что свидетельствует об их совместном нахождении с бронзовыми предметами. Верхний слой клыков – эмаль, частично разрушился.

Технологические приёмы.

Бляхи выполнены из бронзы, имеющий «золотой» (насыщенно-жёлтый) цвет. Судя по цвету металла в сплаве содержалось не менее 80 % меди (Система научного описания музейного предмета..., 2003, с. 161). Бляхи были выбиты из бронзовых пластин, толщина которых колеблется в районе 0,05 см. О том, что изделия получались в результате выбивания, говорят серии блях с одинаковым диаметром и особым образом оформленными краями. Для одной серии блях, вероятно, мог использоваться один инструмент. Очевидно, далее плоские кружки подвергались ручной выколотке (чеканке) – холодной обработке листового металла цветного металла для получения полых объёмных изделий. Для проведения подобных операций предполагалось использование таких инструментов, как ударные молотки или чеканы, опорные наковальни, ножницы. Техника предполагала следующие операции: плющение, гибку, осадку, обжимку. Для изготовления рассматриваемых нами блях, по всей видимости, применялась разновидность ручной выколотки – буклирование – изготовление округлых выпуклых форм (Там же, с. 174).

Следующей технологической операцией по изготовлению блях можно определить пробивание сквозных отверстий для нашивания. Пробивание или пробивка – это одна из операцийковки и штамповки: разделение металлической заготовки по замкнутому контуру для получения сквозного или глухого отверстия (паза). Для этого применялись инструменты: пробойники с рабочей частью различной формы, пуансоны, прошивни. Работа производилась над отверстием наковальни, на подкладном кольце. Отверстия

получались ударах по пробойнику и бородку молотком. При сквозных отверстиях отходы металла («выдра») выталкиваются в полость отверстия подкладного кольца. Работа обычно производилась с нагретой заготовкой (Там же, с. 182). Ещё одним аргументом в пользу применения техники пробивания сквозных отверстий и формы самих блях является форма кромки по краю блях и отверстий. На большинстве блях мы можем проследить направление пробивания отверстий. Оно происходило с изнаночной стороны наружу (фото 4 – 2а).

Вероятно, изделия подвергались ещё и шлифованию для устранения технологических дефектов и неровностей, но из-за естественной полировки в процессе использования блях, сейчас трудно что-либо говорить о данной операции в рамках рассматриваемых предметов. На некоторых образцах мы можем наблюдать характерные борозды от грубой шлифовки, вероятно, при использовании песка и куска кожи. Бороздки имеют тёмный загар, что говорит об их древнем появлении (фото 4 – 4б).

После того как основная часть изделия была готова происходило нанесение орнамента. Подтверждением тому, что орнамент наносился в последнюю очередь, служит его аккуратное расположение вокруг ранее пробитых отверстий для нашивания.

На всех бляшках прослеживается рельефный точечный орнамент. Понятийный толковый словарь по металлообработке определяет нанесение подобных орнаментов как канфарение – декоративная или функциональная обработка металлической поверхности равномерными точками, насечками, штрихами при помощи канфарника (чекана с рабочим концом в виде тупой иглы) (Там же, с. 176). Орнамент набивался на оборотной стороне изделий, а рельеф в виде выпуклых точек проявлялся на лицевой. Судя по тому, что характеру поверхность точек орнамента на лицевой стороне слегка приплюснута, мы можем высказать предположение о том, что в качестве подкладки при набивании орнамента использовалась подставка из мягкой породы дерева (фото 4 – 2б, 4б, 5а). При изучении следов на оборотных сторонах блях, удалось определить, что в сечении игла чекана имела подчетырёхугольную форму и остриё в форме пирамиды. Такие следы отчётливо прослеживаются на нескольких изделиях (фото 4 – 2а, в). На остальных наблюдаются следы либо подчетырёхугольной, либо, в своём большинстве, округлой формы (фото 4 – 4а, 5б). На наш взгляд, чекан имел сменные иглы, которые в результате износа или повреждения, могли заменяться. Также можно предположить, что износ иглы происходил в достаточно короткий срок, что объясняет присутствие на одном и том же экземпляре подквадратных следов с отпечатком пирамидального острия, подквадратных и округлых следов. В таком случае, скорее всего, игла была изготовлена из мягкого металла – бронзы. В распоряжении мастера могли находиться сменные иглы для чекана различной толщины. Так на малых и некоторых средних бляхах имеется орнамент в виде мелких близкорасположенных точек-углублений. На больших и части средних блях мы наблюдаем относительно крупные точки-углубления (фото 4 – 2а, 3а, б, 4а, 5б). Это также можно объяснить тем, что для нанесения орнамента на малые бляхи использовались новые иглы, так как их величина требовала более кропотливой работы. А для нанесения орнамента на бляхи больших размеров использование новых игл было уже не принципиально.

Примечательной особенностью двух малых блях является наличие на оборотной стороне у края изделия двух параллельных линий образованных точками-углублениями (фото 4 – 3а, б). Эти неглубокие ямки пересекают орнамент блях, но на лицевой стороне не прослеживаются. Назначение этого «орнамента» не совсем ясно, но как варианты можно предположить, что это элементы разметки листового металла либо производственный брак.

Форма представляемых в статье блях характерна для миниатюрных бронзовых бляшек из погребений гунно-сарматского времени (Трифанова С.В., 2005). Бляхи, сочетающие в себе такие крупные размеры и формы, пока не имеют аналогий в памятниках.

Также нами был проведён сравнительный анализ технологического процесса изготовления больших блях из Бугузуна и бляшек из погребений могильника Айрыдыш-I, отнесённого к булан-кобинской культуре Горного Алтая (Суразаков А.С., 1990). Было проанализировано более двух десятков образцов. В итоге мы получили следующие результаты. Айрыдашские бляшки изготавливались, очевидно, по схожей технологии. Сначала из листового металла (бронзы) пробивались «кружки», затем, очевидно, происходило пробивание отверстий для нашивания. Это обстоятельство подтверждается тем, что на некоторых бляшках отверстия были пробиты с оборотной стороны наружу, на других – с наружной стороны на оборотную. Таким образом, технологически было удобнее сначала делать отверстия, а затем уже производить работы с центральной частью изделия и наносить орнамент. Для оформления центральной выпуклой части, очевидно, использовались чеканы и пуансоны (матрицы) – часть формы для литья и прессования, используемая при тиражировании металлических изделий с выпуклым рельефом (Система научного описания музейного предмета..., 2003, с. 182). Судя по расположению орнамента (он располагался достаточно аккуратно относительно сквозных отверстий и выпуклой части) он наносился в последнюю очередь ручным способом, так как каких-либо признаков штамповки нами замечено не было. Нанесение орнамента, очевидно, происходило также с помощью чекана с окончанием в виде иглы. Следы имеют как округлую форму, так и подчетырёхугольную. Таким образом, различием в изготовлении блях из Бугузуна и бляшек из Айрыдаша-I является то, что первые изготавливались по средствам выколотки, а вторые с помощью чекана и пуансона.

Бусины-нашивки из раковин. Из-за сильной патинизированности изделий трудно проследить их технологические особенности. Бусины имеют практически одинаковый диаметр. Вероятно, они вырезались по одному шаблону. Центральное отверстие сверлилось перкой одного размера без использования встречного сверления. После изготовления основной формы бусины были хорошо зашлифованы. Так как бусины достаточно мелкие по размеру, тонкие, из хрупкого материала, а количество их велико и их изготовление в индивидуальном порядке, вероятно, занимало большое количество времени. Поэтому, опираясь на технологию изготовления изделий из раковин у индейцев, описанную С.А. Семёновым (1968, с. 140), мы можем предположить, что для обработки большого количества мелких одинаковых предметов могли использоваться подобные технологии. Таким образом, вероятно, сначала изготавливались небольшие заготовки для бусин, прорезались отверстия и нанизывались на шнурок. Затем сложенные в стопку бусины шлифовались. Очевидно, внутренняя часть (отверстия) обрабатывалась похожим образом. На некоторых экземплярах направление сверления вполне определимо.

Подвески из клыков марала представлены шестью экземплярами фрагментарной сохранности. Все шесть предметов украшения снабжены сверлёными отверстиями для подвешивания, расположенными ближе к району зубного корня. Экземпляры №2-6 имеют по одному отверстию, а у экземпляра №1 их прослеживается три. Одно в районе корня, другое почти примыкает к первому, но расположено ниже. Третье – в центральной части клыка. Пригодным для использования является только последнее, остальные – повреждены. В результате чего мы можем предполагать, что подвеска как минимум три раза подновлялась, т.е. после износа одного отверстия делалось новое.

Основной технологической операцией при изготовлении подвесок из зубов марала было сверление отверстий для подвешивания (фото 4 – 1а-г). На двух экземплярах (№№1 и 3) мы можем проследить встречное сверление (рис. 2 – 1, 3; фото 4 – 1а-г). К сожалению, сохранность остальных подвесок не позволяет делать такого рода выводы.

Особенности и назначение изделий.

Бляхи являются нашивными украшениями одежды. Относительно рассматриваемых в статье бронзовых блях мы не можем с точной уверенностью говорить о том, на

какую часть костюма они нашивались, так как не имеем привязки к погребению. Обнаруженные в погребениях гунно-сарматского времени бляхи располагались в шейно-поясном промежутке (Соёнов В.И., 1992, с. 12; Тишкин А.А., Матрёнин С.С., А.В. Шмидт, 2011; Суразаков А.С., 1990; Вайнштейн С.И., 1970; Дьяконова В.П., 1970). Как вариант, мы можем предположить их нашивку на нагрудную часть одежды. Это могло являть украшением и в определённой степени выполнять защитную функцию.

Судя по износу металла в районах расположения отверстий, мы можем реконструировать способ их нашивания на «одежду». Вероятно, использовался плотный и жёсткий шнурок, о чём можно судить по большой степени износа материала (фото 4 – 2а-в). Шнурок продевался в одно отверстие с лицевой стороны, проходил под выпуклой центральной частью бляхи и вновь выходил на лицевую сторону через отверстие. Затем концы шнурка через край бляхи загибались в обратную сторону и крепились к украшаемой вещи.

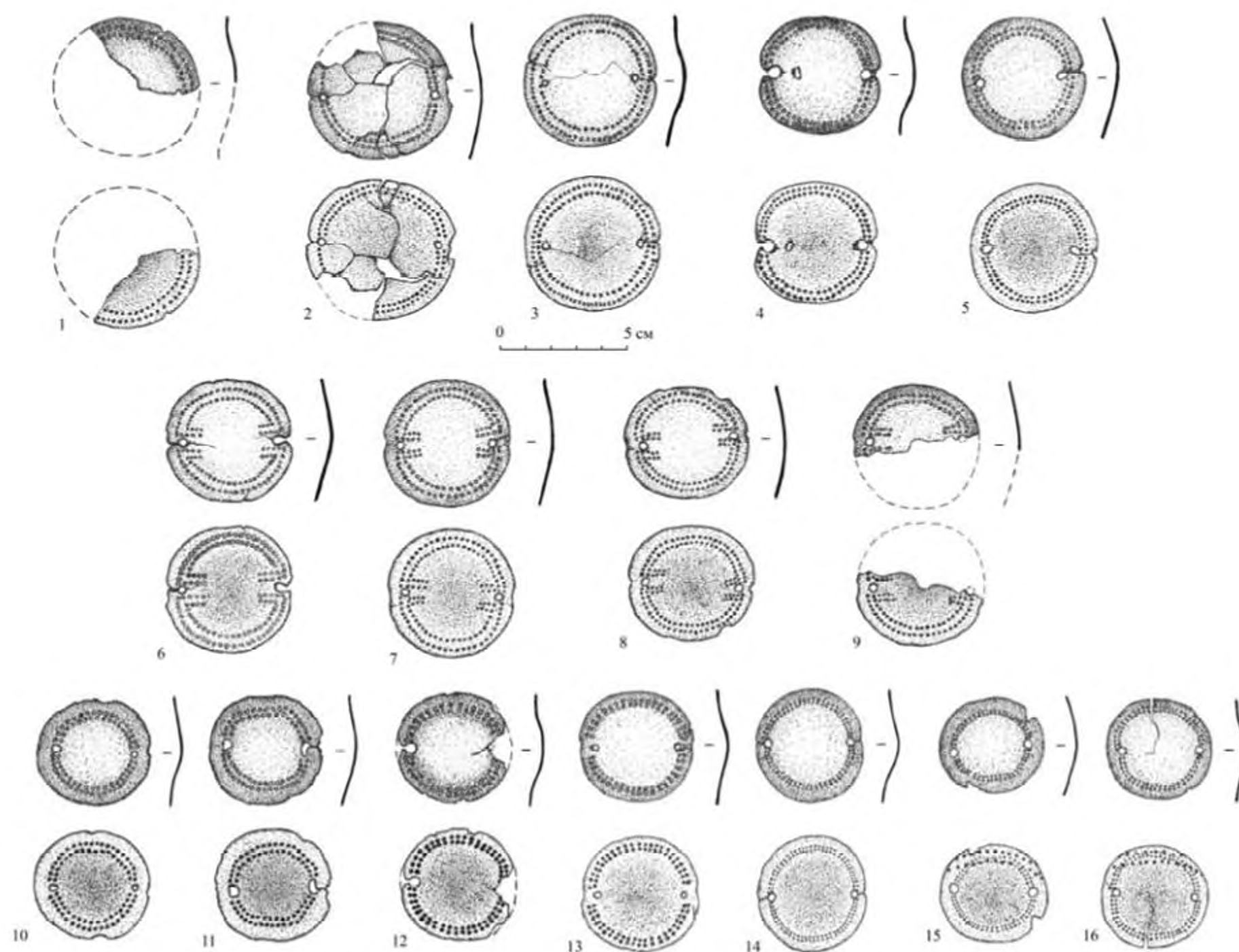

Рис. 1. Бронзовые бляхи.

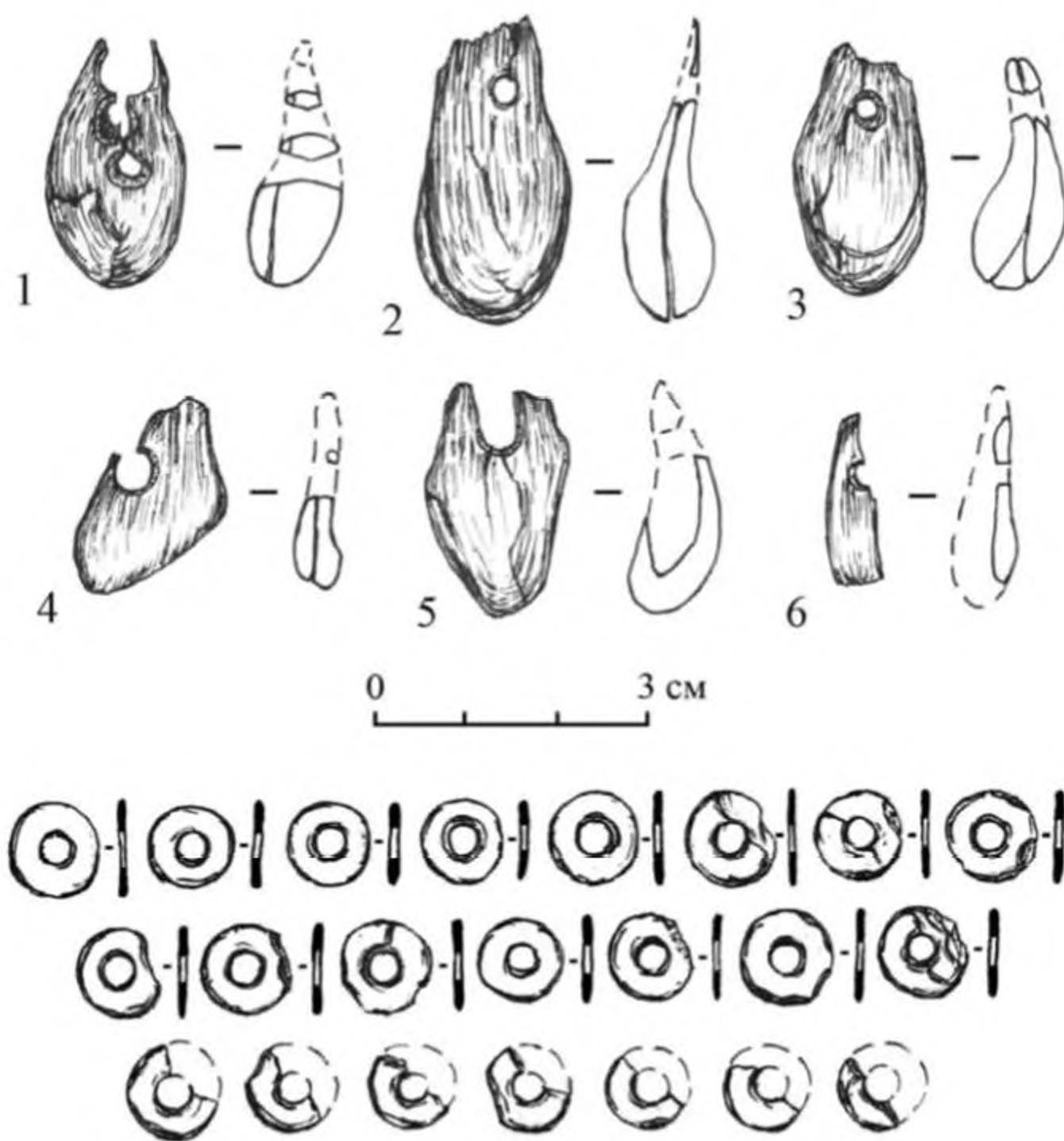

Рис. 2. Подвески из клыков марала (1-6) и бусины-нашивки.

Надо отметить, что бляхи использовались достаточно длительный период, так как металл в местах прохождения шнурка сильно потёрт. На примере экземпляра №5 можно проследить следующую ситуацию: перемычка между краем бляхи и отверстием полностью стёрлась. Чтобы использовать предмет в дальнейшем было проделано ещё одно отверстие рядом с первоначальным. Отверстие имеет неправильную эллипсообразную форму. Оно было сделано с изнаночной стороны на наружную, видимо, по холодному металлу (что видно по сильно отогнутым краям отверстия на лицевой стороне). Эта операция была проведена довольно небрежно и, очевидно, без специальных инструментов в условиях местности.

Бусины в погребениях обычно располагались в грудной области или в районе черепа, но в небольшом количестве. Эта категория вещей, как правило, использовалась в ожерельях либо для расшивания одежды и головных уборов. На рассматриваемых бусинах нами не было выявлено следов износа материала.

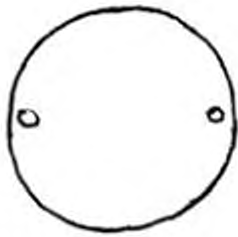

№№	Изображение	Размер	Кол-во	
I.		5,5 см	3	
II.			5 см	4
		5 см	2	
III.		4,5 см	5	
IV.		4 см	2	

Таблица 1. Разновидности бронзовых блях из Бугузуна.

Подвески из клыков марала считаются шейными украшениями, использовавшимися человеком на протяжении разных исторических периодов (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с.65, 77; Суразаков А.С., 1990; Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая, 2006, с. 188). Данный вид украшений носил скорее ритуально-культовое значение, нежели просто эстетическое. Данный вид украшения, видимо, имел настолько большое значение, что стали появляться копии подвесок таких подвесок, изготовленные из камня (Вайнштейн С.И., 1970). Это могло быть связано с нехваткой натурального материала, так как у одной особи имеется всего одна пара атрофированных клыков.

Заключение.

В начале I тыс. н.э. бронза практически перестаёт использоваться в качестве материала для изготовления предметов вооружения и хозяйственной деятельности. Её сменяет более прочный и долговечный металл – железо. Бронза продолжает занимать в жизни человека не последнюю роль. Благодаря своему привлекательному внешнему виду бронза активно используется для производства украшений, имитирующих золотые (?). Для изготовления таких предметов мастером-металлообработчиком использовался широкий спектр инструментов и приспособлений. Последовательность технологических приёмов, как мы видим, была довольно чётко отработана. Производство таких украшений нельзя назвать массовым. Вероятно, такие изделия были довольно дорогими. Это подтверждается разной степенью изношенности найденных блях. По мере износа они либо подновлялись, либо заменялись новыми.

Технологические приёмы, использованные при их производстве бусин-нашивок и подвесок из клыков марала, широко использовались в гунно-сарматское время. Это использование перок, простое и встречное сверление, шлифование.

Из всех материалов, полученных из частично разрушенного погребения из Бугузуна, датирующими являются лишь бронзовые бляхи. Подобные изделия, но небольших размеров с округлым полусферическим выступом в центре и кольцевым полем вокруг него являются довольно распространённым атрибутом погребений гунно-сарматского времени, широко бытовавшим на территории Саяно-Алтая. В настоящее время для Горного Алтая разработана типология и классификация блях гунно-сарматского времени (Трифанова С.В., 2006), где они датируются в широких пределах – II в. до н.э. – V в н.э.

Необычно крупные размеры блях (4-5,5 см) выделяют их в ряд нескольких сот подобных находок мелких размеров из погребений могильников Айрыдаш-I, Бике-I, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Чендек и др. Наиболее южное расположение бугузунских находок среди всех гунно-сарматских памятников Горного Алтая гипотетически подводят нас к предположению о наиболее ранней их датировке в рамках изучаемого периода: конец I тыс. до н.э. – рубеж эр.

Что касается бусин нашивок из створок раковин, то нам не известны подобные находки в других горно-алтайских памятниках. А подвески из клыков марала не имеют узкой датировки. Поэтому совместное нахождение с бляхами даёт возможность их синхронизировать.

Таким образом, бугузунские украшения датируются ранним периодом булан-кобинской культуры.

Библиографический список

1. Вайнштейн, С.И. Раскопки на могильнике Кокэль в 1962 г. / С.И. Вайнштейн // Труды ТКАЭЭ. – Л., 1970. – Т. 2. – С. 7-79.
2. Дьяконова В.П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. / В.П. Дьяконова // Труды ТКАЭЭ. – Л., 1970. – Т. 3. – С. 210-238.

3. Кубарев, В.Д. Курганы урочища Бике / В.Д. Кубарев, С.М. Киреев, Д.В. Черемисин // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С.43-95.
4. Семёнов, С.А. Развитие техники в каменном веке / С.А. Семёнов. – Л., 1968. – 362 с.
5. Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология. Справочник / под ред. И.В. Дубова, И.И. Шагнина. – С-Пб.: «Арт-люкс», 2003. – 48 с.
6. Соёнов, В.И. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь / В.И. Соёнов, А.В. Эбель. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – 114 с.
7. Суразаков, А.С. Раскопки в долине Айрыдаш / А.С. Суразаков // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990. – С. 197-200.
8. Тишкин, А.А. Женские металлические украшения из погребения сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) / А.А. Тишкин, С.С. Матрёнин, А.В. Шмидт // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С.420-431.
9. Трифанова, С.В. Нашивные бляшки из памятников Саяно-Алтая / С.В. Трифанова // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул, 2005. – С. 139-144.
10. Трифанова, С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи: автореф. дис. ...: канд. ист. наук / С.В. Трифанова; ГАГУ. – Горно-Алтайск, 2006. – 26 с.
11. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Часть I / А.П. Погожева, М.П. Рыкун, Н.Ф. Степанова, С.С. Тур. – Барнаул: АзБука, 2006. – 234 с.

Азбелев П.П.

(г. Санкт-Петербург, Россия)

ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ ТРИАДА

1. Проблема

В одной из классических работ эрмитажного вещеведения Л.А. Мацулевич писал о явлении, за которым позднее закрепилось название «геральдического стиля» ранне-средневековых наременных принадлежностей: «Эти небольшие изделия, обычно из серебра или бронзы, характеризуются сильной профилёвкой с косым обрезом краёв и прорезной геометрической орнаментацией, при своеобразных, неизменно повторяющихся формах. Круг распространения памятников этого стиля чрезвычайно широк. Начиная от Керчи и Суук-Су и могильников Кавказа и Черноморского побережья, область распространения этого стиля охватывает юго-западную и центральную Россию, северо-восточный край, переваливает через Урал, достигает Иртыша, а последними раскопками 1925 г. С.И. Руденки и А.Н. Глухова доведена до Алтая. С другой стороны, тот же стиль в ином варианте охватывает на западе, ближайшим образом, Венгрию, приадриатическую Италию, Балканский полуостров, подходя по линии Чаталджинской позиции почти к самому Константинополю. Все эти крайне многочисленные предметы, несмотря на местные отклонения и различия, показывают исключительное единство стиля; с другой стороны, отдельные совершенно тождественные, неизменно повторяющиеся изделия встречаются в таких медвежьих углах тогдашнего культурного мира, что невольно приходит мысль о существовании единого крупного центра, рассадника этой культуры, каковым могла быть Византия» (Мацулевич Л.А., 1927, с.131-132).

Открытиями последовавших десятилетий в ареал геральдического стиля оказались включены Средняя и Передняя Азия, Ближний Восток и Восточный Туркестан, эпизодические находки есть и к востоку от Саяно-Алтая. Таким образом, несмотря на неравномерность распределения находок, можно с полным правом считать геральдический стиль глобальным (по меркам той эпохи) явлением. При этих условиях правдоподобность идеи о византийском происхождении уменьшается, да и высказана она была главным образом исходя из анализа богатого декора, отделяющего перещепинские находки от большинства прочих образчиков геральдического стиля; общие же признаки, объединяющие «геральдику» перечисленных областей, явно не византийские. Сходным образом и у А.К. Амброза именно второстепенные черты восточноевропейской «геральдики» легли в основу тезиса о её происхождении «от провинциально-византийских прототипов» (см., напр.: Амброз А.К., 1980, с.11) – тогда как если это и это верно, то лишь для декора, наслоившегося поверх уже сформировавшихся в иной среде морфологических основ, по которым как раз и опознаётся стиль. Между тем именно эти общие признаки и должны бы оказаться в центре внимания, если ставить себе задачей установить происхождение этого стиля, вернее – нащупать путь к решению этой проблемы.

В литературе о раннесредневековых поясных наборах Евразии нередки дискуссии об этнокультурной принадлежности и хронологии геральдических поясов, о правомерности дат, предлагаемых по соответствующим находкам для различных памятников и этапов развития материальной культуры. Далеко не все вещи, относимые к геральдическому стилю, в полной мере отвечают его первому описанию, когда-то данному Л.А. Мацулевичем; принадлежность вещей к стилю определяют интуитивно, по общему

впечатлению от них, а не по какому-либо списку признаков. В исследовательской практике «геральдическими» именуют весьма разнообразные вещи из различных мест и порой разного времени; даты при этом выясняют не обязательно по самим геральдическим находкам, но часто по сопутствующим предметам и прочим обстоятельствам, а единой системной хронологии, как и общепринятых идентификационных признаков, для раннесредневековой «геральдики» так и нет. Неопределённость понятия порождает путаницу и болезненное отношение к «геральдическим» датам; в какой-то мере это вызвано тем, что всякий знакомится с «геральдикой» на том материале, которым занимается сам, и собственно геральдическая традиция смешивается с посторонними признаками, взаимодействовавшими с «геральдикой» на разных этапах её развития в разных регионах; так размывается хронология и теряется логика развития геральдического стиля.

2. Вопросы методики

В основе этих дискуссий, как представляется, лежит недопонимание сути историко-культурного феномена, условно именуемого «геральдическим стилем». Условно – ибо единого геральдического стиля, конечно, не существовало – слишком велики были пространства и разнообразны культуры, так или иначе охваченные этим явлением. Геральдический стиль, как и прочие древние транскультурные стили, существует прежде всего как способ восприятия материала современными исследователями; мы не знаем, осознавалось ли это единство в древности (в сходных обстоятельствах скифологи нередко предпочитают называть звериный стиль скорее художественным направлением, нежели стилем в прямом смысле слова). Но можно, обобщая исследовательскую практику, указать основные «сквозные» признаки, по которым изделия относят к числу геральдических, т.е. признаки, интуитивно выделяемые нами из общей суммы свойств материала в качестве стилеобразующих. Этих признаков, при всём разнообразии их проявлений, всего три. Можно было бы насчитать и больше, но свести описание именно к «триаде», с моей точки зрения, методически важно – по следующим причинам.

«Триадный» способ определения разномасштабных культурных феноменов естествен. В отличие от формального классифицирования, основанного на иерархии дихотомических членений материала, – образ явления, *впечатление* от него чаще опирается, как следует из наблюдений над исследованиями, на некое триединство. В далёкой от теоретического совершенства повседневной практике повторяющийся набор именно из трёх элементов, вне зависимости от их однородности, оказывается для нас психологически комфортным минимумом комплексности, своего рода «квантом неслучайности», позволяющим рассматривать некое сходство как проявление общности разных культур, типов памятников, категорий материала. Так, в своё время парадигмой евразийской археологии раннего железного века стало понятие «скифской триады» [критическую историю этого термина см. в блестящей статье В.С. Ольховского (Ольховский В.С., 1997)]; меньше известно понятие «тюркской триады», предложенное Д.Г. Савиновым, включившим в неё «погребения с конём и соответствующим набором предметов сопроводительного инвентаря, поминальные сооружения и изваяния, схематические изображения горных козлов типа Чуруктуг-Кырлан» (Савинов Д.Г., 1984, с.51).

Скифская и древнетюркская триады характеризуют явления общекультурного, «эпохального» уровня; но та же логика свойственна и вещеведению. Не случайно типологическая характеристика изделий подразумевает их анализ на трёх уровнях: 1) морфологической основы, общей геометрии вещей, 2) оформления этой основы – «расцветчиванием» геометрически элементарного контура и соотношением разных элементов, и 3) декора. Тот же алгоритм применим, в свою очередь, и к самим морфологическим основам, и к их оформлению, и к декору, т.е. «триады» выстраиваются в сложные

иерархии; внешне они сходны с дихотомическими иерархиями классификаций, но отражают не столько свойства материала, сколько его восприятие.

Осознанно или интуитивно оперируя разноуровневыми «триадами», мы просто, однако надёжно структурируем пространство культур, акцентируем знаковые явления и процессы – точно так же в геометрии всего три точки, расставленные не в ряд, определяют плоскость. Устойчивые «триады», проявляющиеся в материалах разных культур, фиксируют связи соответствующих общностей с историко-культурными процессами, стоящими за условно выделенным триединством. В работе с географически и хронологически протяжёнными «пластами» удобно иметь ясный и неформальный инструмент диагностики транскультурных связей. Именно такой – во многом инструментальный смысл я и вкладываю в предлагаемое здесь понятие «геральдической триады».

«Триадное» определение декоративного стиля будет работать, если стилеобразующие элементы выбраны не случайно, а подчинены ясному алгоритму и последовательно отвечают на три вопроса (определяя три группы признаков стиля): 1) *что* изображено, т.е. какие элементы («персонажи») образуют декор, 2) *как* изображено, т.е. какие допускаются отступления от статистической нормы, «идеального элемента» (если речь о фигуративном декоре, – как искажается реальный прототип), и 3) *в каком соотношении* образующие декор элементы состоят между собой и с декорируемым предметом.

Этот алгоритм универсален, то есть равно действителен и для фигуративного*, и для орнаментального декора. Геральдический стиль орнаментален (ему свойственны и фигуративные элементы, но они сравнительно редки и не могут считаться стилеобразующими), и в роли «персонажей» оказываются простейшие формы. Поэлементная характеристика «геральдической триады», структурированная по вышеприведённому алгоритму, образует три группы признаков, вместе определяющие тот образ единства древних вещей, которой мы и зовём геральдическим стилем.

Предлагаемые заметки конспективны и предварительны: всесторонний анализ проблематики геральдического стиля должен бы составить предмет отдельного монографического исследования, изрядная часть которого должна быть посвящена интереснейшей и поучительной, но здесь для краткости пропущенной истории вопроса. Нет пока, увы, и свода евразийской «геральдики», составление которого – важная задача будущих изысканий.

3. Триада и её элементы

3.1. Морфологические основы.

Первый элемент триады – *бляшки специфической формы*, прежде всего в виде геральдического щита, приострённого или закруглённого; по ним этот стиль оформления

* Поясню это на общеизвестном примере фигуративного декора древних кочевников – звериного стиля: 1) изображаются звери или части их тел; 2) мастер отступает от «фотографического натурализма», акцентируя значимые, с его точки зрения, части тел (органы чувств – глаза, уши, ноздри – и средства защиты или нападения – рога, когти, клыки, копыта, клюв, основные мускулы); это акцентирование достигается качеством проработки, гипертрофированием или «зооморфными превращениями», при которых создаются уже фантастические образы, а незначимые части тел животных схематизируются – передаются гладкими поверхностями (иногда пишут: «широкими плоскостями»), превращающими части тел животных в стандартные «блоки». Животные даны в позах, определённых пространственным соотношением элементов декора, т.е. третьей группой признаков: 3) эти элементы декора, «персонажи» либо полностью покрывают декорируемую поверхность без явного взаимодействия, либо «поглощают» декорируемый предмет или его часть, либо вступают в схватку, образуя сцены терзания. Такое «триадное» описание одного из элементов «скифской триады» верно для всех вариантов звериного стиля, но не может быть применено к иным декоративным стилям.

фурнитуры и получил своё название. Нередко они имеют вычурный край, часто их украшает зооморфный, растительный или нефигуративный декор. Скруглённые бляшки менее показательны, чем приострѐнные, поскольку их форма слишком проста и могла появляться в разных культурах независимо. История их прослеживается на несколько веков (рис. 1 – А). Ранние образцы приострѐнных форм фиксируются в первых веках н.э. на западе Средней Азии (Бабашовский и Орлатский* могильники); возможно, «протогеральдическими» нужно считать и некоторые более ранние находки из Восточного Туркестана (Цзяохэ), хотя у них несколько иные пропорции (Варѐнов А.В. и др., 2009, с.244, рис.2 – 19-21; благодарю С.В. Панкову, обратившую моё внимание на эти находки). Механизм переориентации «прото-геральдических» бляшек на ремне выясняется благодаря находке пояса в сино-согдийской могиле сабао Аньцзя (570-е гг.), где сохранились формы, позволяющие понять историю как геральдических (рис. 1 – стрелки 1, 3), так и порталных (рис. 1 – стрелки 1, 2) блях (подробно: Азбелев П.П., 2010а).

В «геральдическое» время с этой формой часто связаны бляшки других характерных очертаний, часто «в виде рыбьего хвоста», или «рогатые» (рис. 1 – 8); ещё один тип – четырёхугольные щитки и бляшки с двумя прямыми и двумя дугообразно фацетированными краями – по отдельности почти не встречается и обычно входит в состав комбинированных изделий; подробнее об этих формах сказано ниже. Одна сторона большинства специфических бляшек геральдического стиля, как правило, спрямлена и представляет собой условное «основание»; остальные стороны – фигурные.

3.2. Оформление морфологических основ.

Второй элемент – *специфический ажурный (прорезной) декор*, образуемый в основном серповидными, округлыми и треугольными прорезями. Л.А. Мацулевич назвал эти прорези «геометрическими». Прорези иногда складываются в стилизованное «изображение» лица; когда-то В.Б. Ковалевская даже попыталась в серии работ формальными средствами показать, что именно лицо и было исходным мотивом (напр., Ковалевская В.Б., 1970), но доказала лишь то, что формально-процедурная метода возвращает исследователю интуитивную идею, заложенную в исходных данных, вне зависимости от её правдоподобия. На деле исходная форма – обычные для позднесарматских памятников рамки пряжек со вписанными симметричными полуволютами (рис. 1 – Б). При уплощающем гипертрофировании – технологически обусловленном типогенетическом процессе, охватившем в эпоху раннего средневековья многие культуры – эти полуволюты сливаются с собственно рамкой и образуют данную систему прорезей, на которую и переносится акцент декора (рис. 1 – стрелки 4, 5). Её случайное сходство со схемой лица, несомненно, порой обыгрывалось ремесленниками, всегда любящими поиграть с формой в рамках своих представлений о норме (именно так в эпоху жёсткого традиционализма проявляется творческая сущность человека); но чаще всего эта прорезная композиция, первоначально очень стойкая, со временем разваливалась, и в типологически поздних версиях прорези бывают рассыпаны уже вполне хаотически (бывает, что это уже и не прорези, а воспроизводящие их контур иные элементы декора). Сохраняется, однако, типовой набор очертаний прорезей, применяемых уже не только на щитках и бляшках, но на иных предметах – подножиях стремян, а быть может, и лопастях черешковых наконечников стрел

* В одной из последних своих работ Б.И. Маршак назвал малые орлатские бляшки «пластинами для гадания» (Маршак Б.И., 2009, с.10); как мне любезно подтвердила В.И. Распопова, это не опечатка. Но, к сожалению, осталось неясным, каков был замысел автора, – ведь форма, следы крепежа и декор этих изделий убеждают в том, что это именно «протогеральдические» декоративные накладки, если и не поясные, то стилистически – подчеркнута единые с заведомо поясными пряжками.

(это спорно, поскольку прорезные стрелы делали и раньше; речь идёт о возможном влиянии геральдического ажурного декора на старую традицию прорезных стрел).

С распространением вещей катандинского этапа из степи на её лесную периферию (не ранее середины – второй половины VII в.) ажурный геральдический декор порой переносится и на бляшки со смещённой щелевой прорезью (а на аналогичные, тоже катандинские по происхождению, но утратившие прорезь – и фигуративный: Голдина Р.Д., 1985, с.220, табл. XII – 13).

Типичные для геральдических наборов «рогатые» бляшки воспроизводят ту же композицию из парных волют, но искажают её иначе: акцент декора с волют на прорези не переносится, зато уплощённые симметричные волюты выступают как самостоятельный элемент, без окружающего их кольца рамки (рис. 1 – стрелки 4, 6). Типогенетическое единство прорезного декора и бляшек в виде «рыбьего хвоста» позволяет трактовать эту вторую часть триады шире – как элементы, имеющие в своей основе (в типологической ретроспективе) пару симметричных полуволют.

В этой же группе признаков – боковые вырезы удлинённых щитков (может быть, восходящие к сходным вырезам костяных и роговых пряжек, скрывающим окончания оси для язычка?) и вариативность самих «геральдических» щитков. Неизменны: общая симметричность изделия, наличие спрямлённого основания бляшки (иногда у бляшки два противопоставленных основания, и тогда она симметрична относительно двух перпендикулярных осей) и фигурность остальных сторон. В остальном бляшки разнятся: имеют скруглённый или приострённый «носик», более или менее вычурные края, остаются гладкими или «обрастают», как перещепинские и подобные им, разнообразной декоративной мишурой. Этот вторичный декор зависит от местных привычек и к истории собственно геральдического стиля прямого отношения не имеет.

3.3. Соотношение элементов.

Третья группа признаков – пространственное соотношение элементов декора – определяется прежде всего *композиционностью изделий*. Многие бляшки геральдического стиля имеют сложный контур, образуемый жёсткой состыковкой бляшек простых форм, в исходном (имитируемом) варианте сочетающихся на гибкой основе. Соответственно, кажущееся бесконечным многообразие составных геральдических форм нельзя систематизировать посредством их механического перебора, как это сделал, например, А.В. Богачёв в известной работе, выполненной на материалах Среднего Поволжья (Богачёв А.В., 1992, с.85-86, рис.10); нужно классифицировать не сами сложные формы, а способы их компоновки из простейших элементов (рис. 1 – В). Для «геральдики» стандартны и всеобщы два вида состыковки: продольная и лучевая.

Продольно чаще всего стыкуются спрямлённые основания: бляшки как бы «вертикально» противопоставляются. В этой разновидности обычны сочетания щитовидных и «рогатых» бляшек в трёх основных вариантах: а) две щитовидные (одного или разного размера, т.е. воспроизводится композиция «наконечник подвешенного ремешка + бляшка для его крепления к поясу»), причём одна из них иногда несёт изображение стоящего животного или всадника на коне, б) щитовидная и «рогатая» (рис. 1 – 11б), в) две «рогатые» (в последнем случае образуются характерные Х- и Ж-образные контуры, весьма различающиеся по степени гипертрофирования завитков). Другие варианты сочетаний редки.

Сходным образом знаменитые псевдопряжки имитируют внешний вид как собственно пряжек, так и пряжек в сочетании с наконечниками или (изредка и не повсеместно) с обоймами-тренчиками, также представляя собой проявление принципа композитности форм (пряжка подвешенного ремешка + бляшка-накладка на его креплении к поясному ремню). Частый элемент продольно-композиционных бляшек – имитация наконечника

с валиком (в ретроспективе это пластинчатая обойма с муфтообразным сгибом, характерный тип крепления ремня к рамке, широко распространившийся ещё в хуннскую эпоху; в «геральдике» воспроизводится, скорее всего, поздний восточноевропейский вариант, в котором функциональное расширение обоймы превратилось в декоративный поперечный валик наконечника).

Сюда же (по признаку композитности) следует отнести типовую жёсткую форму, состоящую из щитовидной (реже «рогатой») бляшки и Т-образной перекладины, окончания которой иногда сливаются с «оттянутыми» углами спрямлённого основания бляшки (рис. 1 – 11а). Происхождение Т-образной формы очевидно: эти бляшки воспроизводят гибкую композицию из традиционной для кочевников (с аржанского времени, если не глубже) застёжки-«костылька» с перехватом в середине, на который накинута ременная или матерчатая петелька, закрепляемая, в свою очередь, под прикрывающей основание петельки бляшкой. Возможно, эта жёсткая имитация составной композиции ассоциировалась и с колчанными крюками, иногда имеющими на конце перекладинку. Т-образные бляшки могли быть как чисто декоративны (и тогда порой окончания перекладинок сливались с уголками щитка), так и функциональны (на перекладинку можно, как на пуговицу, накинуть петельку). Позднее, в конце I тыс., на основе таких застёжек складывается (в сросткинской и синхронных ей культурах) специфический тип пряжек, состоящих из двух симметричных ажурных щитков, отливаемых один с металлической петелькой, другой – с входящим в эту петлю крючком; эта конструкция была популярна ещё в течение нескольких веков (см., например: Басандайка, табл.33 – 15, 16).*

По той же схеме стыкуются с другими элементами и щитки с дугообразно фацетированными краями, восходящие, надо полагать, к аналогичным по очертаниям рамкам пряжек (об их истории см.: Азбелев П.П., 2009, с.32); подобные «переклички» форм (щитки и рамки пряжек, щитки пряжек и наконечники поясов) – наследие традиции симметричных поясов эпохи древних кочевников (о симметричных и асимметричных поясах в контексте их общей типологии см.: Азбелев П.П., 2008а, с.286-287). Окончательного решения вопрос о происхождении бляшек и щитков с дугообразным фацетированием пока не имеет.

Лучевая состыковка обычно применялась с щитовидными бляшками; учитывая связку композитности с имитациями, здесь можно усматривать имитацию ременных тройников-распределителей; часть таких изделий соответствующим образом, надо полагать, и использовалась. Известны накладки, воспроизводящие круглые тройники с тремя наконечниками подсоединённых к центральному кольцу ремней, или без них. Трактовать ли подобным образом бляшки из четырёх выпуклых округлых элементов (я условно именую их «квадрифолическими», см. Гаврилова А.А., 1965, табл.ХІХ – 2), пока неясно.

Стык элементов в композитных изделиях часто как-либо оформлялся, иногда и акцентировался – то выемками, то, наоборот, дополнительным выпуклым элементом, поперечным или округлым (при продольном соединении), иногда треугольным (при лучевом соединении). Разнообразие проявлений принципа композитности и имитационности почти бесконечно, но сам этот принцип остаётся сквозным и неизменным.

* К слову, с находкой такой застёжки в погребении у дер. Ручейки близ Читы (Ковычев Е.В., 1985, с.54, рис.3 – 2, 3) связан забавный казус: ажурный декор простеньких щитков редуцирован до трёх отверстий, из-за которых публикатор усмотрел в составной застёжке две «личиноподобные подвески» (и потому неверно их ориентировал на рисунке, ср. правильную ориентацию на указанной таблице из «Басандайки»), – несмотря на то, что один щиток имеет Т-образный выступ, явно для мягкой петли, крепившейся к симметричному щитку через отверстие на выступе без перекладины. Эта застёжка так и вошла в литературу под видом пары «подвесок с личинами», т.е. в какой-то мере повторилась история с волютовым ажурным декором геральдических щитков – антропоморфизм фурнитуры находят там, где его нет, упуская возможность верно понять историю вещей.

Иногда лучевая и продольная состыковка сочетаются: в качестве одного из щитков выступает подтреугольная композиция, исходно, видимо, воспроизводящая округлый тройник-распределитель с бляшками пристёгнутых ремней; в качестве продольно пристыкованного щитка могут выступать пальметовидные элементы (явно ассоциирующиеся с бляшками в виде «рыбьего хвоста»), имитации наконечников с валиком (оба типа представлены в Кудыргэ: Гаврилова А.А., 1965, табл.Х – 17 и табл.ХVIII – 14, ср. табл.ХV – 8) и т.п.

Встречается и *поперечная* состыковка; это, кажется, южносибирское локальное явление; в раннем варианте она представлена материалами культуры таштыкских склепов, в позднем – Т-образными тройниками (Азбелев П.П., 2008в; 2009, с.37). Именно таштыкские поперечные состыковки позволяют наглядно проиллюстрировать данный типогенетический механизм (рис. 1 – 9, 10, стрелка 7 показывает имитацию подвижного сочетания цельнолитым изделием); приложение его к раннетюркской культуре (рис. 1 – стрелка 8) ярче всего запечатлел известный таштюбинский пояс (рис. 1 – 11), где сформировавшиеся геральдические типы размещены на ремне в ими же имитируемом сочетании, причём в тот же набор входят и округлые бляшки (рис. 1 – 11в).

4. Происхождение и распространение

Вышеописанная триада – 1) собственно «геральдические» бляшки, 2) характерный ажурный декор и другие вариации симметричных полуволют, 3) принцип композитности и имитационности – в той или иной мере проявлена во всех областях бытования «геральдического стиля», но её составляющие всюду воплощаются по-разному, в зависимости от местного культурного контекста и, вероятно, обстоятельств распространения триады. В разных культурах геральдические элементы играют различную роль: доминируют или «проходят фоном», воспроизводятся «в чистом виде» или смешиваются с местными формами, порождая порой столь жёсткие корреляции геральдических и негеральдических элементов, что их можно считать почти неотъемлемой частью набора основных форм стиля (таковы, например, В-образные рамки пряжек и имитации наконечников с поперечным валиком на конце); геральдическая традиция поглощает эти и другие формы, включает их в свой типогенетический «арсенал» и порождает многочисленные локальные варианты, отличающиеся этими вторичными типами.

Именно поэтому и не стоит говорить о едином геральдическом стиле как об осознававшемся в древности культурном феномене; речь можно вести лишь о распространении по локальным стилям декора базового набора геральдических признаков, в разных сочетаниях элементов, на разных типологических этапах и в разном предметном контексте (украшения как ременные – пояс, узда и сбруя, так и не-ременные – костюм, оружие) – а следовательно, всякий раз при особенных исторических обстоятельствах. Поэтому нельзя использовать наличие тех или иных геральдических изделий как непосредственно датирующий признак: сперва следует в каждом случае выяснять, как развивались элементы геральдической триады в этих местах, как они взаимодействовали с местными типами – и лишь потом определять конкретные узкие даты.

Происхождение геральдической триады должно выясняться поиском культур, в которых ещё в «догеральдические» времена (то есть до третьей четверти I тыс. н.э.) сосуществовали образующие триаду признаки, их явные прототипы и основные коррелирующие типы. Как уже сказано, ранние приострѐнные геральдические щитки найдены в разнокультурных памятниках Средней и Центральной Азии. Симметричные полуволюты в рамках – в позднесарматских и синхронных памятниках Юга России и Причерноморья, в меньшей степени на востоке. В целом очевидна постепенная инфильтрация традиции на восток, вплоть до Кореи; маркирующие этот процесс пряжки с удлинѐнными

ми овально-трапециевидными рамками (рис. 1 – 5; особенно показательны балыкты-юльские пряжки, наверняка западного производства) сплошь выгнуты из прутка, т.е. распространение происходило в первой половине I тыс. н.э. ещё до массового перехода к уплощённым вещам.

Южносибирские проявления традиции вписанных в рамку симметричных ажурных волют – бронзовые цельнолитые шпеньковые пряжки, в миниатюре имитирующие облик овально-трапециевидных рамок с язычками – минусинские таштыкские (рис. 1 – 6) и тувинские кокэльские; отдельные находки есть на Алтае. Важно, что эти миниатюрные (очень редко полновесные) изделия, во-первых, отмечают соединение одного из протогеральдических типов с традициями имитаций и моделирований наременных украшений, а во-вторых, связаны, как и вся культура таштыкских склепов (V-VII/VIII вв.), с ранне- (или пред-) тюркской культурной средой. Примечательно, что овально-трапециевидная рамчатая пряжка (без волют, вместо которых на язычке имеется расширение) найдена в том же Орлатском могильнике, что и костяные «протогеральдические» пластины (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 125, Рис. 54 – вверху посередине); это подчёркивает культурную близость «прото-геральдических» типов и укрепляет вероятность их исходного сосуществования именно в этом регионе.

Наиболее развитая традиция «монолитизирующего» моделирования составных композиций известна в таштыкских материалах (продольная и поперечная состыковка) и в меньшей степени – в других саяно-алтайских культурах пред- и раннетюркского времени (продольная и лучевая состыковка). Местных корней эта традиция здесь не имеет; южносибирские культуры лишь усвоили типы, принесённые с юга, – насколько можно судить, на алтайском этапе развития раннетюркских племён, в последней трети V в., и сохранили их как минимум до второй трети VII в. (Азбелев П.П., 2008в). Коррелирующие типы – пряжки с В-образными рамками – представлены в Минусинской котловине как находками, так и рисунками на камнях (Панкова С.В., 2002, рис.1; Азбелев П.П., 2008б, с.462-464 и рис.1); встречаются и щитки с дугообразно фацетированными продольными сторонами (рис. 1 – 6). Дальневосточные рамки с волютами (корейские и японские) представляют иную ветвь развития этой традиции, отделившуюся до «геральдического» времени и развивавшуюся независимо (см. обо всём этом подробно: Азбелев П.П., 2009).

Поэтому, несмотря на отсутствие прямых вещественных свидетельств, по совокупности данных можно с высокой долей уверенности считать, что «геральдическая триада» сложилась в среднеазиатских или восточнотуркестанских степях предтюркской поры, скорее всего, в полиэтничной и мультикультурной среде с доминированием кочевнических традиций, и уже отсюда распространялась по всей Евразии.

По имеющимся датам, появление геральдических типов в Восточной Европе относится не ранее чем к середине – третьей четверти VI в., то есть примерно совпадает по времени с экспансией тюрков Первого каганата – наследников всё той же этнокультурной среды, ранее «выплеснувшей» на Енисей первых кыргызов. Имитационность может косвенно указывать на принадлежность исходных носителей триады к числу «младших», второстепенных племён какого-либо кочевнического союза, воспроизводивших элементы престижного предметного комплекса гегемонов, носителей традиций-прототипов, по крайней мере частично западного (по отношению к Центральной Азии и Восточному Туркестану) происхождения (Азбелев П.П., 2010б, с.29, прим.30). География находок наиболее характерных, часто встречающихся (т.е. с высокой долей вероятности – ранних) версий геральдических типов показывает, что первичное распространение сложившейся триады шло, по-видимому, с востока на запад. О том же говорят и сибирские элементы, рудиментарно проявляющиеся в европейской «геральдике» (Азбелев П.П., 1993).

Вместе с тем есть и западный вклад в типогенез ранней «геральдики». Естественно предполагать, что чем шире распространён тот или иной коррелирующий с триадой при-

знак, тем скорее он окажется одного с ней происхождения. Таковы упоминавшиеся имитации восточноевропейских наконечников с поперечными валиками на конце, таковы и В-образные пряжки, заставляющие иметь в виду возможность участия каких-то восточноевропейских групп (или групп с восточноевропейскими корнями) в «геральдическом» типогенезе на самых ранних его этапах. Так в истории геральдических вещей запечатлелся «маятник миграций» по Великой степи; письменные источники отражают его лишь наполовину: западная историография знала только миграции с востока, а о переселениях в обратном направлении – в Центральную Азию и Южную Сибирь – написать было некому, и эти события отражены лишь в археологических памятниках.

Дополнительный хронологический ориентир можно получить, учитывая положение геральдических бляшек на ремне: если орлатские прототипы ориентировались на ремне (судя по гравировкам) «остриём» вниз, то собственно геральдические бляшки в проверяемых (опять же по изображениям – чаще всего стоящих животных) случаях ориентированы «остриём» вверх. Пояс сабао Аньцзя (570-е гг.) тоже включал геральдические бляшки (рис. 1 – 2), но их ориентация определяется уже по смещённым вниз щелевым прорезам, каких на геральдических вещах обычно не встретишь – этот пазырыкский по происхождению элемент обрёл новую жизнь в культурах катандинского этапа, ассоциирующихся с эпохой уже не Первого, а Второго каганата и телеских ханств.* Поэтому (и с учётом восточноевропейских дат) небезосновательно считать, что к середине – второй половине VI в. геральдические типы уже оформились и далее развивались независимо от традиции бляшек со щелевой прорезью. В пользу «раннетюркской» версии говорит и присутствие в геральдических наборах (или в одних с ними комплексах) округлых бляшек (рис. 1 – 11): поясные наборы ашина были, насколько можно судить сегодня, «круглобляшечными», а в реконструируемой по косвенным данным культуре этого племени тоже присутствовал сильный западный субстрат.

Итак, по всей видимости, к моменту создания Первого тюркского каганата геральдическая триада уже окончательно оформилась как своеобразный культурный феномен, непосредственно предшествующий сквозным типам и традиционным комплексам древнетюркской эпохи. Если и использовать «геральдику» для прямого датирования, то лишь понимая промежуток «середина – вторая половина VI в.» как протяжённый *terminus post quem* – что не исключает появления отдельных геральдических элементов на местах и в более раннее время. Вместе с тюркской экспансией «геральдика» разнеслась по континенту, и была воспринята многими народами (преимущественно к западу от Центральной

* Недавно было высказано мнение, по которому катандинские пояса имеют китайское происхождение, а китайцы, в свою очередь, «заимствовали этот традиционный кочевнический атрибут как раз в эпоху после крушения Хань, когда влияние кочевников на Китай было весьма ощутимым. В Китае этот тип пояса усовершенствовали и придали ему тот вид, который переняли тюрки» (Торгоев А.И., 2011, с.444). Но в китайских памятниках до-тюркского времени таких поясов нет вовсе, а в хуннскую/ханьскую эпоху в силе были хунны с их совсем иными поясами, тогда как носители «прото-катандинских» типов – племена, оставившие пазырыкскую, саглынскую и др. культуры (судя по всему, именуемые в китайских источниках динлинами) – как раз из-за хунну были в упадке и вряд ли могли как-то повлиять на китайскую культуру. В послеханьское время наследники хунну – сяньби – «пост-пазырыкскими» / «прото-катандинскими» поясами, насколько можно судить, не пользовались и принести их в Китай не могли. Зато потомки динлинов, телеские племена, после VI-VII вв., когда тюрки «их силами геройствовали в пустынях севера», включились в новый этап степного политогенеза, и с середины VII в. именно их традиции составили специфику культур телеских ханств и Второго каганата, повлияв в этом качестве на Китай, что и породило многочисленные китайские имитации катандинских поясов, в том числе и нефритовые. Преемственность кочевых культур устанавливается по разным типам вещей и по погребальному обряду, и нет нужды искать здесь какое-то китайское посредство (подробнее см.: Азбелев П.П., 2010а; 2010в, с.33-37). Китайское влияние могло проявиться лишь в деталях вторичного декора, «надетого» на исконно кочевнические морфологические основы, но не более того.

Азии), развивавшими её далее каждый по-своему, в зависимости от местного типологического контекста. Там, где изучена технология изготовления вещей, выясняется, что на «геральдику» распространяется целый «комплекс ювелирных приёмов», характерный для изготовления типично местных престижных изделий (на боспорском примере: Шаблавина Е.А., 2007, с.18).

Вряд ли до появления свода геральдических находок можно подробно восстановить соответствующие типогенетические процессы и стоящие за ними исторические события; но ясно, что ремесленники многих осёдлых и кочевых народов по достоинству оценили эстетический потенциал, заложенный в исходном наборе форм, декоративных элементов и композиционных принципов геральдической триады. С одной стороны, триада оставляла мастеру свободу для творческого самовыражения при воспроизведении чужих типов, а с другой – чётко структурировала образуемые при этом вторичные композиции и формы, что и породило изящный, узнаваемый и бесконечно разнообразный в своих независимых локальных проявлениях «распределённый феномен» геральдического стиля.

Сказанное позволяет наметить и основные этапы в развитии геральдического стиля, исходя из выявляемой с помощью триадного определения логики развития.

«Нулевой» этап – время сложения стиля, о чём сказано в этом подразделе выше.

Первый этап распространения сложившегося стиля – время Первого тюркского каганата, в престижной субкультуре которого геральдические наборы, как можно думать, занимали вторую позицию после «круглобляшечных» поясов ранних ашина. Для этого этапа характерны сравнительно несложные композитные формы, ещё мало искажённые (или мало развитые, если угодно) местными наслоениями. Находок этого периода очень мало; нужно признать, что здесь, как и вообще с кочевой культурой эпохи Первого каганата, мы имеем дело больше с реконструкцией, основанной на «отражениях» культуры народа-завоевателя в периферийных памятниках, тогда как погребения самих завоевателей неизвестны.

Второй этап – время переосмысления этих форм, обогащения их местными элементами и совмещением в новообразующихся типах с чертами катандинской традиции, маркируемой прежде всего таким элементом поясных блях, как смещённая вниз щелевая прорезь для подвесных ремешков. Это совмещение началось ещё на предыдущем этапе (пояс Аньцзя 570-х гг.), но тогда оно трансформировало прежде всего катандинскую традицию, принадлежащую второстепенным ордам Первого каганата. В VII в., когда эти племена обрели самостоятельность после развала тюркской державы, катандинские элементы уже доминируют над геральдическими. К этому времени относится и появление такого специфического типа, как шарнирные псевдопряжки.* Важно, что большинство вещей этого этапа принадлежит не кочевым, а осёдлым культурам, то есть геральдиче-

* А.К. Амброс считал, что шарнирные псевдопряжки типологически старше цельных (1973: 294-295). Однако важная аргументирующая аналогия А.К. Амброза – дальневосточные пояса с повесными рамками на шарнирах (Амброс А.К., 1981, с.17) – как показывает история мотива парных волют, развивались изолированно (Азбелев П.П., 2009, с.36), а значит, не могли повлиять на общестепные типы. При этом конкретные экземпляры могут состоять в любом хронологическом соотношении, так как ранние типы воспроизводились и после образования новых вариантов, тем более если речь идёт о находках из разных мест. Нельзя переносить логику развития одного мотильника или историю одной мастерской на целый континент – а именно так, в сущности, и поступил А.К. Амброс в случае с псевдопряжками, подменив вдобавок историю морфологической основы эволюцией декора, наслоившегося на неё в одном из регионов распространения. Он был убеждён, что явная нефункциональность кудыргинских псевдопряжек делает их типологически поздними по сравнению с перещепинскими – но логика развития, выявляемая триадным определением, свидетельствует об обратном: сперва формируется цельный имитирующий тип, и только потом он функционализируется добавлением шарнира, известного в кочевнической культуре издавна и потому не работающего датирующим обстоятельством.

ский стиль меняет (или как минимум расширяет) «среду обитания», попадая к людям с иным, нежели у кочевников, отношением к наременным гарнитурам.

Третий этап – остаточное бытование геральдических элементов, всюду, где они сохранились, воспринимавшихся уже как собственные традиционные и в этом качестве участвовавших в совершенно иных типогенетических процессах (в связи с которыми их и нужно рассматривать).

5. Южносибирские находки

Выяснив общую картину, можно для примера применить её к сибирским находкам, оценивая их уже не общо (как часть нерасчленённого геральдического массива), а дифференцированно, с учётом этапности развития стиля. Не имея здесь места для исчерпывающего обзора, возьму лишь несколько наиболее известных и ярких групп вещей.

«Прото-геральдические» типы представлены в Сибири прежде всего периферийной культурой таштыкских склепов и родственными памятниками Алтая и Тувы (об этом см.: Азбелев 1993); эти вещи принадлежали «диаспоре» центральноазиатских племён предтюркского времени, расселение которых связывают с «этногеографическими» сведениями древнетюркских генеалогических преданий. Собственно геральдические типы представлены в Сибири ярче всего первыми этапами развития стиля.

Среди геральдических сибирских вещей в особом положении оказываются кудыргинские находки (Руденко С., Глухов А., 1927; Гаврилова А.А., 1965: 38-43): это не поясные, как обычно, а уздечные геральдические украшения (в других регионах сравнительно редкие), т.е. налицо частное отклонение от общего стандарта. Все они представляют вполне сформировавшийся стиль, не только далёкий от местных «протогеральдических» типов, но и напрямую с ними не связанный. Смещение кудыргинской «геральдики» на узду коррелирует с переходом на конскую упряжь и других элементов поясного декора (Азбелев П.П., 2010б). В Кудыргэ есть типологически поздние элементы – пальметки, подтреугольные композиции из круглых бляшечек; рамчатая бляшка с Т-образной «ножкой» – и вовсе едва ли не уникальна. Всё это признаки чужеродности «геральдики» для кудыргинцев и о её принадлежности ко второму этапу из выделенных выше, а чёткая типологическая разделённость поясных и уздечных украшений заставляет отнести алтайские находки к сравнительно ранним (в рамках второго этапа).

Осинкинские геральдические находки (Савинов Д.Г., 2000) имели отношение к поясу, а не к узде. Эта разница имеет принципиальное значение и позволяет заключить, что прямой связи между кудыргинскими и осинкинскими находками не было: всё это вещи близкого времени, но на Алтай они попали, по-видимому, разными путями и при разных обстоятельствах: могильник Кудыргэ (как и, может быть, Жана-Аул, – Кочев В.А., Худяков Ю.С., 2000) оставлен, всего вероятнее, ордой Чеби-хана после 630 года (Азбелев П.П., 2000), а Осинки, как и отметил Д.Г. Савинов в публикации памятника – тюркизирующимся местным населением ещё во времена Первого или Восточного каганатов – это та же волна влияний первого этапа, которая принесла геральдический пласт в рёлкинскую культуру.

На Среднем Енисее находки геральдических вещей – большая редкость; экземпляры из Минусинского музея (Савинов Д.Г., 2008, с.189, рис.1 – 2) представляют тип шарнирных псевдопряжек, положение которых в общем эволюционном ряду «геральдики» указывает на принадлежность этих находок в целом ко второму этапу. Как уже сказано, типологически шарнирные псевдопряжки позже цельных (в том числе кудыргинских, известных лишь по рисункам), и нужно допустить, что кроме двух указанных выше эпизодов проникновения «геральдики» в Южную Сибирь был и третий, относящийся ко времени становления государства енисейских кыргызов – второй половине VII – началу

VIII вв.; подробно восстановить исторический контекст пока затруднительно, можно лишь заметить, что «профилёвка» минусинских находок сближает их с восточноевропейскими, а какие историко-культурные коллизии стоят за этих сходством – покажут, хочется верить, новые поиски.

Заключение

В заключение можно было бы подчеркнуть, что изучая сложные типогенетические процессы, следует прежде всего корректно систематизировать материал, чётко понимая, идёт ли речь о морфологических основах, об их оформлении или же о наслоившемся поверх него декоре, часто стороннем и с совершенно иной историей. Учёт этих различий позволяет даже на неполных выборках понять ряд закономерностей в развитии древней фурнитуры и внести чуть больше ясности в картину сложных процессов культурного развития. Но, конечно, это не снимает потребности в своде евразийской «геральдики». Такие работы велись в прошлом, но фундаментальная серия «Археология СССР / Археология», сама по себе замечательная, вытеснила, как известно, Свод археологических источников из числа приоритетных направлений издательской деятельности академических структур. Ныне речь идёт уже не столько об издании материалов законных раскопок, сколько о посильном учёте вещей, замеченных на торговых площадках или сфотографированных у грабителей – и среди этих «случайных находок» обнаруживается огромное число памятников геральдического стиля, вырванных из комплексов и обречённых кануть в бездне чёрного рынка древностей.

Поэтому мне хотелось бы завершить эти заметки – не по логике исследования, а по долгу археолога – напоминанием о незащитности культурного наследия: сегодня памятники, как никогда прежде, подвергаются массовому коммерческому разграблению, а то и просто уничтожаются игнорирующими закон застройщиками. Часто не хватает совсем несложных шагов для того, чтобы изменить современную судьбу древностей к лучшему. Например, если из-за массовости распространения геофизической аппаратуры, доступность которой провоцирует появление всё новых расхитителей, нельзя вовсе пресечь продажу, скажем, металлодетекторов, то уже простое приравнивание их к числу спецсредств, подлежащих государственному учёту, создало бы дополнительные бюрократические предпосылки к укрощению грабителей. Полагаю, добиваться совершения этого и подобных шагов – наша общая обязанность.

Библиографический список

1. Азбелев, П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля / П.П. Азбелев // Петербургский археологический вестник. – СПб, 1993. – Вып. 3. – С. 89-93.
2. Азбелев, П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае / П.П. Азбелев // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. ТД Всеросс. науч. конф. (Омск: 19-20 октября 2000 г.). – Омск, 2000. – С. 4-6.
3. Азбелев, П.П. К систематике поясных наборов древнетюркской эпохи / П.П. Азбелев // Жилище и одежда как феномен этнической культуры. Материалы Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб, 2008а. – С. 285-290.
4. Азбелев, П.П. Первые кыргызы на Енисее / П.П. Азбелев // Вестник СПбГУ. Серия 12. – 2008б. – Вып. 4. – С. 461-469.
5. Азбелев, П.П. Таштыкские крестовидные распределители ремней / П.П. Азбелев // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. – СПб, 2008в. – С. 122-127.

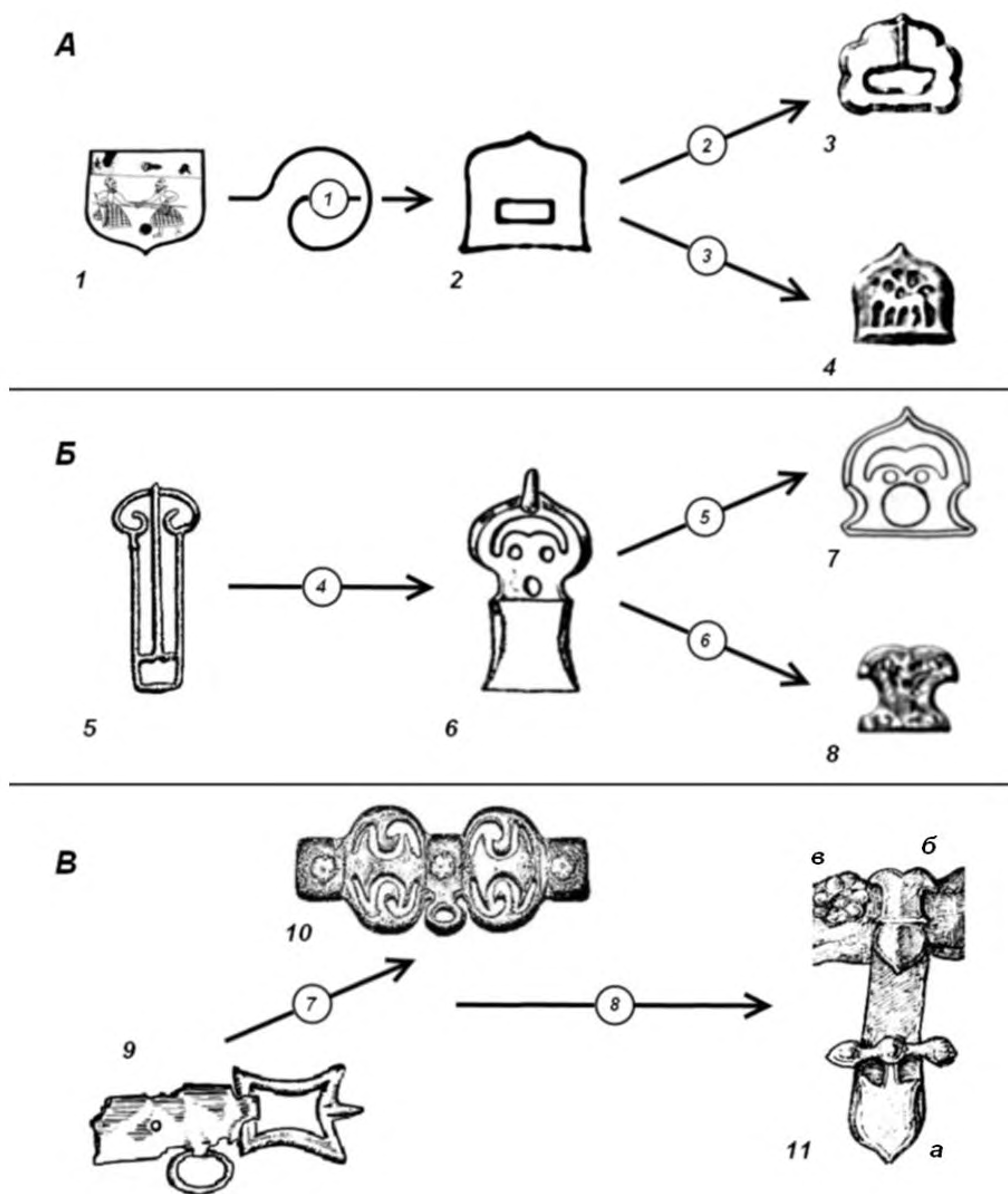

Рис.1. Геральдическая триада: А – происхождение геральдических щитков; Б – генезис ажурного декора и бляшек «в виде рыбьего хвоста» («рогатых»); В – цельные имитации составных композиций. 1 – Орлатский могильник (по Г.А. Пугаченковой); 2 – могила сабао Аньцзя (по Anjia tomb of Northern Zhou at Xi'an); 3 – Над Поляной (по А.А. Гавриловой); 4 – Кудыргэ (по А.А. Гавриловой); 5 – «мароманнская» пряжка (по М.Б. Щукину); 6 – Тепсей (по М.П. Грязнову); 7 – Арцыбашево (по А.К. Амброзу); 8 – Кудыргэ (по А.А. Гавриловой); 9 – Усть-Тесь (по Э.Б. Вадецкой); 10 – Минусинский музей, №А8468 (рис. автора по фото; благодарю Н.В. Леонтьева за уточнения); 11 – Таш-Тюбе (по В.А. Могильникову).

6. Азбелев, П.П. Таштыкский пояс / П.П. Азбелев // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2009. – №1-2 (13-14). – С. 29-49.
7. Азбелев, П.П. Пояс эпохи Первого каганата / П.П. Азбелев // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, 2010а. – Вып. 4. – С. 300-303.
8. Азбелев, П.П. К истории седельного декора / П.П. Азбелев // Древности Сибири и Центральной Азии. №3 (15). – Горно-Алтайск, 2010б. – С. 75-91.
9. Азбелев, П.П. Кудыргинский сюжет / П.П. Азбелев – СПб, 2010в. – 60 с.
10. Амброз, А.К. Рец. на кн.: Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino., А.К. Амброз // СА. – 1973. – №2. – С. 288-298.
11. Амброз, А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. / А.К. Амброз // Средневековые древности евразийских степей. – М., 1980. – С. 3-56.
12. Амброз, А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. / А.К. Амброз // Степи Евразии в эпоху Средневековья (Археология СССР). – М., 1981. – С. 10-23.
13. Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск, 1947 (на обложке – 1948). – 308 с.
14. Богачёв, А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья) / А.В. Богачёв – Самара, 1992. – 208 с.
15. Варёнов, А.В. Костяные и роговые изделия из могильника Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанской впадине в Восточном Туркестане / А.В. Варёнов, И.А. Бауло, П.И. Шульга // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Т. XV. – Новосибирск, 2009. – С. 240-245.
16. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. / А.А. Гаврилова. – М.-Л., 1965. – 145 с.
17. Голдина, Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р.Д. Голдина – Иркутск, 1985. – 280 с.
18. Ковалевская, В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы / В.Б. Ковалевская // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970. – С. 144-155.
19. Ковычев, Е.В. Средневековое погребение с трупосожжением из Восточного Забайкалья и его этнокультурная интерпретация / Е.В. Ковычев // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985. – С. 50-59.
20. Кочеев, В.А. Реконструкция узды из древнетюркского погребения у с. Жана-Аул в Горном Алтае / В.А. Кочеев, Ю.С. Худяков // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 117-127.
21. Маршак, Б.И. Искусство Согда / Б.И. Маршак. – СПб, 2009. – 64 с. (In brevis)
22. Мацулевич, Л.А. Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжки / Л.А. Мацулевич // Seminarium Kondakovianum. I. – Прага, 1927. – С. 127-140.
23. Ольховский, В.С. Скифская триада / В.С. Ольховский // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России. – М., 1997. – №1. – С. 85-96.
24. Панкова, С.В. К интерпретации загадочных фигур из Хакасии / С.В. Панкова // История и культура Востока Азии. Том 2. Материалы международной научной конференции. – Новосибирск, 2002. – С. 135-140.
25. Пугаченкова, Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции / Г.А. Пугаченкова – Ташкент, 1989. – 204 с.

26. Руденко, С. Могильник Кудыргэ на Алтае / С.И. Руденко, А.Н. Глухов // Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Т. III. – Вып. 2. – С. 37-52.
27. Савинов, Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху / Д.Г. Савинов – Л., 1984. – 174 с.
28. Савинов, Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) / Д.Г. Савинов // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 170-177.
29. Савинов, Д.Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) / Д.Г. Савинов // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск, 2008. – С. 185-190.
30. Торгоев, А.И. О происхождении и времени распространения поясов катандинского типа / А.И. Торгоев // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 432-446.
31. Шаблавина, Е.А. Техника изготовления художественных металлических изделий раннесредневекового Боспора: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.А. Шаблавина. – СПб, 2007. – 25 с.

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Суразакова И.В.

(г. Горно-Алтайск, Россия)

ВЕЩИ ДЛЯ УХОДА ЗА ВНЕШНИМ ВИДОМ ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Научный руководитель – к.и.н. С.В. Трифанова

Исследованные археологические памятники тюркской культуры Горного Алтая позволяют нам представить комплекс предметов, которые использовало население того периода для ухода за своим внешним видом. К вещам для ухода за внешним видом нами отнесены: зеркала, гребни, игольники, кочедыки и поясные сумочки.

Зеркала – одно из широко распространенных за пределами Поднебесной империи предметов китайского импорта (Лубо-Лесниченко Е. И., 1975). Китайские зеркала или их копии в значительном количестве фиксируются в памятниках скифо-сакского, гунно-сарматского и тюркского времени (рис. 1 – 1-2).

По погребальным памятникам Алтая известны металлические зеркала, датируемые второй половиной I тыс. – началом II тыс. Они были обнаружены в памятниках Юстыд XIV, курган 2; Ак-Кобы III, курган 2 (Кубарев Г.В., 2005, с. 74); Каменный лог (Соёнов В.И. Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яржанкина С.И., 2002, с. 117-124); Узунтал VIII, курган 1; Узунтал VI, курган 1 (Савинов Д.Г., 1982, с. 102-122); Курота II, курган 46 (Суразаков А.С., 1990, с. 56-96); Курай III, курган 2 (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 75-117); Катанда II, курган 5 (Гаврилова А.А., 1965); Бертек 34 (Савинов Д.Г., 1994, с. 118). Всего было обнаружено 9 экземпляров зеркал (Серегин Н.Н., 2007, с. 119). Зеркала входят в мужской и женский погребальный инвентарь.

Металлические зеркала представляют собой бронзовые диски, как украшенные орнаментом, так и без орнамента. Размеры зеркал варьируют от 7 до 20-30 см в диаметре. В раннесредневековых памятниках находят как целые зеркала, так и их фрагменты. Фрагменты зеркал обычно сильно заполированы, что говорит об их интенсивном использовании. Видимо, зеркала имели большую ценность (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, с. 22).

Чаще всего зеркала находят в области пояса погребенных. Также зеркала встречаются в области головы, на груди, под кистью правой руки или в области колен погребенных. Возможно, они носились в качестве подвесного амулета на кожаном ремешке, наде-

* Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011) госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации.

того на запястье руки. В отдельных случаях зеркало могли положить в районе головы, чтобы умерший мог «смотреться» в него (Худяков Ю.С., 2001, с. 97-98; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, с. 114-115).

Зеркала выполняли как утилитарные, так и сакральные функции. Сама их диско-видная, округлая форма связана с солярной символикой (Савинов Д.Г., 1993, с. 15). Способность отражать полированной лицевой стороной солнечный свет обусловила приписывание зеркалам магических свойств. Этим объясняется использование в течение длительного времени фрагментов зеркал со специально проделанными отверстиями для подвешивания в качестве амулета. В защите от потусторонних сил нуждались все половозрастные группы, поэтому во многих курганах Горного Алтая они встречаются не только в женских, но и в мужских и детских захоронениях (Кубарев В.Д., 1987, с. 90).

Также для ухода за своим внешним видом применялись гребни. Гребень – это продолговатая пластинка с рядом зубьев по одной или обеим сторонам для расчесывания волос, скрепления женской причёски (Ефремова Т.Ф. [Электронный ресурс]).

Гребни являются достаточно редкими находками в раннесредневековых памятниках Алтая. Они были найдены на памятниках Ак-Кобы III, курган 2; Юстыд XIV, курган 2; Уландрык I, курган 10; Балык-Соок I, курган 34 (Кубарев Г.В., 2005, с. 78).

Гребни встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Одновременно использовались роговые и деревянные гребни, о чем свидетельствует их нахождение в одном погребении кургана 10 могильника Уландрык I (Кубарев Г.В., 2005, с. 78) (рис. 2).

Гребни делятся на две группы: 1) узкие, вытянутые по вертикали; 2) широкие, вытянутые по горизонтали (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 64). Обычно они изготавливались из дерева и кости. Форма изделия зависела от материала и отвечала требованиям прочности (Кубарев Г.В., 2005, с. 78). Деревянные гребни, удлиненные по горизонтали, как правило, имеют небольшие размеры (длина не превышает 5-6 см, а ширина 4-5 см). Гребень из памятника Уландрык I, курган 10 довольно больших размеров 13,5x7 см (Кубарев Г.В., 2005, с. 78).

Роговые гребни, удлиненные по вертикали, с небольшим количеством зубцов. Один из них имеет сужающееся навершие и десять зубцов. Размеры костяных гребней колеблются в пределах: ширина – 3-5 см, длина – 10-12 см. Некоторые гребни украшены геральдической символикой (Кубарев Г.В., 2005, с. 78).

Гребни выполняли не только утилитарную функцию, а так же выступали в качестве амулетов, что подтверждается не только их особым оформлением, но и частым наличием отверстий для шумящих привесок (Крыласова Н.Б. [Электронный ресурс]).

Игольник – это женский предмет утвари для хранения игл. Хранению иглы придаётся особое значение, так как этот небольшой предмет является одним из самых необходимых инструментов для создания тёплой и прочной одежды (Сайнакова А.Б. [Электронный ресурс]).

Игольники на территории Горного Алтая были обнаружены в двух женских погребениях тюркского времени: Балык-Соок I, курган 34; Юстыд XIV, курган 2. Два костяных игольника представляли собой небольшие полые трубочки. Первый игольник: длина – 10,2 см, диаметр – 0,9 см. Второй игольник: длина – 9,3 см, диаметр – 1,8 см. То, что это именно игольники, доказывает находившаяся в одном из них железная игла длиной 6,9 см и диаметром 0,6 см (Кубарев Г.В., 2005, с. 76) (рис. 3 – 1-2).

Помимо утилитарной функции, игла имеет и сакральное значение. Игла являлась символом женского начала, поэтому к ней относились бережно. Игла подчёркивает сакральность женского мира по отношению к мужскому, в ней запечатлён женский «дух» (Головнёв А.В., 1995, с. 282-283).

Кочедык – крючок для развязывания узлов. Два роговых кочедыка обнаружены в раннесредневековых мужских погребениях: Балык-Соок I, курган 34; Юстыд XIV, курган 2.

Одни кочедык полной сохранности: при длине 16 см он имеет треугольное навершие, которое с обеих сторон украшено орнаментом и снабжено сквозными отверстиями для подвешивания к поясу (Кубарев Г.В., 2005, с. 76), а второй кочедык длиной 8,4 см, и в диаметре 2,1 см (Кубарев Г.В., 2005, с. 77) (рис. 4 – 1,2,3,4).

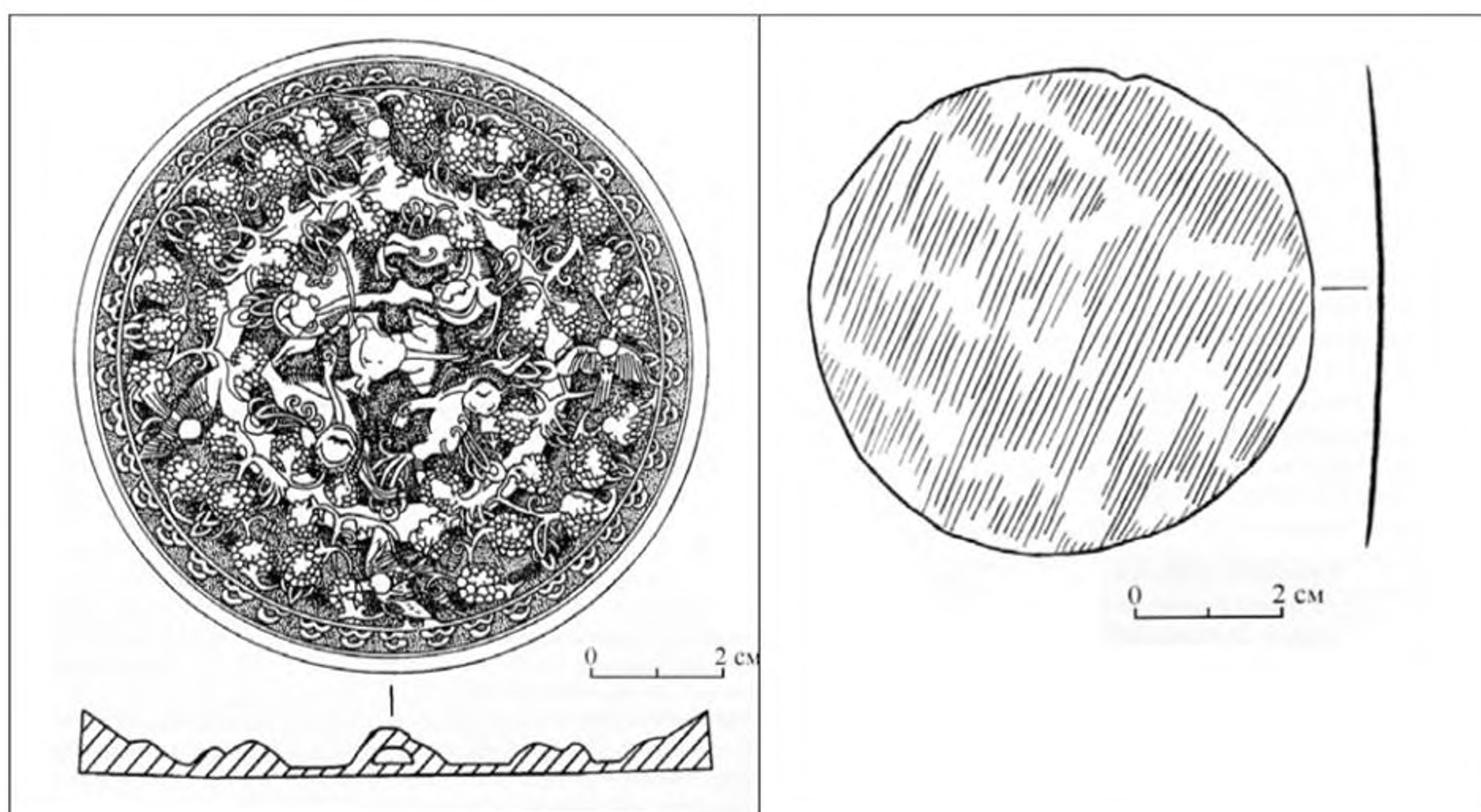
Для хранения и ношения вещей для ухода за внешним видом использовались поясные сумочки. Такие сумочки были найдены в древнетюркских погребениях Алтая – Курай IV, курган 1; Туяхта, курган 3, 4; Юстыд XIV, курган 13 (Кубарев Г.В., 2005, с. 58) (рис 5). В силу плохой сохранности находки таких сумочек довольно редки. В сумочке из ранне-средневекового погребения могильника Монгун-Тайга XXVI в Туве обнаружены зеркало, гребень, стрела и платок (Грач А.Д., 1960, с. 22-25). Изображения сумочек, подвешенных к поясам, отмечено на каменных изваяниях Южной Сибири (Евтюхова Л.А., 1952, с. 109; Кубарев В.Д., 1984, с. 43-44). Во всех случаях они показаны с правой стороны. Вообще традиция иметь при себе сумочку, мешочек на поясе была сохранена алтайскими охотниками. Алтайское название этих сумочек – капторга (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 38).

Население Горного Алтая в раннем средневековье обладало определенным набором вещей, который предназначался для ухода за собой. К этому комплексу относятся зеркала, гребни, игольники и кочедыки. Эти вещи, как и другие предметы личного пользования, всегда носили при себе в поясной сумочке.

Библиографический список

1. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён / А.А. Гаврилова. – М.-Л., 1965. – 145 с.
2. Головнёв, А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А.В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 607 с.
3. Грач, А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге / А.Д. Грач // ТТКАЭЭ. – М.-Л.: Наука, 1960. – Т.1. – С. 73-150.
4. Евтюхова, Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии / Л.А. Евтюхова. – МИА. – М.: АН СССР, 1952. – №24. – Т.1. – С. 72-120.
5. Евтюхова, Л.А. Отчёт о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. / Л.А. Евтюхова, С.В. Киселев // Труды ГИМ. – 1941. – Вып. XVI. – С. 75-117.
6. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – [Электронный ресурс]. – (<http://www.ubrus.org/dictionary-units/?id=59025>).
7. Крыласова, Н.Б. Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова. – [Электронный ресурс]. – (<http://www.northarch.ru/downloads/KrilasovaNB>).
8. Кубарев, В.Д. Курганы Уландрыка / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
9. Кубарев, Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников) / Г.В. Кубарев. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.
10. Лубо-Лесниченко, Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири / Е.И. Лубо-Лесниченко. – М.: Наука (ГРВЛ), 1975. – 170 с. – 109 илл.
11. Лубо-Лесниченко, Е.И. Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время (II-XVI вв.) / Е.И. Лубо-Лесниченко // Страны и народы Востока.– М.: 1969. – Вып. VIII. – С. 70-78.
12. Овчинникова, Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках / Б.Б. Овчинникова. – Свердловск, 1990. – 223 с.
13. Савинов, Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) / Д.Г. Савинов // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 102-122.

14. Савинов, Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал / Д.Г. Савинов // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 4-18.
15. Сайнакова, А.Б. Традиционный игольник – вместилище иголки / Сайнакова А.Б. [Электронный ресурс]. – (<http://www.6hm.eduhmas.ru/info/3/7379/87268>).
16. Серегин, Н.Н. Металлические зеркала в погребениях раннесредневековых кочевников северо-западных районов центральной Азии / Н.Н. Серегин // Изучение историко-культурного наследия Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2007. – Вып. 5. – С. 115-121.
17. Соёнов, В.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном логу / В.И. Соёнов, С.В. Трифанова, Т.А. Вдовина, С.И. Яжанкина // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – № 9. – С. 117-124.
18. Суразаков, А. С. Раскопки памятников Курата II и Кор-Кобы I / А.С. Суразаков // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 56-96.
19. Тишкин, А.А. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая / А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин. – Барнаул, 2011. – 141 с.
20. Худяков, Ю.С. Бронзовые зеркала из курганов пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в Горном Алтае / Ю.С. Худяков // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – №7. – С. 94-102.

1

2

Рис. 1. Зеркала тюркского времени.
1 – Юстыд XIV, курган 2; 2 – Ак-Кобы III, курган 2.

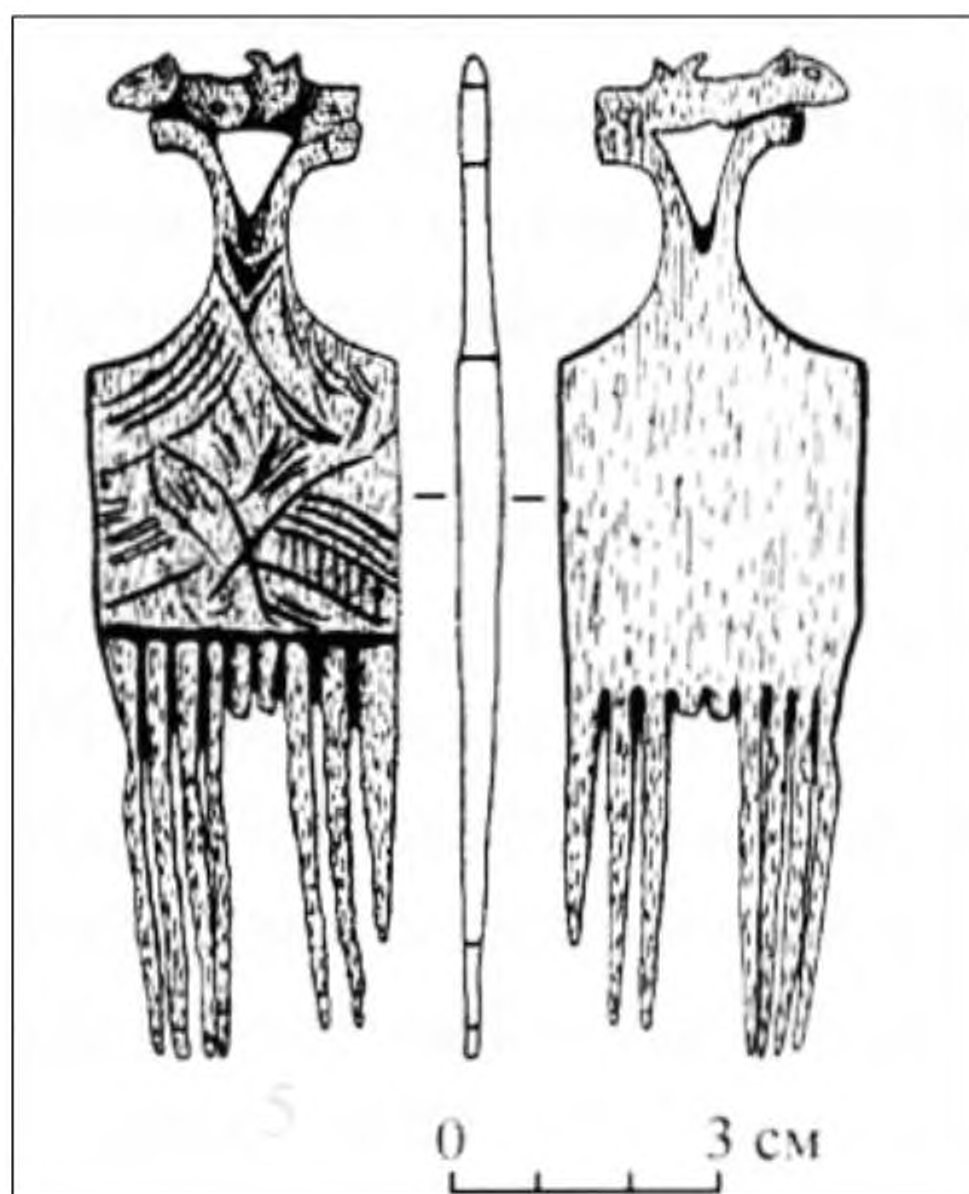

Рис. 2. Роговой гребень. Балык – Соок I, к. 34
(по: Кубарев Г.В., 2005).

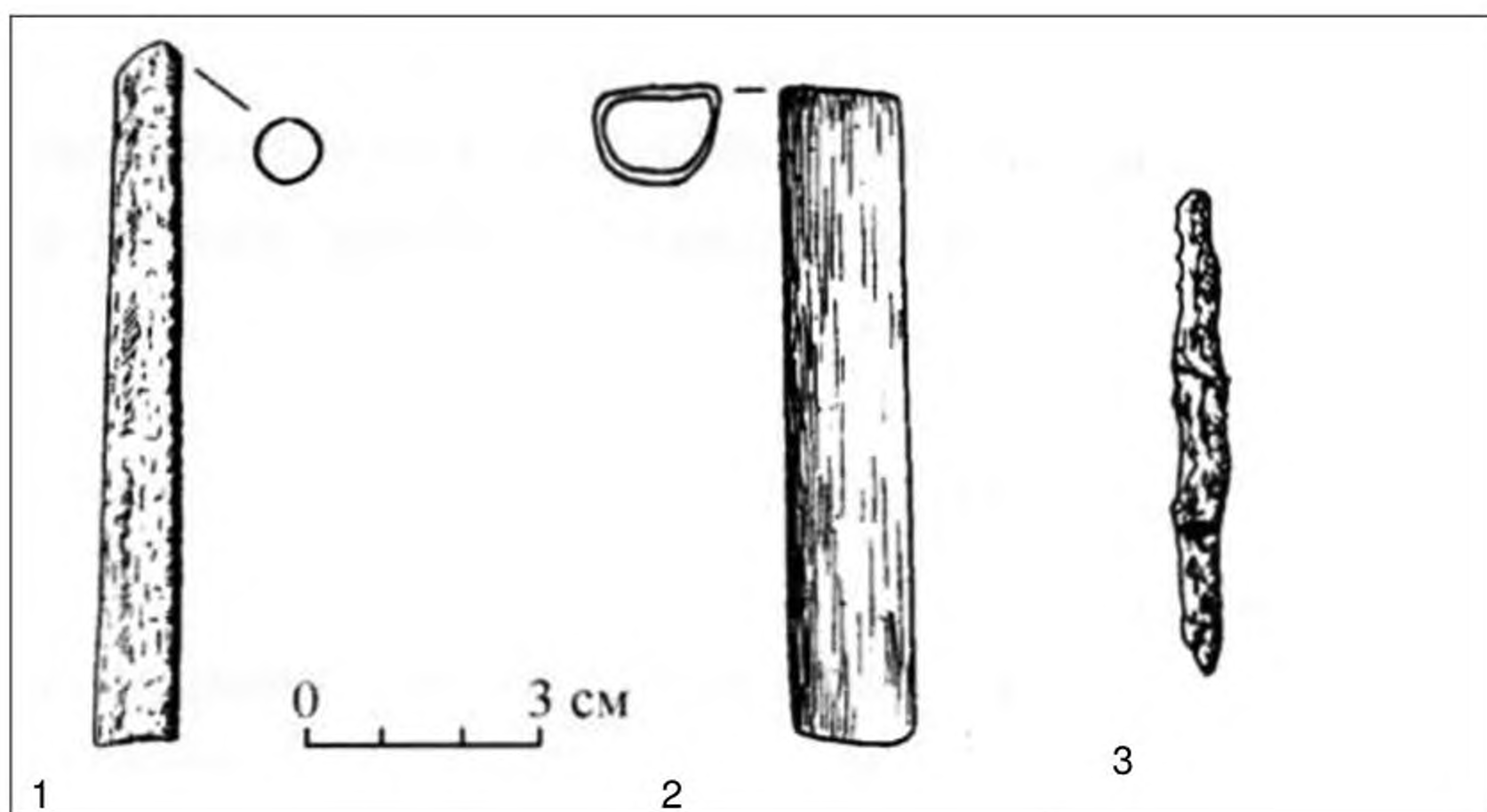

Рис. 3. Костяные игольники и железная игла.
1 – Балык-Соок I, к. 34; 2 – Юстыд XIV, к. 2
(по: Кубарев Г.В., 2005).

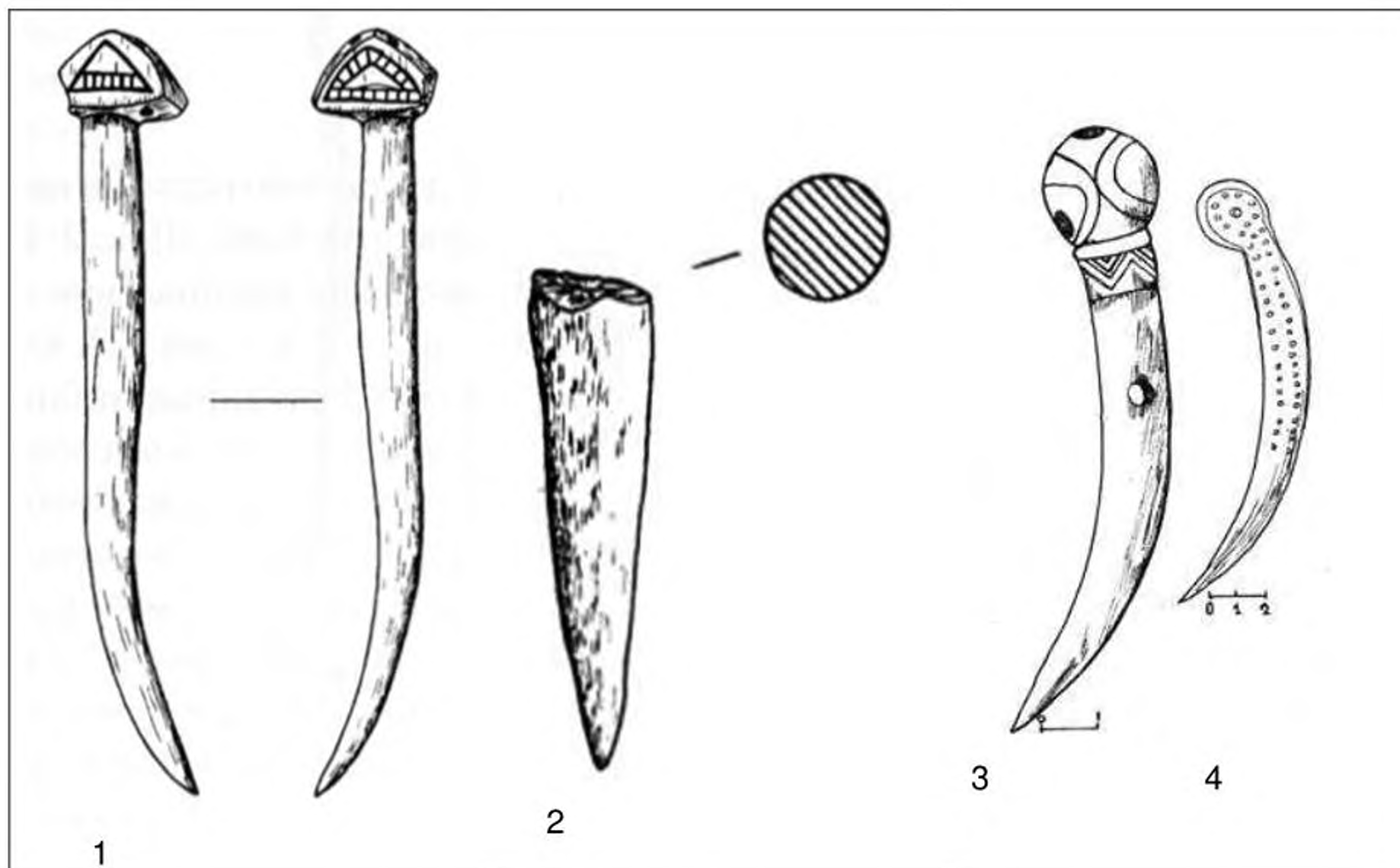

Рис. 4. Кочедыки. 1 – Юстыд XII, к. 29; 2 – Балык-Соок I, к. 11;
3 – Таштык; 4 – Катанда
(по: Кубарев Г.В., 2005; Овчинникова Б.Б., 2011).

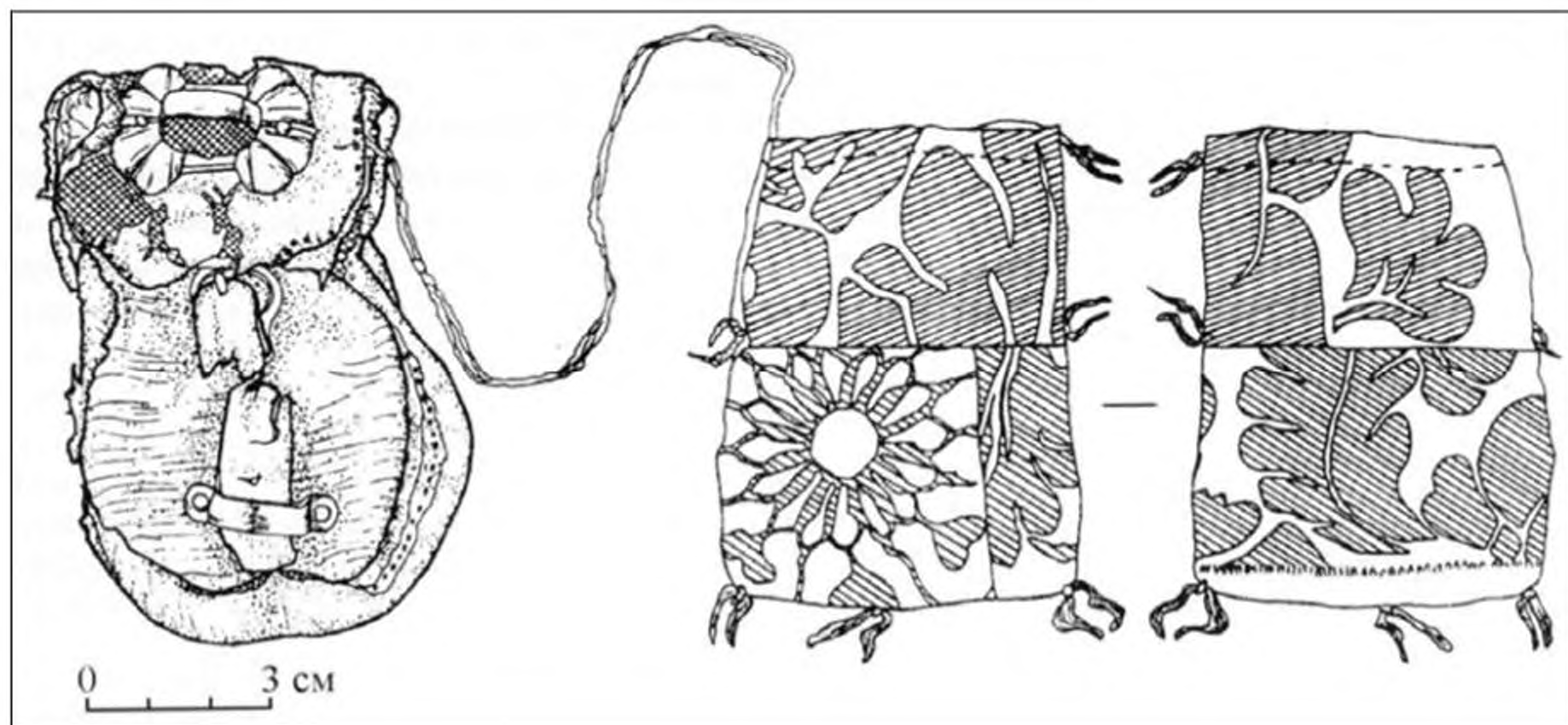
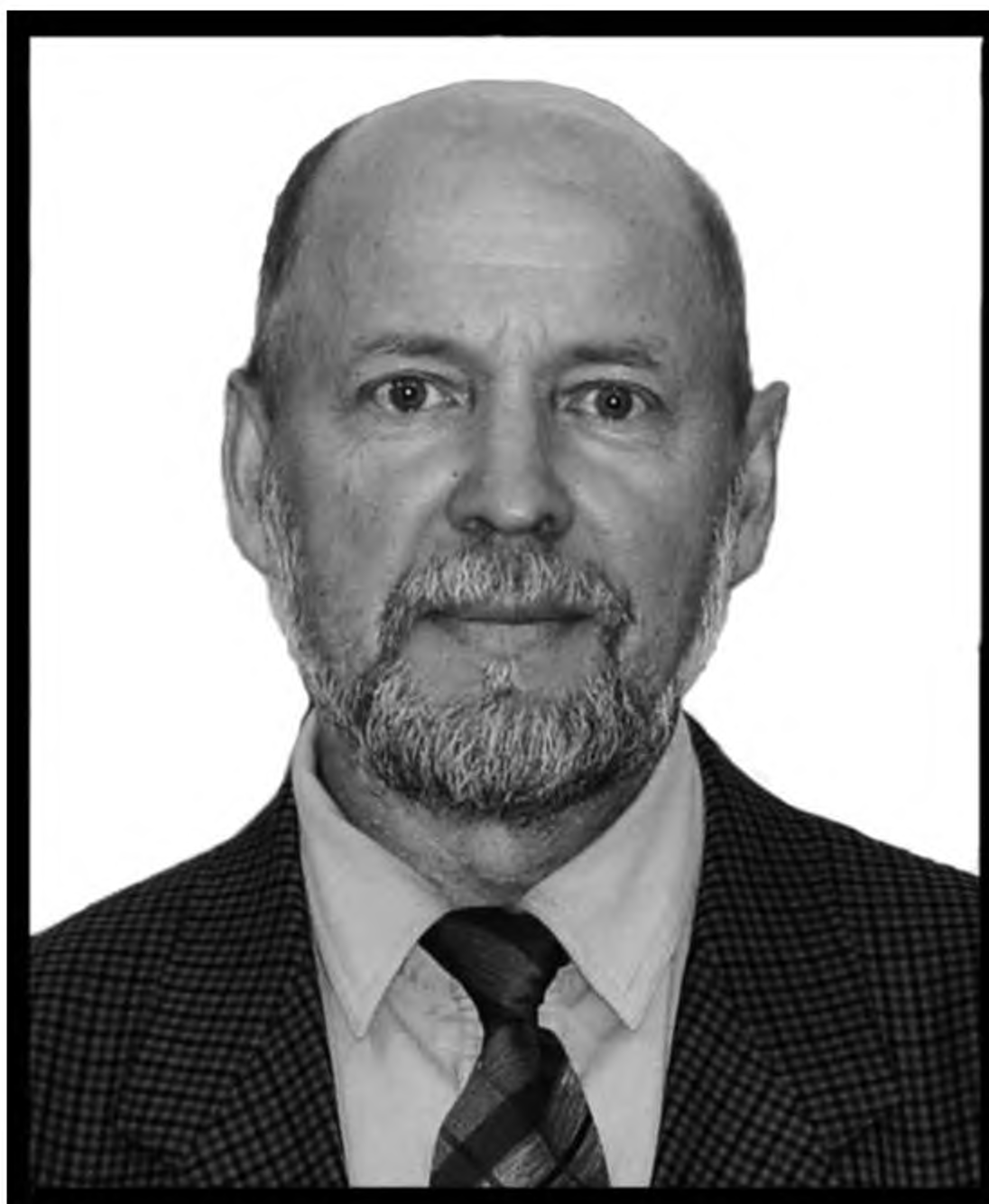

Рис. 5. Кожаная и шелковая сумочки.
Юстыд XXIV, к. 13 (по: Кубарев Г.В., 2005).

КУБАРЕВ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ
(14.08.1946 – 08.05.2011 гг.)

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Владимир Дмитриевич Кубарев родился 14 августа 1946 года в поселке Новоборовлянка Алтайского края. Его детство и юность прошли в г. Новосибирске, где он окончил среднюю школу № 104. В 1963 году, его еще не закончившего обучение в профессионально-техническом училище № 7 при Западно-Сибирском управлении Гидрометслужбы, отправляют для работы на высокогорную метеостанцию Бертек, на плато Укок. Проработав здесь два года, в 1965 году по личной просьбе он был переведен на метеостанцию Ак-Кем, расположенную у живописной и самой высокой вершины Алтая – горы Белухи. Последующие четыре года, с 1966 по 1970 гг., Кубарев В.Д. работал в качестве начальника метеостанции Уландрык, близ границы с Монголией.

Именно в эти годы работы на высокогорных метеостанциях Владимир Дмитриевич полюбил эту красивую горную страну, заинтересовался ее историей и древними памятниками и связал всю дальнейшую жизнь и работу именно с ней. Профессия радиометеоролога, редкая и сегодня, оставляла много свободного времени. Каждый использовал его по своему усмотрению. С первых дней Владимира Дмитриевича поразила суровая природа и богатая история этого края. Повсюду были следы пребывания древнего человека. Это и каменные орудия в Чуйской котловине, заросшие мхом курганы древних кочевников, каменные изваяния, а также загадочные рисунки на скалах. В свободное время объезжая окрестности на мотоцикле, Владимир Дмитриевич сделал первые свои

открытия: петроглифы и комплекс стел в Туру-Алты, стелу с рунической надписью в долине р. Барбургазы, многочисленные курганы и керексуры в долине р. Юстыд.

Первые любительские раскопки в эти годы В.Д. Кубарев осуществил рядом с метеостанцией Уландрык. Результаты оказались очень удачными. В древних могилах ранних кочевников прекрасно сохранились многие предметы из органических материалов: деревянные блюда, кружки и другая утварь, а также предметы, представляющие собой образцы художественной резьбы по дереву. Искусно изготовленные миниатюрные фигурки оленей, коней и барсов украшали головной убор и одежду погребенных.

Кубарев В.Д. принадлежал к тому редкому сорту людей, самородков, которые, не имея специального образования, в конце концов «находят» себя, полностью отдаются своему любимому делу и достигают в нём больших успехов. В этом он во многом похож на русских исследователей древностей Южной Сибири и Центральной Азии XIX – начала XX веков.

Кубарев В.Д. Метеостанция Бертек, Укок. 1963 г.

Определяющую роль в его дальнейшей судьбе сыграла встреча с академиком А.П. Окладниковым, который увидел в нём пытливого ума, талант и огромный интерес к древностям Алтая. Эта встреча произошла в центральной лектории г. Новосибирска, весной 1970 года. После окончания рассказа Алексея Павловича о сибирской археологии, В.Д. Кубарев подошел к нему с дневниковыми записями и фотографиями о своих любительских раскопках в Уландрыке. И уже на следующий день он показывал древние раритеты из пазырыкских погребений Уландрыка в кабинете А.П. Окладникова. Здесь же Алексей Павлович пригласил В.Д. Кубарева в экспедицию на Дальний Восток, где он принял участие в раскопках археологических памятников на Амуре и в Приморье.

В том же году В.Д. Кубарев был принят на постоянную работу в Институт истории, философии и филологии СО АН СССР (в настоящее время – Институт археологии и этнографии СО РАН). За прошедшее время, он, в качестве старшего лаборанта, ежегодно работал в составе Алтайского, Амурского, Приморского и Саянского археологических отрядов Северо-Азиатской комплексной экспедиции. В то время полевой сезон длился около полугода, но В.Д. Кубарев всегда успевал хотя бы на месяц съездить на Алтай.

В 1971 г. Владимир Дмитриевич принимал участие в работе Зашиверского отряда, по доставке в Академгородок уникального памятника русского зодчества – Зашиверской церкви, демонтированной на реке Индигирке.

Кубарев В.Д. Новосибирск, 1971 г.

В течение трех полевых сезонов (1972, 1973, 1977 гг.) В.Д. Кубарев работал также в составе Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции, возглавляемой академиком А.П. Окладниковым.

С 1973 года В.Д. Кубарев начинает самостоятельные археологические исследования на Алтае. Он назначен начальником Восточно-Алтайского отряда комплексной Северо-Азиатской археологической экспедиции, которым руководил на протяжении всей своей работы в институте. За сорок лет работы в институте им сделаны десятки открытий. Диапазон научных интересов В.Д. Кубарева был очень широк: от палеолитических мастерских Чуйской котловины до объектов этнографической современности.

Только одним Восточно-Алтайским отрядом, возглавляемым В.Д. Кубаревым, было открыто и изучено более 800 разнотипных и разнокультурных памятников (палеолитические местонахождения, курганы и ритуальные сооружения эпохи бронзы, оленные камни и стелы в оградках, курганы древних и средневековых кочевников, железоплавильни, тюркские изваяния, поминальные оградки, этнографические погребения и разновременные петроглифы). Но основную источниковедческую базу составляют материалы, относящиеся к скифскому времени или к периоду древних кочевников (VII – III вв. до н. э.). В научный оборот введены материалы из примерно 300 раскопанных курганов древних кочевников. Они входили, по меньшей мере, в 43 могильника, исследованных В.Д. Кубаревым в долинах рек Уландрык, Ташантинка, Юстыд, Барбургазы, Бугузун, Бураты, Елангаш, Аргут, Курота, Чуя и Катунь. Итогом проделанной работы стали три его монографии [Кубарев, 1987; 1991; 1992].

В течение 1970-80-х гг. В.Д. Кубарев вел на Алтае разведочные работы, специально нацеленные на поиски разновременных каменных изваяний, стел с рисунками и чашечными углублениями. В отдельной монографии была обобщена информация о более чем 100 оленных камнях, многие из которых были открыты автором [Кубарев, 1979]. В.Д.

Кубаревым впервые был издан и свод древнетюркских изваяний Алтая VII-X вв. н.э., в который включены прорисовки и сведения о 256 каменных изваяниях [Кубарев, 1984]. Древние монументальные памятники и сопровождающие их ритуальные комплексы оставались в сфере научных интересов В.Д. Кубарева и в последующие годы.

Сенсационным следует признать открытие и полное исследование комплекса хуннских керамических печей в долине р. Юстыд, – единственного археологического памятника подобного рода на Алтае [Кубарев, Журавлева, 1986]. На нем было найдено свыше 5 тысяч фрагментов керамики, а некоторые сосуды удалось реставрировать и передать часть коллекции Барнаульскому и Горно-Алтайскому краеведческим музеям.

Им открыты и раскопаны выдающиеся памятники древнего искусства: каменные гробницы Каракола с полихромными росписями, ранее неизвестными в Сибири [Кубарев, 1988; Кубарев, 2009]. Гробницы Каракола, несомненно, являются памятниками мирового значения. Об этом, в частности, свидетельствуют и фрагменты каракольских росписей, помещенные в антологии памятников мировой наскальной живописи, изданной итальянским ученым Анати в 1997 г.

В 1989 г. Владимир Дмитриевич окончил исторический факультет Горно-Алтайского Государственного Педагогического Института. В 1997 г. он подготовил докторскую диссертацию по теме «Древние кочевники Восточного Алтая» и защитил ее в январе 1998 г.

Значительным вкладом в историческую науку является и изучение В.Д. Кубаревым наскальных изображений. Первая сводная работа, включающая информацию о примерно 200 местонахождениях петроглифов Алтая – ещё одно достижение ученого. Но одной из самых ярких его творческих удач является полное исследование уникального комплекса наскального искусства в урочище Калбак-Таш. Итогом многолетней работы автора на этом памятнике явились две монографии, иллюстрированные фотографиями, планами и многочисленными прорисовками наскальных изображений [Kubarev, Jacobson, 1996; Кубарев, 2011].

Логическим продолжением научных изысканий В.Д. Кубарева явились петроглифы Монгольского Алтая, изучение которых пришлось на 1993-2006 гг. в рамках Российско-Монгольско-Американской экспедиции. Были открыты и исследованы такие первоклассные по научной значимости местонахождения петроглифов Монгольского Алтая, как: Цагаан-Салаа – Бага-Ойгур, Шивеет-Хайрхан, Арал-Толгой и др. В эти годы Восточно-Алтайский отряд под руководством В.Д. Кубарева проводил работы также и в Республике Алтай. Исследовались курганы древних и средневековых кочевников, но основное внимание уделялось изучению наскальных изображений. Работы в указанных регионах проводились в рамках двух международных проектов: «Древнее искусство Алтая» и «Корпус петроглифов Центральной Азии». В реализации проектов принимали участие: американские коллеги (университет штата Орегон, г. Юджин), французские ученые (Национальный Центр научных исследований – CNRS, г. Париж), археологи Монголии (Институт истории АН МНР, г. Улан-Батор), Японии (Музей этнологии, г. Осака) и Кореи (Институт истории Когурё, Общество по изучению петроглифов Кореи, г. Сеул). По результатам исследований 1993-2006 гг. В.Д. Кубаревым и его иностранными коллегами опубликовано более 100 публикаций и, в том числе, целый ряд монографий [Jacobson, Tseveendorj, Kubarev, 2001; Jacobson-Tepfer, Tseveendorj, Kubarev, 2006; Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2005; Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2010].

Результаты научной деятельности В.Д. Кубарева отражены в 22 монографиях и более чем в 400 статьях, изданных в России и за рубежом. Без преувеличения можно сказать, что значительная часть работ В.Д. Кубарева, посвященная археологическим открытиям, вызывает огромный интерес у специалистов. Международным признанием результатов этих работ явилось его включение в состав нескольких профессиональных ассоциаций. В ноябре 1997 года В.Д. Кубарев был избран член-корр. Германского археологическо-

го института (г. Берлин), а с 1998 г. В.Д. Кубарев – чл.-корр. Сибирской Ассоциации Исследователей Первобытного Искусства (г. Кемерово). В 2001 году избран чл.-корр. IISNC – Международного института кочевнических цивилизаций (г. Улан-Батор, Монголия).

В 2003 году, в связи с десятилетием работ Российско-Монгольско-Американской экспедиции и активное участие в международном проекте «Алтай», В.Д. Кубареву было присвоено звание профессора Института археологии Академии наук Монголии.

Многие годы В.Д. Кубарев осуществлял научное руководство в подготовке дипломных работ выпускников гуманитарного факультета НГУ и проводил археологическую практику для студентов НГУ и ГАГПИ.

Кубарев В.Д. Алтай, 2008 г.

Владимир Дмитриевич любил алтайские горы – эту красивейшую горную страну – и всегда восхищался ее красотами. За долгие годы им были сделаны сотни фотоснимков пейзажей, археологических памятников, органично вписанных в ландшафт, местных жителей. Персональные фотовыставки Владимира Дмитриевича, включавшие более 100 работ, экспонировались в 2005 г. в музее им. Н.К. Рериха (г. Новосибирск), в республиканском музее им. Анохина (г. Горно-Алтайск) и в ГМИИЛК (г. Барнаул). Многие издания научных трудов, буклеты и путеводители института также иллюстрированы слайдами и фотографиями В.Д. Кубарева.

Символично, что день рождения Владимира Дмитриевича почти совпадает с неофициальным праздником – Днём археолога, празднуемым 15 августа. Сложно переоценить тот научный вклад, который внес Владимир Дмитриевич в изучение древностей Алтая.

Г.В. Кубарев

**СПИСОК
ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ В.Д. КУБАРЕВА***

1972

1. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. – Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1972. – С. 45-49.
2. По следам древних колесниц // За науку в Сибири. – 23 августа 1972.

1973

3. Еще раз о древнетюркской стеле из Кош-Агача // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1973. – С. 88-90.

1974

4. «Стерегищие золото грифы» // Звезда Алтая. – 13 ноября 1974.

1975

5. Двадцать пять веков в ледяном плену // Алтайдын Чолмоны. – Октябрь 1975. (На алт. яз.).
6. Звериный стиль Восточного Алтая в кругу культур Южной Сибири // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1975. – С. 269-280.
7. По следам исчезнувшего народа // Звезда Алтая. – 25 августа 1975.
8. По следам далеких предков // Вечерний Новосибирск. – 22 сентября 1975.

1976

9. Новые археологические памятники междуречья Бар-Бургазы и Юстыда (Восточный Алтай) // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. – № 1. – Вып. 1. – 1976. – С. 94-98. (В соавт. с Ф.Б. Бакштом).
10. Новые находки археологов // Звезда Алтая. – 2 декабря 1976.
11. Из дневника археолога // Звезда Алтая. – 10 декабря 1976.
12. В сокровищнице Гоби // За науку в Сибири. – 23 декабря 1976.
13. Работы в Горном Алтае // АО 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 251-255.
14. Н.К. Рерих и современная археология Горного Алтая // Рериховские чтения 1976 год. – Новосибирск, 1976. – С. 36-38.

1977

15. Находки в древних курганах // Советская Сибирь. – 13 января 1977.
16. Первые работы в долине р. Юстыд // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 209-211.
17. Серебро голубых тюрок // За науку в Сибири. – 23 января 1977.
18. Курганы Юстыда // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 242-244.
19. Разведка в Горном Алтае // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 244-245. (В соавт. с С.С. Зяблицким, Л.М. Чевалковым, А.В. Гребенщиковым).

* Список публикаций составлен В.Д. Кубаревым в 2010 г. Дополнен Г.В. Кубаревым в 2012 г.

1978

20. Древнетюркский поминальный комплекс на Дъер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 86-98.

1979

21. Курганы Юстыда и Бар-Бургазы // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 235-237.
 22. Курганы Чуйской степи // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 61-75. (В соавт. с А.В. Гребенщиковым).
 23. Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // АО 1978. – М.: Наука, 1979. – С. 237-239. (В соавт. с Б.Х. Кадиковым и Л.М. Чевалковым).
 24. Олений камень с р. Чуи // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 163-168.
 25. **1. Древние изваяния Алтая (оленные камни).** – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
 26. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135-160.

1980

27. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 69-91.
 28. Разведки и раскопки на Алтае // АО 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 212-213.
 29. «Конь счастья» в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения. – Новосибирск, 1980. – С. 58-70.

1981

30. Древнее искусство Алтая и Монголии // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. – М.: Наука, 1981. – С. 53-57.
 31. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 29-53.
 32. К интерпретации предмета неизвестного назначения из кургана 1 памятника Туэкта // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 65-74.
 33. Погребальный обряд как источник по реконструкции идеологических представлений ранних кочевников Алтая // Вопросы истории, идеологии, философии, культуры народов Востока. – М.: Институт Востоковедения АН СССР, 1981. – Том 1. – С. 9-14.
 34. Древняя страна Монголия // Рабочая Трибуна. – 23 апреля 1981.
 35. Древние тайны Алтая // Рабочая Трибуна. – 31 декабря 1981.
 36. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 84-94.

1983

37. О работах на Алтае // АО 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 205.
 38. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1988 года. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 90-108. (В соавт. с В.А. Кочеевым).

1984

39. Охранные работы на Алтае // АО 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 209-210.
 40. Новые палеолитические памятники Чуйской котловины // АО 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 196. (В соавт. с А.П. Деревянко).
 41. Юстыдская находка // Звезда Алтая. – 16 мая 1984. (Перепечатка в газетах Чуйские Зори и Тувинская Правда).

42. Наскальные загадки древнего Алтая // Народный Учитель. – 24 декабря 1984.
43. Автограф из глубины веков // Рабочая Трибуна. – Декабрь 1984.
44. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 86-100. (В соавт. с Д.В. Черемисиным).
45. По древним тропам Алтая // Алтайская Правда. – 30 мая 1984. (Перепечатка в газете Труд).
46. **2. Древнетюркские изваяния Алтая.** – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
47. Оставили наши предки // Алтайская Правда. – 12 июля 1984.
48. Леониду Романовичу Кызласову – 60 лет // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. – 1984. – Вып. 2. – № 9. – с. 72. (В соавт. с А.П. Деревянко, Р.С. Васильевским, В.Е. Ларичевым, В.И. Молодиным, В.В. Евсюковым, С.А. Комисаровым).

1985

49. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии.– Новосибирск: Наука, 1985. – С. 136-148.
50. Археологические исследования у борма Кор-Кечу (Центральный Алтай) // Археологические исследования в районе новостроек. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 130-137.
51. Наскальные загадки // Алтайская Правда. – 23 января 1985.
52. Протобуддийские символы в древнеалтайском искусстве // Рериховские чтения. – Новосибирск: ИФиф СО АН СССР, 1985. – С. 193-199.
53. В долине наскальных рисунков // Наука в Сибири. – 20 декабря 1985.
54. Исследования на Алтае // АО 1983 года. – М., 1985. – С. 215-216.
55. Древнейшие фрески Каракола // Звезда Алтая. – 21 сентября 1985.
56. «Фантастические существа» Алтая // Вечерний Новосибирск. – 27 сентября 1985.
57. Древнейшая живопись алтайских шаманов // Народный Учитель. – 15 октября 1985.

1986

58. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101-119. (В соавт. с А.Д. Журавлевой).
59. Сокровища древних курганов // Рабочая Трибуна. – 3 января 1986.
60. Работы Восточно-алтайского отряда // АО 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 182-183.
61. Рисунки на плитах курганов // Наука в Сибири. – 29 мая 1986.
62. Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. – С. 68-80.
63. Таинственные фрески древнего Алтая // Рабочая Трибуна.– 3 декабря 1986.
64. О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: АГУ, 1986. – С. 102-104.
65. Алтайдын јебрентик табынтыларына – төрт мун јыл // Алтайдын Чолмоны. – 28 ноября 1986. (На алт.яз.).
66. Открытия продолжаютя // Звезда Алтая. – 7 ноября 1986.
67. Сильнее времени // Вечерний Новосибирск. – 22 ноября 1986.
68. Пятнадцатый год работы Восточно-алтайского отряда // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1986. – С. 50-52.
69. Таинственные фрески древнего Алтая // Рабочая Трибуна. – 3 декабря 1986.

1987

70. О новом памятнике эпохи палеометалла // Известия СО АН СССР. – Вып. 2. – Сер. общ. наук. – Наука, 1987. – С. 66-68.
71. О чем рассказали петроглифы // Вечерний Новосибирск. – 18 декабря 1987.

72. Открытия в долине р. Урсул // АО 1985 года. – М., 1987. – С. 250-251.
73. Загадочные росписи Каракола // Природа. – № 8. – М., 1987. – С. 58-69.
74. Современники египетских пирамид // Советский Союз. – № 4. – 1987.
75. О назначении зооморфных наверший из курганов Пазырыка и Уландрыка // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 169-173.
76. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150-169.
77. Летопись – сама земля // Турист. – М., 1987. – № 11. – С. 45-47.
78. **3. Курганы Уландрыка.** – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.
79. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 98-117. (В соавт. с Д.В. Черемисиным).
80. По следам первобытных культур // Звезда Алтая. – 16 сентября 1987. (В соавт. с В.Н. Елиным).
81. Исследование памятников высокогорного Алтая // Исследование памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 51-52.

1988

82. О чем рассказали петроглифы // Звезда Алтая. – 21 января 1988.
83. Вернулась экспедиция // Рабочая Трибуна. – 27 января 1988.
84. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 107-144.
85. Заповедная зона – Калбак-Таш // Наука в Сибири. – 14 апреля 1988.
86. **4. Древние росписи Каракола.** – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.
87. Культуранын кереестери // Алтайдын Чолмоны. – 17 мая 1988. (На алт.яз.).

1989

88. Работы Североазиатской экспедиции // АО 1986 года. – М.: Наука, 1989. – С. 235-238. (В соавт. с С.А. Кимом, В.И. Молодиным, Ю.С. Худяковым).
89. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1989. – С. 202-222 . (В соавт. с В.А. Кочеевым).
90. По следам Сартакпая // Звезда Алтая. – 4 января 1989.
91. Памятник наскального искусства Алтая // Природа. – 1989. – № 11. – С. 38 – 47.
92. Успеть сохранить историю // Рабочая Трибуна. – 13 января 1989.
93. Сартакпайдын јеринде // Алтайдын Чолмоны. – 17 января 1989. (На алт.яз.).
94. По следам алтайской легенды // Вечерний Новосибирск. – 23 декабря 1989.
95. Открытия на Катуні (Опыт проведения широкомасштабных раскопок памятников разных эпох) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. – Кемерово: КемГУ, 1989. – Ч. 2. – С. 79-82. (В соавт. с Д.В. Черемисиным).
96. Наскальные загадки Алтая // ж/л АПН. – №№ 8,9. – 1989. (На 12 яз.).
97. Treasures of the Scythian Tombs // TERRA. – Vol. 27. – No. 4. – March/April. – Los-Angeles, 1989. – P. 13-19.

1990

98. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР, 1990.– С. 154-157.
99. Хронологические парадоксы Горного Алтая // КСИА: Археология Средней Азии, Кавказа и Сибири. – М.: Наука, 1990. – Вып. 199. – С. 46-55. (В соавт. с Н.Л. Членовой).
100. История изучения археологических памятников Средней Катуні // Археологические исследования на Катуні. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 7-21.

101. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 43-94. (В соавт. с С.М. Киреевым и Д.В. Черемисиным).
102. Расписные сосуды из урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 185-192. (В соавт. с И.Ю. Слюсаренко).
103. Археология Средней Катунь // Катунский проект. – Новосибирск: СО АН СССР, 1990. – С. 173-174.
104. Расписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 31-55.

1991

105. **5. Курганы Юстыда.** – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

1992

106. Курган скифского времени в устье Тургунды // Проблемы археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 79-91.
107. Новый памятник каракольской культуры в с. Бешозек // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 45-47. (В соавт. с О.В. Лариным и А.С. Суразаковым).
108. О новых памятниках каракольской культуры в с. Озерном // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск. – ГАГПИ, 1992. – С. 49-51. (В соавт. с В.И. Соёновым и А.В. Эбелем).
109. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 47-48.
110. О некоторых параллелях в петроглифах Алтая и Гиндукуша // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 48-49.
111. Охранные работы на Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 40-41. (В соавт. с Д.В. Черемисиным и И.Ю. Слюсаренко).
112. Катунь – древняя сокровищница Алтая // Рабочая Трибуна. – 5 июня 1992.
113. Некоторые аспекты развития керамических традиций населения Горного Алтая в раннее средневековье // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 80-81. (В соавт. с А.Д. Журавлевой).
114. Воскрешение Зашиверского чуда // Рабочая Трибуна. – 1 мая 1992.
115. Древние руны Алтая // Наука в Сибири. – 17 мая 1992.
116. Наскальные рисунки Алтая // Наука в Сибири. – № 18. – Май 1992.
117. Древние шаманы Алтая // Звезда Алтая. – 21 июля 1992.
118. От Алтая до Гималаев // Звезда Алтая. – 23 июля 1992.
119. О новых наскальных рисунках Алтая // Звезда Алтая. – 24 июля 1992.
120. Алтай – Гиндукуш // Рабочая Трибуна. – 24 июля 1992.
121. Открытия археологов в алтайском селе Бешозек // Наука в Сибири. – № 30. – Август 1992.
122. Беш-Öзöктин табынтылары // Алтайдын Чолмоны. – 16 сентября 1992. (На алт. яз.).
123. Алтайдын жебрен руналары // Алтайдын Чолмоны. – Сентябрь 1992. (На алт.яз.).
124. Загадки на скалах // Специальный выпуск «Ведомостей» к фестивалю немецкой культуры в г. Новосибирске. – Июль 1992.
125. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 25-36.

126. Сенмурв из Калбак-Таша // Первобытное искусство. Наскальные рисунки. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 94-97.
127. К истории изучения древнетюркской эпиграфики Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 68-73.
128. Древнейшие шаманские изображения Алтая // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции. – Якутск: ЯГУ, 1992. – С. 24-25.
129. Два новых памятника каракольской культуры в Горном Алтае // Палеоэкология и расселение человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск, 1992. – С. 134-137.
130. Загадки каменных баб // Земля–Сибирь. – 1992. – № 5,6. – С. 54-59.
131. Археологические исследования на Средней Катунь // Altaika. – 1992. – № 1. – С. 43-49. (В соавт. с Ю.С. Худяковым, А.П. Бородовским, Д.В. Черемисиным и В.П. Мыльниковым).
132. **6. Курганы Сайлюгема.** – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
133. **7. Петроглифы Алтая.** – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992 – 123 с. (В соавт. с Е.П. Маточкиным).

1993

134. Древние рисунки Бешозека // Рабочая Трибуна. – 14 сентября 1993.
135. Олений камень с р. Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: АГУ, 1993. – Ч. 1. – С. 146-149.
136. Сохранить историю // Памятники наскального искусства. – М.: ИА РАН, 1993. – С. 65-69.
137. Есть по Чуйскому тракту дорога // Земля-Сибирь. – 1993. – № 1,2. – С. 1-10.
138. Шедевры Каракола // Земля-Сибирь. – 1993. – № 1,2. – С. 47-49.
139. Mysteries of the Asian Pearl // Korean Ancient Historical Society. Hanguk Sangosa Nakho. – Seoul (Korea), 1993. – No. 14, September. – P. 329-355.
140. Исследования в предгорьях Сайлюгема // Altaika. – 1993. – № 2. – С. 63-68. (В соавт. с Э. Якобсон и Т. Масумото).
141. Датировка петроглифов по находкам из погребальных памятников Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово: КемГУ, 1993. – С. 104-112.
142. Вечные стражи Алтая // Мир путешествий. – 1993. – № 3,4. – С. 6-8.
143. Диадемы из высокогорных курганов Алтая // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: АКИН, 1994. – С. 55-57.
144. Древнегреческая надпись из с. Кокоря // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1994. – С. 62-64.
145. Американцы в центре Азии // Рабочая Трибуна. – 19 марта 1993.
146. Американцы в центре Азии // Наука в Сибири. – Март 1993.
147. Американец Азиянын Өзөгінде // Алтайдын Чолмоны. – 8 мая 1993. (На алт. яз.).
148. Американцы в центре Азии // Звезда Алтая. – 8 июня 1993.
149. Терзающий хищник – символ вечности и космоса // Алтай. Космос. Микрокосм. – Барнаул: Ак-Кем, 1993. – С. 165-167.

1994

150. Зеркало с Юстыда – символ мироздания и космоса // Алтай – Космос – Микрокосм. – Барнаул: Ак-Кем, 1994. – С. 187-189.
151. По миграционным путям высокогорного Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: АГУ, 1994. – С. 136-140. (В соавт. с Э. Якобсон и Д. Цэвээндоржем).
152. Древние шедевры Сибири в Австралии // Наука в Сибири. – № 20. – Май 1994.

153. «Секреты» Сибири в Австралии // Звезда Алтая. – 18 июня 1994.
154. «Сибирьдин јажыттары» – Австралияда // Алтайдын Чолмоны. – 21 июня 1994. (На алт. яз.).
155. С «Магелланом» по древним тропам Алтая // Звезда Алтая. – 13 января 1994.
156. «Магелланла» кожо Эре-Чуйла // Алтайдын Чолмоны. – 21 января 1994. (На алт. яз.)
157. «Магеллан» открывает Алтай // Рабочая Трибуна. – 1 апреля 1994.
158. С «Магелланом» по Алтаю // Наука в Сибири. – № 9. – Март 1994.
159. Древние греки приходили в Чуйскую степь // Каракорум. – Март 1994.
160. Зеркала как источник по магии, мифологии и верованиям кочевников Азии // Древняя Культура. – Киото, 1994. – Т. 46. – № 4. – С. 20-37. (В переводе Т. Масумото, на япон. яз.).
161. Turu-Alty: Analysis of Siberian «Sanctuary» // Altaika. – 1994. – № 4. – С. 18-29. (В соавт. с Э. Якобсон, на англ. яз.)
162. Holocene Stratigraphy of the Kaminnaya Cave: The Early Metal Period // Korean Ancient Historikal Societe, vol. 5. – Seoyl, 1994. – P. 307-327. (В соавт. с Ю.В. Гричаном).

1995

163. Griffins who guard gold (Стережущие золото грифы) // Асеагоунхуа. Ahrait Cultureiclsia. – Seoyl. – 1995. – P. 513-531.
164. К вершинам священного Табын-Богдо-Ула // Звезда Алтая. – 23 мая 1995.
165. Программа «Магеллан» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. V. – Ч. 1. – Барнаул: БГПУ, 1995. – С. 42-45.
166. Знаки на стрелах древних кочевников Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. V. – Ч. 2. – Барнаул: БГПУ, 1995. – С. 104-105.
167. Древние мергены алтайских гор // Звезда Алтая. – 1 июня 1995.
168. По древним святыням Монголии // Алтайдын Чолмоны. – 12 июля 1995.
169. Новые петроглифы Монгольского Алтая // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. – Кемерово: КемГУ, 1995. – С. 20-21. (В соавт. с Э. Якобсон и Д. Цэвээндоржем).
170. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: АГУ, 1995. – С. 158-162.
171. Новые каменные изваяния Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. – Вып. 1. – С. 149-163. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем).
172. Исследования в Юго-Восточном Алтае // Обзорение 1993. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 108-111. (В соавт. с Г.В. Кубаревым).
173. Раскопки на р. Талдуаир // АО 1994 года. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 281. (В соавт. с Г.В. Кубаревым).
174. Исследования в Монголии // АО 1994 года. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 324-325. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).
175. Новые петроглифы Алтая // Алтай–Космос–Микрокосм. – Барнаул: Ак-Кем, 1995. – С. 141-145.
176. О происхождении и хронологии каракольской культуры Алтая // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 23-26.
177. Обследование петроглифов Алтая // АО 1994 года. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 315. (В соавт. с Я.А. Шером и А.П. Франкфортом).
178. Наскальные шедевры Алтая // Наука в Сибири. – Май 1995.
179. Путешествие в бронзовый век // Наука в Сибири. – № 16. – Апрель 1995.
180. «Јол – Ол Јүрүм» (Јебрен монгол сөс) // Алтайдын Чолмоны. – 12 июня 1995. (На алт. яз.).

1996

181. L'art antique des montagnes d'or // Tombes geles de Siberie. Dossiers d' arceologie. – Paris, 1996. – № 212. – P. 42-51.
182. Работы Российско-Французской экспедиции на Алтае // АО 1995 года. – М.: ИА РАН, 1996. – С. 340. (В соавт. с Я.А. Шером).
183. Работы в Западной Монголии // АО 1995 года. – М.: ИА РАН, 1996. – С. 391-392.
184. Исследование петроглифов Монголии // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 136-139.
185. Ритуальный клад из Кош-Агачского района Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 84-91. (В соавторстве с И.В. Октябрьской).
186. **8. Siberie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai).** Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – T. V. 3. – F. 3. – Paris, 1996. – P. 45, Pl. 15, Fig. 662. (В соавт. с E. Jacobson).
187. Spiegel asiatischer Nomaden als religionsarchäologische Quelle (Зеркала кочевников Азии как источник по мифологии) // Eurasia antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern–Mainz am Rhein, 1996. – Band 2. – P. 319-345.

1997

188. Newly recorded petroglyphic complexes in the Altay mountains, Bayan Olgiy aimag, Mongolia // International newsletter on rock art (I. N. O. R. A.). – Paris, 1997. – № 17. – P. 1-6. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).
189. Древнейшие памятники высокогорного Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 135-138.
190. Олений камень с р. Тытугом // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 145-146.
191. Погребение раннескифского времени на реке Каракол // Гуманитарные науки в Сибири. – 1997. – № 3. – С. 6-10.
192. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии. – Кемерово, 1997. – Вып. 2. – С. 88-97.
193. Древние кочевники Восточного Алтая // Автореф. ... доктора историч. наук. – Новосибирск: НГУ, 1997. – 30 с.
194. Палеоэкономика населения Монгольского Алтая по наскальным изображениям // Социально–экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: АГУ, 1997. – С. 117-120. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).
195. Некоторые итоги работ по изучению петроглифов Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 213-214. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).
196. Петроглифы Монгольского Алтая // АО 1996 года. – М.: Наука, 1997. – С. 389-390. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).
197. **9. Каменные изваяния Алтая.** Краткий каталог. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997. – 184 с., в том числе 107 илл.
198. Steinstelen aus der Westmongolei // Eurasia antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein, 1997. – Band 2. – P. 571-580. (В соавт. с D. Zevendorz).

1998

199. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 258-265. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).

200. Окуневско-каракольские памятники Хакасии и Алтая (корреляция и хронология) // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово: КемГУ, 1998. – С. 58-60.
201. Наскальная композиция из Бага-Ойгора (Монгольский Алтай) // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово: КемГУ, 1998. – С. 125-127. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем и Ц. Очирхуягом).
202. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 74-77.
203. Древние росписи Озерного // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 277-289.
204. Древние росписи Бешозека // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 51-56.
205. Портативный «алтарь» из Чичкеши // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. – № 3. – С. 55-58.
206. Космические сюжеты и персонажи в наскальных изображениях Алтая // Алтай–Космос–Микрокосм. – Барнаул: Ак-Кем, 1998. – С. 88-93.
207. Rock art of Altai mountains // Korean Ancient Historical Society. Hanguk Sangosa Nakho. – Seoul (Korea), 1998. – 12. – No. 29, December. – P. 203-239.

1999

208. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 84-92.
209. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – Вып. № 4. – С. 186-201.
210. **10. Поминальные памятники Алтая.** – Сеул: Хак ен, 1999. – 120 с., в том числе 80 илл. (В переводе Кан Ин Нука и Ли Хон Джона, на корейск яз.).
211. On the initial stage of the prehistoric art in the Altai // Тез. к международному симпозиуму по наскальному искусству (США). – Висконсин, Рипон, 1999 (без страниц).
212. Петроглифы Арал-Толгоя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 407-410. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).
213. A new petroglyphic in the Altai mountains, Bayan Olgiy aimag, Mongolia // International newsletter on rock art (I. N. O. R. A.). – Paris, 1999. – № 24. – P. 11-15. – (В соавт. с Э. Якобсон, Д. Цэвээндоржем).
214. Neue Grabfunde der Afanas'ev-Kultur am mittleren Katun' // Eurasia antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein, 1999. – Band. 5. – P. 71-94. (В соавт. с Д.В. Черемисиным, И.Ю. Слюсаренко).

2000

215. Terra incognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 48-56. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем).
216. Terra Incognita in Central Asia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2000. – № 1 (1). – P. 48-56. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем).
217. Алтай – главная магистраль Великих Странников // Рериховские Чтения 1997. – Новосибирск: СИБРО, 2000. – С. 420-426. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).
218. Петроглифы Курман-Тау // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. – № 5. – С. 15-21.
219. «Мифические» чашечные камни Алтая и их аналогии в древних культурах Евразии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: АГУ, 2000. – С. 104-108.

220. Алтай – Заповедная Зона // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. – Кемерово: КемГУ, 2000. – Том II. – С. 64-77. (В соавт. с Э. Якобсон, Д. Цэвээндорж).
221. Мифологический сюжет: «женщина и зверь» и его эволюция в петроглифах Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 312-317.
222. Петроглифы Хайрихана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 319-323 (в соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).
223. Погребение эпохи бронзы у г. Жалгыз-Тобе // Обзорение 1994–1996. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 31-35.
224. Древние кочевники Чуйских гор // Тез. к докл. межд. симпозиума «Горы и горцы Алтая и других стран Центральной Евразии». – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. – С. 157-159.
225. Алтай – Музей в центре Азии // Тез. к докл. межд. симпозиума «Горы и горцы Алтая и других стран Центральной Евразии». – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. – С. 8-9. (В соавт. с Э. Якобсон и Д. Цэвээндоржем).

2001

226. Terra incognita в центре Азии // Бэйфан вэньу. – 2001. – № 2 (66). – С. 101-108. (На китайск. яз.). (В соавт. с Д. Цэвээндоржем).
227. Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – № 6. – С. 89-107.
228. Бике I, II: погребальные памятники афанасьевской культуры на Средней Катуни // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – № 6. – С. 32-54. (В соавт. с Д.В. Черемисиным и И.Ю. Слюсаренко).
229. Мамонты из Бага-Ойгура (К вопросу о хронологии древнейших рисунков Монгольского Алтая) // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: АГУ, 2001. – С. 435-440.
230. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – № 7. – С. 155-159.
231. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 95-107.
232. Scenes of Hunting and War in the Ancient Turkic Petroglyphs of the Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2001. – N 4 (8). – P. 95-107.
233. Der Altai als Verkehrsweg “der großen Wanderer” // Antike Welt. – 2001. – № 2. – P. 121-137.
234. **Kubarev V.D., Tseveendorj D., Çev. Osman Saridiken.** Batı Moğolistan'daki Taşbalar (Сцены войны в Западной Монголии) // Ataturk universitesi Turkiyat. – “Sultan I. Murad'ın Evrenos Bey'e Mektubu”, № 17. – 2001. – S. 213-225.
235. Бике I, III: Погребальные памятники скифской эпохи на Средней Катуни // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – № 7. – С. 120-145.
236. Skythische Kurgane aus den Gräberfeldern Bike I und III am mittleren Katun', Sibirien // Eurasia antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein, 2001. – Band. 7. – S. 133-167.
237. Алтай – древняя сокровищница Азии // VI Международные Рериховские Чтения «Зов Будущего». – Новосибирск: Сиб. РО, 2001. – С. 11-12.
238. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: АГУ, 2001. – С. 24-54.

239. Петроглифы Кургака // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 332-335.
240. Изучение петроглифов Монгольского Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 336-340. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).
241. Руническая надпись из Кургака (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 341-342. (В соавт. с Г.В. Кубаревым).
242. **11. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor.** Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale (ed. J.A. Sher and H.-P. Francfort). – T. V. 6 – Paris: De Boccard, 2001. – 132 p., 346 taf, 399 photogr. (В соавт. с E. Jacobson, D. Tseveendorj).
243. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник САИПИ. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – Вып. 4. – С. 8-11.

2002

244. Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 76-95. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем).
245. Ancient Turkic Memorials in the Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2002. – N 1 (9). – P. 76-95. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем).
246. Всадники из Хар-Салаа // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: АГУ, 2002. – С. 3-11.
247. Образ быка в петроглифах Алтая // Первобытная археология. Человек и искусство. Сб. научн. трудов посвящён. 70-летию Я.А. Шера. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 48-53.
248. Образ птицы в петроглифах Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 77-81.
249. Об одном сюжете из петроглифов Алтая // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ – Чита: Бурятск. ГУ, 2002. – С. 53-55.
250. К истокам скифо-сибирского звериного стиля // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – № 8. – С. 37-43.
251. «Савроматы» на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2 (10). – С. 127-139.
252. The "savromatians" in the Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2002. – N 2 (10). – P. 127-139.
253. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 63-77.
254. Ancient Altaian Mirrors // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2002. – N 3 (11). – P. 63-77.
255. Змеи-рыбы-драконы в петроглифах Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – № 9. – С. 62-67.
256. Ответ на статью профессора Ю.С. Худякова // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – № 9. – С. 153-157.
257. Каменные изваяния Шивет-Улана (Центральная Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 74-85. (В соавт. с Д. Баяром).
258. Stone Figurines of Shivet-Ulan (Central Mongolia) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2002. – N 4 (12). – P. 74-85. (В соавт. с Д. Баяром).
259. Traces of shamanic motives in the petroglyphs and burial paintings of the Gorno-Altai // Spirits and Stones: Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia. – Poznan: Instytut Wschodni UAM. – 2002. – С. 99-119.

260. A Petroglyphic Complex in the upper Tsagaan Gol valley, Mongolian Altai // *International Newsletter on Rock Art*. – 2002. – No. 32. – P. 1-6. (with E. Jacobson and D. Tseveendorj).
261. Об одном сюжете в петроглифах Синьцзяна // *История и культура Востока Азии*. – Материалы межд. научн. конф. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. – Т. II. – 2002. – С. 88-92.
262. New Turkish skulptures of the Mongolia and Altai // *Culture and Arts among Ancient Turks (Early ages)*. – V. I. – Part. 13. – Ankara, 2002. – P. 954-961.
263. Алтай – древняя сокровищница Азии // *Алтайский Вестник*. – Барнаул: Изд-во 21 век, 2002. – № 2. – С. 38-44.
264. Время сберегать и сохранять историю... // *Звезда Алтая*. – 5 ноября 2002 г. – № 174.
265. Время сохранять историю... // *Наука в Сибири*. – Ноябрь 2002 г. – № 42-43.
266. Древние пиктограммы алтайских гор // *Наука в Сибири*. – Январь 2002.
267. Наскальные рисунки как источник по истории и культуре народов Алтая // *История и культура коренных народов Южной Сибири с древнейших времен до 1917 г.* – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – С. 26-31.
268. Исследования в Западной Монголии // *АО 2001 года*. – М.: Наука, 2002. – С. 512-514. (в соавт. с Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон).
269. Открытие эпиграфических памятников в Чуйской котловине // *АО 2001 года*. – М.: Наука, 2002. – С. 439-440. (в соавт. с Г.В. Кубаревым).
270. Петроглифы Ирбисту // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002 – Т. VIII. – С. 361-365. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, Э. Якобсон, Д. Цэвээндоржем).
271. Исследования Чуйского отряда на Алтае // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 357-360. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, К. Оцука, Т. Масумото, Е.П. Маточкиным).
272. Всадники из петроглифов горы Шивээт-Хайрхан (Монгольский Алтай) // *Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. – Тобольск–Омск, 2002 г. – С. 58-60.

2003

273. **12. Наскальное искусство Алтая**. – Горно-Алтайск: АКИН, 2003. – 124 с., в том числе 94 илл.
274. Алтай–Монголия: итоги и перспективы изучения наскального искусства // *Древности Алтая*. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – № 10. – С. 46-61.
275. Монгол Алтайн Цагаан Салаа, Бага Ойгорын хадны зураг дахь ухрийн дурийн тухай (Об изображениях быков в петроглифах Цагаан-Салаа, Бага-Ойгур – Монгольский Алтай) // *АС*. – Т. (I) XXI. – Ф. 2. – Улан-Батор: 2003. – С. 16-42. (На монг. яз.). (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон, Ц. Очирхуяг).
276. Наскальные изображения горы Шивээт-Хайрхан (Монгольский Алтай) // *АС*. – Т. (I) XXI. – Ф. 3. – Улан-Батор: 2003. – С. 43-51. (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон, Ц. Очирхуяг).
277. Образ оленя в петроглифах Алтая // *Степи Евразии в древности и средневековье*. – Санкт-Петербург: ИИМК, 2003. – Кн. II. – Ч. 3. – С. 70-76.
278. Образ кабана в петроглифах Алтая // *Археология Южной Сибири*. Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. А.И. Мартынова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 72-77.
279. **13. Наскальная живопись Алтая** (Алтаие амгак есуль). – Сеул: Хак ен, 2003. – 133 с., в том числе 108 илл. (В переводе Кан Ин Нука и Ли Хон Джона, на корейск яз.).

280. XXI век – открытия на Алтае продолжаются // Звезда Алтая. – № 97-98. – 3 июля 2003. (Перепечатка из газеты Наука в Сибири). (В соавт. с Г.В. Кубаревым).
281. Разведочные работы на Алтае // Археологические открытия 2002 г. – М., 2003. – С. 357-360. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, К. Оцука, Т. Масумото, Э. Якобсон, Д. Цэвээндорж, Е.П. Маточкиным).
282. Каменные изваяния: возрождение древней традиции или фальсификация? // Наука в Сибири. – № 30. – Август 2003. – С. 6.
283. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4 (16). – С. 64-82. (В соавт. с Г.В. Кубаревым).
284. Noble turk grave in Balyk-Sook (Central Altai) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2003. – N 3 (11). – P. 64-82. (В соавт. с Г.В. Кубаревым).
285. Об экологии алтайских высокогорий в древности и в современности // Алтайский Вестник. – Барнаул: Изд-во 21 век, 2003. – № 2(4). – С. 39-41.
286. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – № 11. – С. 23-35.
287. Каменные изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной и Средней Азии // V Конгресс этнографов и антропологов России. – 9-12 июня 2003. – Омск, 2003.
288. Притяжение Алтая. Заметки археолога // Журнал «Восточная коллекция». Осень 2003. – С. 26-33.
289. Продолжение исследований петроглифов в долине р. Хар-Салаа (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 381-383. (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон)
290. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 373-376. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, А. Розвадовски).
291. Сравнительный анализ сюжетов росписей гробниц Когурё и Каракола (Алтай) // Исследования культуры Когурё. – Материалы 9 межд. конф. – 22-23 окт. – Том. 16. – Сеул. – 2003. – С. 41-65. (На русском и корейском яз.).
292. Обследование петроглифов Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 377-380. (В соавт. Со Гилсу, Со Джинсу).
293. Цагаан Салаа, Бага Ойгорын хадны зурган дээрх анчин дайчдын (Изображения воинов и охотников в петроглифах Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура) // Хар Сулд (ж/л Черное (военное) Знамя). – Улан-Батор, 2003. – № 1(2). – Том. III. – С. 11-24. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем, Ж. Базарсурэном, Ц. Очирхуягом).

2004

294. Древние каменные стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 28-38.
295. Ancient steles and sculptures in the ceremonies and superstitions of Central Asian peoples // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2004. – N 1. – P. 28-38.
296. Алтай – древняя сокровищница Азии // VI Рериховские чтения «Зов Будущего». – Новосибирск: Изд-во СИБРО, 2004. – С. 62-64.
297. Recent rock art research in the Altai mountains (Russia) // International newsletter on rock art. – Paris, 2004. – С. 6-12. (With G.V. Kubarev and A Rozwadowski).
298. Лошади и колесницы в петроглифах Монгольского Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2004. – № 12. – С. 12-27.

299. **14. Путешествие в страну «стерегущих золото грифов»:** Из полевого дневника археолога. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 134 с.
300. Древнейшие изобразительные памятники Монголии и Алтая: проблемы хронологии и интерпретации // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова): Сб. статей. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 228-242.
301. РЕЦЕНЗИЯ на книгу З. Самашева, В.П. Мыльникова «ДЕРЕВОБРАБОТКА У ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ» (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: ОФ Бурел, 2004. – 312 с. (На англ. и русск. яз) // ж/л Shanar-Культура. – 2004. – № 2. – С. 202.
302. РЕЦЕНЗИЯ на книгу З. Самашева, В.П. Мыльникова «ДЕРЕВОБРАБОТКА У ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ» (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: ОФ Берел, 2004. – 312 с. (На англ. и русск. яз) // Археология и этнография Алтая. Сб. научн. тр. – Горно-Алтайск: Изд-во ин-та алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 135-138.
303. О работах на Монгольском Алтае // АО 2003 года. – М.: Наука, 2004. – С. 504-506. (В соавт. Э. Якобсон, Д. Цэвээндорж).
304. О работах на Российском Алтае // АО 2003 года. – М.: Наука, 2004. – С. 425-427.
305. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 65-81.
306. The weaponry of early nomads in Altai rock art // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2004. – N 3 (19). – P. 65-81.
307. Жилища древних кочевников в петроглифах Монгольского Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ. Сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во Алт. Гос. Ун-та, 2004. – С. 63-68.
308. Образ верблюда в петроглифах Алтая и Казахстана // Интеграция археологических и этнографических исследований – Алматы; Омск: Издательский дом «Наука», 2004. – С. 214-216.
309. Олений камень из урочища Кызыл-Джар (Алтай) // Изобразительные памятники: стиль эпоха, композиции. – СПб.: СПб. Гос.Ун-т, 2004. – С. 279-283. 4 стр. + 1 илл.
310. О петроглифах горы Чандмань Хар узуур (Ховд аймак, Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 296-300.
311. Петроглифы Хар-Чулуу (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 309-314. (В соавт. с Г.В. Кубарев, Д. Цэвээндорж). – 0,3 п.л.
312. О древнетюркских поминальных оградках в устье Хар-Салаа (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 301-305. (В соавт. с Г.В. Кубаревым). – 0,3 п.л.
313. Обследование петроглифов Алтая в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 306-308. (В соавт. с Со Гилсу, Со Джинсу).
314. Об открытии петроглифов у горы Шивээт-Хайрхан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 315-320. (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон, Г.В. Кубаревым).
315. Завершение полевых исследований на Монгольском Алтае // АО 2004 года. – М.: Наука, 2005. – С. 425-427. (В соавт. Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон). – 0,1 п.л.

2005

316. О новом памятнике наскального искусства Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – С. 75-79.
317. Древние стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии // Урал-Алтай: через века в будущее. – Горно-Алтайск: ИА им. С.С. Суразакова, 2005. – С. 8-16.
318. Счастливый случай в Чуйской котловине // ж/л Восточная коллекция. – № 2 (21). – Лето 2005. – С. 147-154. – 1 п.л.
319. Диадемы и гривны из курганов древних кочевников Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1. – С. 55-69.
320. Diadems and torques from the burial mounds in of the Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2005. – N 1. – P. 55-69.
321. О новых сюжетах из петроглифов Хох-Чуллу (Монгольский Алтай) // Мир наскального искусства. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 144-148.
322. Об открытии памятника наскального искусства у г. Шивээт-Хайрхан (Монгольский Алтай) // Гуманитарные науки в Сибири (в соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон). – 2005. – № 3. – С. 8-10.
323. Наскальные шедевры Шивээт-Хайрхана (по итогам североазиатской экспедиции 2004 года) // Мат-лы юбилейн. конф. "Великая семья России", 9-10 окт. 2004 г. – Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2005. – С. 154-163.
324. **15. Арал толгойн хадны зураг (Петроглифы Арал толгой. Монголия).** – Улаанбаатор: Монгол улс шинжлэх ухааны Академи археологийн Хурээлэн (Институт археологии МАН), 2005. – 204 с. (в соавт. Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон).
325. Интерпретация и хронология некоторых сюжетов и персонажей Арал-Толгоя // Арал толгойн хадны зураг (Петроглифы Арал толгой. Монголия). – Улаанбаатор: Монгол улс шинжлэх ухааны Академи археологийн Хурээлэн (Институт археологии МАН), 2005. – С. 80-102.
326. Алутай: Найрику Азия ивага-гейдзуцу но сэйнару тюсин (Алтай: Сакральный центр наскального искусства Центральной Азии) // The World of Cultural Heritade. – Vol. 18. – P. 12-15. (3 стр. текста на японск. яз. + 22 илл.) – 1,0 п.л.
327. Палеоэкономика населения алтайских высокогорий // Степной бюллетень. Лето 2005, № 18. – Новосибирск: НГУ, 2005. – С. 48-51.
328. Алтай – сакральный центр всей Азии // Росиа алтаи амгахваый сэге (Мир петроглифов Российского Алтая). – Сеул: Общ-во изу-ия петрогл. Кореи, 2005. – С. 9-34. – 2 п.л.
329. Об одном традиционном сюжете в петроглифах Центральной Азии // «Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия». – Красноярск: РИО КГПУ им. В.И. Астафьева, 2005. – С. 172-175.
330. Петроглифы Арал-Толгоя и проблемы датирования древних изобразительных памятников Алтая и Монголии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – Вып. 2. – С. 13-29.
331. Исследования Российско-Корейской экспедиции на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005). – Новосибирск: ИА-Эт СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 364-367. (В соавт. с Им Се Гвон, Сонг Хва Соб, Чанг Мёнг Су, Пак Гын Гунн, Ри Ха Ву, Г.В. Кубаревым, О.Н. Хохловой, Ким Хо Сук, Банг Кук Чжин). – 0,4 п.л.
332. **16. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай).** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с. (В соавт. с Цэвээндоржем, Э. Якобсон). – 75 п.л.
333. Оригинальные и традиционные сюжеты в петроглифах Хар-Чулуу (Монгольский Алтай) // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – С. 187-190.

334. Г.Н. Потанин: первооткрыватель памятников каменотесного искусства Алтая // Г.Н. Потанин и народы Алтае-Саянского горного региона: через поколения в будущее. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2005. – С. 138-142. – 0,3 п.л.

2006

335. Некоторые итоги исследований двух международных экспедиций в Монголии и на Алтае // II Северный Археологический Конгресс 2006. Тезисы докл. – Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид». – 2006 – С. 210-211. (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон, Сонг Хва Соб). – 0,1 п.л.
336. Памятник эпохи бронзы у горы Шибе (Восточный Алтай) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ГУ, 2006. – С. 82-84. – 0,3 п.л.
337. Астральная символика и древние мифы в петроглифах Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – Выпуск 3, 4. – С. 46-56. – 1 п.л.
338. Археологические исследования на Алтае: взгляд в прошлое и перспективы на будущее // Алтай–Россия: через века в будущее. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2006. – С. 47-51. – 0,5 п.л.
339. Авифауна Центральной Азии по археолого-этнографическим и письменным источникам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 87-103. (В соавт. с В.И. Забелиным). – 2,0 п.л.
340. Avian fauna in Central Asian rock art: archaeological and ethnological evidence // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2006. – N 2. – P. 87-103. (With V.I. Zabelin).
341. О работах Российско-Монгольско-Американской экспедиции по изучению наскальных изображений Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 3. – С. 8-12. – 0,4 п.л.
342. A New Petroglyphic Complex in Bayan Ölgii Aimag, Mongolia // International Newsletter on Rock Art. – 2006. – № 45. – P. 23-27. (В соавт. с E. Jacobson and D. Tseveendorj).
343. The Rock Art of Mongolia. The Silk Road. – 2006. – № 4 (1). – P. 5-12. (E. Jacobson and D. Tseveendorj).
344. Приношения каменным предкам // Восточная коллекция. – 2006 – № 2. – С. 119-125. (+ 35 фотографий). – 1,0 п.л.
345. Конь и всадник в петроглифах Алтая // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 308-310. – 0,3 п.л.
346. Конь и всадник в петроглифах Монгольского Алтая // Центральная Азия и Казахстан: истоки тюркской цивилизации. – Тараз, 2006. – С. 233-239. – 0,6 п.л.
347. Оленные камни – загадочные памятники древнего искусства Сибири // Атлас Сибири. – 0,5 п.л.
348. Kubarev V.D. Kriegsthema und Waffenkult in Felsenzeichnungen des Altaigebirges (Тема войны и культ оружия в наскальных изображениях Алтая) // Arms and Armour as indicators of cultural transfer. The steppes and the ancient world from Hellenistic times to the early Middle Ages. Nomaden und Sesshafte. Band 4. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2006. – S. 3-18. – 2,1 п.л.
349. Сохранить для потомков. Наскальное искусство древних тюрок Алтая // Алтайдын Чолмоны (Приложение Родник). – 24 августа 2006. – № 34. – 0,2 п.л.
350. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 41-54. – 2 п.л.
351. Myths and rituals impressed in petroglyphs of the Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2006. – N 3. – P. 41-54. – 2 п.л.
352. Древние письмена на камнях Алтая // Звезда Алтая. – 24 августа 2006. – 0,1 п.л.

353. Наскальные шедевры тюрок Алтая // Наука в Сибири. – Сентябрь 2006. – № 38. – 0,1 п.л.
354. Горные «храмы» под голубым небом Алтая // Звезда Алтая. – Июнь 2006. – 0,2 п.л.
355. Каменные изваяния алтайских гор // Звезда Алтая. – Июнь 2006. – 0,1 п.л.
356. Петроглифы Билуут-Толгой (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 381-385. (В соавт. с Х. Едильханом).
357. Исследование древнетюркских оградок в устье Чаганузуна (Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 392-396. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, И.Ю. Слюсаренко).
358. Каракол: новые материалы эпохи бронзы Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 389-391. (В соавт. с А.С. Суразаковым)
359. Мониторинг памятников наскального искусства Монгольского Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 386–388. (В соавт. с Со Гилсу, Со Джинсу, Г.В. Кубаревым). – 0,3 п.л.
360. **17. Mongolie du nord-ouest: Haut Tsagaan Gol** // Répertoire des pétroglyphes d'Asie centrale, fascicule N°7. – Paris, Diffusion de Boccard, 2006. – Vol. 2. – Texte et figures 444 p., 1303 pictogrammes, Planches 380 p., 12 cartes, 706 photo. (В соавт. Е. Jacobson-Tepfer, D. Tseveendorj). – 82 п.л.
361. Археологические памятники бассейна Урсула: некоторые итоги и перспективы изучения // Мат-лы межд. Конф. «Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегия и перспективы» (Горно-Алтайск: 28-31 марта 2006 г.) – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. – С. 65-72 (на русск. яз.). – С. 235-241 (на англ. яз) – 0,4 п.л.

2007

362. Арал-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 111-126. – 1,7 п.л.
363. Aral-Tolgoi: new memorial rock art of Mongolia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2007. – N 1. – P. 111-126. – 1,7 п.л.
364. Древнетюркские изваяния Алтая в контексте природного ландшафта // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – С. 43-49. – 0,5 п.л.
365. О проблемах изучения и сохранения древнетюркских мемориалов на заповедных территориях Алтая // прочитан доклад на межд. Конгрессе «The First International Congress of Eurasian Archaeology». – Измир. 1,5 п.л. – (Тезисы докл. 21-24 мая, г. Измир: С. 121-124 – на турецком и русском яз.).
366. Палеоэкономика населения Монгольского Алтая (по наскальным изображениям и этнографическим источникам) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. История и культура востока Азии. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – С. 275-285.
367. Изваяние эпохи бронзы из долины реки Нижний Инегень // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сборник научных тру-

- дов. (Труды САИПИ. Вып. 3.). – Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. – С. 33-36. (Прочитан доклад на конф. в соавт. с Г.В. Кубарев, Е.П. Маточкин). – 0,4 п.л.
368. Билуут-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3. – С. 63-68. – 0,5 п.л.
369. Biluut-Tolgoi: A new rock art site in Mongolia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2007. – N 3. – P. 63-68. – 0,5 п.л.
370. Сюжеты и образы петроглифов Билуут-Толгой (Монгольский Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Выпуск 5. – С. 20-25. – 0,7 п.л.
371. О знаках-символах в петроглифах Биллут-Толгоя (Монгольский Алтай) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. ГУ. – 2007. – С. 97–100. (Прочитан доклад на конф., в соавт. с Х. Едилхан). – 0,4 п.л.
372. **18. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула).** – Барнаул: Изд-во Алт. ГУ. – 2007. – 282 с. (В соавт. с П.И. Шульгой). – 32 п.л.
373. Завершение работ на петроглифах Хар-Яматын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – Ч. I. – С. 288-292. (В соавт. с Со Гилсу, Г.В. Кубаревым). – 0,2 п.л.
374. Калбак-Таш II: Памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – Ч. I. – С. 282-287. – 0,3 п.л. + 2 илл.
375. Конь и всадник в искусстве древних кочевников // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Выпуск 6. – С. 52-75. – 1,8 п.л.
376. «Случайная» находка в логу Бураты (Восточный Алтай) // Nota Bene: Сборник научных трудов. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. – С. 92-94. – 0,3 п.л.
377. **19. Каменные изваяния алтайских гор. Кожого Таш.** – Фотоальбом. Предисловие и слайды В.Д. Кубарева. Составитель В.Э. Кыдыев. – Горно-Алтайск: Изд-во Ак-Чечек, 2007. – 167 с. – 17 п.л.
378. Образ хищника в петроглифах Шивээт-Хаирхана (Монгольский Алтай) // Конф. Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. Флоринского. ТГУ. – Томск, 2007. – С. 129-135. – 0,8 п.л.
379. Исследование древнетюркских памятников в долине Хар-Яматын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. Ч. I. – С. 298-303. (В соавт. В соавтор. Г.В. Кубарев, Со Гилсу, Д. Цэвээндоржем, Г. Лхундэв, Н. Баярху, Ким Хый Чхан, Кан Сом, Чжон Вон Чхоль). – 0,3 п.л. + 2 илл.

2008

380. Искусство древних кочевников Центральной Азии в петроглифах Алтая // Культура номадов Центральной Азии. Материалы международной конференции, Самарканд, 22-24 ноября 2007 г. – Самарканд: МИЦАИ, 2008. – С. 103-107.
381. Каракол – Калбак-Таш: проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Алтая // VII Рериховские Чтения. «Ступени восхождения». Мат-лы конф. 4–5 ноября. – Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2008. – С. 188-204. – 1.0 п.л.

382. О происхождении и эволюции скотоводства в Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Мат-лы VIII межд. конф. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – С. 56-59. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем). – 0,4 п.л.
383. Наскальное искусство Ульсана и исследования российско-корейской экспедиции в Центральной Азии // Древние культуры Евразии и петроглифы Пангудэ в районе г. Ульсан. (Мат-лы межд. конф.) – Ульсан: Society for Korean Bronze Culture, 2008. – С. 14-34. – 1,7 п.л.
384. Петроглифы Пангудэ и их место среди петроглифов Евразии // Древние культуры Евразии и петроглифы Пангудэ в районе г. Ульсан. (Мат-лы межд. конф.) – Ульсан: Society for Korean Bronze Culture, 2008. – С. 1-13. (перевод Кан Ин Ук, на корейск. яз.) – 1,1 п.л.
385. Конь и всадник в искусстве кочевников Центральной Азии // Древние культуры Евразии и петроглифы Пангудэ в районе г. Ульсан. (Мат-лы межд. конф.) – Ульсан: Society for Korean Bronze Culture, 2008. – С. 51-75. – 1,2 п.л.
386. Искусство пазырыкской культуры Алтая: петроглифы и курганы с каменной насыпью // Древние культуры Евразии и петроглифы Пангудэ в районе г. Ульсан. (Мат-лы межд. конф.) – Ульсан: Society for Korean Bronze Culture, 2008. – С. 77-103. (Перевод Кан Ин Ук, на корейск. яз.). – 1,8 п.л.
387. Вспомним учителя... // Окно в неведомый мир. Сб. статей к 100-летию А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – С. 46-51. – 0,7 п.л.
388. Конь и всадник в искусстве древних кочевников Центральной Азии // Сборник статей, посвященный юбилею С.В. Ошибкиной. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 464-474. – 1,4 п.л.
389. Сорок лет среди алтайских древностей // Труды II (XVIII) Всероссийск. археологич. съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 257-259. (В соавт. с Г.В. Кубаревым). – 0,3 п.л.
390. Итоги и перспективы изучения изобразительных памятников Алтая // Труды II (XVIII) Всероссийск. археологич. съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 49-53. – 0,8 п.л.
391. Два редких рисунка эпохи бронзы из Чуйской котловины (Восточный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Выпуск 7. – С. 3-5. – 0,4 п.л.
392. Чашечные камни Беш-Озека // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Выпуск 7. – С. 17-23. (В соавт. с В.П. Ойношевым, А. Розвадовски). – 0,5 п.л.
393. «Каменные бабы» Алтая // Тюркское наследие Евразии VI–VII вв.н.э. (научно-популярный альбом). – Астана: «KULTEGIN», 2008. – С. 112-128.
394. About cultural contacts of people in Central Asia in bronze age // The Third International Conference on Turfan Studies: “The Origin and Migrations of Eurasian nomadic peoples”. – 19th–27th October. The Xinjiang Uygur Autonomous Region. – Turfan: 2008, – P. 112. (На англ. и китайск. яз.).
395. Конь и всадник: в эпосе, погребальной традиции и в наскальном искусстве Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 143-146. – 0,3 п.л.
396. Исследование древнетюркских оградок в местности Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 175-179. (В соавт. с Г.В. Кубаревым). – 0,3 п.л. + 2 илл.
397. Академик Алексей Павлович Окладников – выдающийся ученый-гуманитарий, педагог, организатор и популяризатор науки (3.10.1908–18.11.1981) // Гуманитарные науки в

- Сибири. Серия: Филология. – № 4. – 2008. – С. 3-4 (В соавт. с А.П. Деревянко, В.И. Молодиным, В.И. Бойко, А.В. Бауло, М.В. Шуньковым, О.И. Новиковой, И.В. Асеевым, Р.С. Васильевским, Е.И. Деревянко, В.Е. Ларичевым, В.Е. Медведевым, Ю.С. Худяковым).
398. Алексей Павлович Окладников. К 100-летию со дня рождения (3.10.1908–18.11.1981 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 151-152. (В соавт. с А.П. Деревянко, В.И. Молодиным, В.И. Бойко, А.В. Бауло, М.В. Шуньковым, О.И. Новиковой, И.В. Асеевым, Р.С. Васильевским, Е.И. Деревянко, В.Е. Ларичевым, В.Е. Медведевым, Ю.С. Худяковым).
399. Евгения Ивановна Деревянко // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 156-157. (В соавт. с В.И. Молодиным, Л.Н. Мыльниковой, В.П. Мыльниковым, С.П. Нестеровым, А.В. Табаревым, В.Д. Кубаревым, Н.В. Полосьмак, А.И. Соловьевым, Ю.С. Худяковым).
400. Некоторые результаты изучения петроглифов Восточного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 181-183. (В соавт. с А. Розвадовски, Г.В. Кубаревым). – 0,3 п.л. + 2 илл.
401. «Каменные бабы» Алтая // Тюркское наследие Евразии VI–VII вв. до н.э. (научно-популярный альбом). – Астана: «KULTEGIN», 2008. – С. 112-128. – 1,2 п.л.
402. Хаар Ямаатын турэгийн уеийн дурсгалуудын малтлагын ур дун (Результаты раскопок памятников тюркского периода, проведенных, в местности Хар Ямат) // АС. – УБ.: 2008. – Т. (VI) XXVI. F. 13. – С. 258-273. (В соавт. с Д. Цэвээндоржем, Г. Лхундэв, Г.В. Кубаревым, Н. Баярху). (На монг. яз). – 2,9 п.л.

2009

403. **20. Памятники каракольской культуры Алтая.** – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – 264 с. – 28,5 п.л.
404. Два изваяния эпохи бронзы в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 34-38. – 1,0 п.л.
405. Two Bronze Age steles in Gorny Altai Biluut-Tolgoi: A new rock art site in Mongolia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2009. – N 1. – P. 34-38. – 1,0 п.л.
406. Изваяния древних тюрков Алтая и Казахстана (общее и особенное) // Мат-лы межд. конф. Казахстан: прошлое, настоящее и будущее». – Астана, 2009. Культурное наследие. – № 1 (22). – С. 44-46. – 0,9 п.л.
407. **21. Петроглифы Шивээт-Хаирхана (Монгольский Алтай).** – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с. – 49 п.л.
408. Научные экскурсии по археологическим памятникам Монгольского Алтая // Полевые практики в системе высшего профессионального образования. Материалы III Международной конференции. – Новосибирск: НГУ, 2009. – С. 203-207.
409. Исследования древнетюркских поминальных сооружений на Алтае // АО 2006. – М: Наука, 2009. – С. 596-597. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, И.Ю. Слюсаренко).
410. Полевые исследования российско-корейской экспедиции на Монгольском Алтае // АО 2006. – М: Наука, 2009. – С. 690-692. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, Со Гилсу, Со Джинсу).
411. Пещерный человек (*Homo trogloditus sibiricus*) // *Homo Eurasicus* у врат искусства: Сборник научных трудов. – СПб: Астерион, 2009. – С. 60-75. – 1,8 п.л.
412. Новые древнетюркские изваяния Алтая // I конгресс средневековой археологии Евразийских степей «Этнокультурное взаимодействие народов Евразии в эпоху средневековья (I – первая половина II тыс. н.э.)». Тез. докл. – Казань, 2009. – С. 124-125. – 1,0 п.л.
413. Наскальное искусство Монгол Алтай Цагаан Сала, Бага Ойгорын хадны зураг дахь ухрийн дурийн тухай (Образы быков и коров в петроглифах Цагаан Сала, Бага Ой-

- гур Монгольского Алтая) // Монголын Археологийн Судалгаа VI (Археологические исследования Монголии 2003-2007). – Улан-Батор, 2009. – Тал. 45-79. (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон, Ц. Очирхуяг). (На монг. яз). – 2,9 п.л.
414. Наскальные изображения горы Шивээт-Хаирхана (Монгольский Алтай) // Монголын Археологийн Судалгаа VI (Археологические исследования Монголии 2003-2007). – Улан-Батор: АН МНР, 2009. – С. 80-91. (На монг. яз). (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон, Ц. Очирхуяг). – 0,8 п.л.
415. Цагаан Салаа, Бага Ойгорын хадны зурган дээрх анчин дайчдын дур // Монголын Археологийн Судалгаа VI (Археологические исследования Монголии 2003-2007). – Улан-Батор: АН МНР, 2009. – Тал. 125-137. (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Ж. Базарсурен, Ц. Очирхуяг). (На монг. яз). – 0,9 п.л.
416. Цагаан Салаа, Бага Ойгорын хадны зураг дахь адуу, тэмээний дур (Образы лошадей и верблюдов среди петроглифов Цагаан Салаа, Бага Ойгор) // Монголын Археологийн Судалгаа VI (Археологические исследования Монголии 2003-2007). – Улан-Батор: АН МНР, 2009. – Тал. 188-205. (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Ц. Очирхуяг). (На монг. яз). – 1,6 п.л.
417. Пещерный человек (*Homo trogloditus sibiricus*) // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: Красноярский краеведческий музей, 2009. – Вып 4. – С. 12-21. – 1,5 п.л.
418. Об открытии памятника наскального искусства у горы Шивээт-Хаирхан // Монголын Археологийн Судалгаа VI (Археологические исследования Монголии 2003-2007). – Улан-Батор: АН МНР, 2009. – Тал. 313-315. (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон). – 0,4 п.л.
419. Изображения жилищ – погребальных сооружений древних кочевников в петроглифах Монгольского Алтая // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий (Материалы VII Сибирских чтений, 23-24 окт. 2007). – СПб., 2009. – Кн. 1. – С. 162-166.
420. Два чашечных камня из села Беш-Озек (Республика Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 302-306. – 0,3 п.л.
421. Петроглифы Хар-Чулуу (Монгольский Алтай) // Монголын археологийн судалгаа (Эрдэм шинжилгээний өгуулэл, илтгэлийн эмхэтгэл) 2003-2007. – Уланбатор, 2009. – С. 213-218. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, Д. Цэвээндорж).
422. Об открытии петроглифов у горы Шивээт-Хайрхан (Монгольский Алтай) // Монголын археологийн судалгаа (Эрдэм шинжилгээний өгуулэл, илтгэлийн эмхэтгэл) 2003-2007. – Уланбатор, 2009. – С. 219-223. (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон, Г.В. Кубаревым).
423. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-гол (Монгольский Алтай) // Монголын археологийн судалгаа (Эрдэм шинжилгээний өгуулэл, илтгэлийн эмхэтгэл) 2003-2007. – Уланбатор, 2009. – С. 565-570. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, Со Гилсу, Д. Цэвээндорж, Г. Лхундев, Н. Баярхуу, Ким Хый Чхан, Кан Сом, Чжон Вон Чхоль).
424. Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 307-311. (В соавт. с Г.В. Кубаревым).
425. Исследование поминального комплекса V – начала VI вв. Аржан-Бугузун на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 312-316. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, И.Ю. Слюсаренко).
426. Поясные сумочки в костюме древних тюрков Алтая // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий (Материалы VII Сибирских чтений, 23-24 окт. 2007). – СПб., 2009. – Кн. 1. – С. 155-161. (В соавт. с Г.В. Кубаревым).

427. Results and prospects of studying ancient art monuments in Mongolia // Current archaeological research in Mongolia. Bonn contribution to Asian Archaeology. – Vol. 4 – Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2009. – S. 67-81. – 1,8 п.л.
428. Merkezi Asya petroglifleri kahramanlik destani ve ölü gömme geleneklerinde at (Образ коня в героическом эпосе, погребальной традиции и в петроглифах Центральной Азии) // 1st International Congress of Eurasian archaeology (FICEA). 21-24 May 2007. – Çeşme – Izmir: Institute of Anatolia & Eurasia, 2009. – P. 159-176. (На турец. и рус. языках).
429. Altay'in kutsal bölgelerindeki eski Türk anitlerine genel bakış ve onların koruma sorunları (О проблемах изучения и сохранения древнетюркских мемориалов на заповедных территориях Алтая) // 1st International Congress of Eurasian archaeology (FICEA). 21-24 May 2007. – Çeşme – Izmir: Institute of Anatolia & Eurasia, 2009. – P. 177-192. (На турец. и рус. языках).

2010

430. **22. Шивээт хайрханы хадны зураг.** – Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн хурээлэнгийн хэвлэл, 2010. – 442 с. (В соавт. с Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон). – 49 п.л.
431. Хар-Чулуу: новый памятник наскального искусства Монгольского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2. – С. 63-68. – 1,0 п.л.
432. Har-Chulyu: A new rock art site in Mongolia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2010. – N 2. – P. 63-68. – 1,0 п.л.
433. О результатах исследования древнетюркского погребально-поминального мемориала в долине р. Хар-Яматын-гол (Монгольский Алтай) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). – Самара: Офорт, 2010. – С. 54-56. (В соавт. с Г.В. Кубаревым).
434. Исследование древнетюркского погребально-поминального комплекса в Монгольском Алтае // АО 2007. – М: Наука, 2010. – С. 6. (В соавт. с Г.В. Кубаревым, Со Гилсу, Д. Цэвээндорж).
435. Исследования Российско-Корейско-Монгольской экспедиции (Монгольский Алтай) // АО 2007. – М: Наука, 2010. – С. 5. (В соавт. с Со Гилсу, Г.В. Кубаревым).
436. Некоторые итоги полевых работ международных экспедиций на Алтае и в Монголии (1993-2009 гг.) // Меж. научн. конф.: «История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай)». – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2010. – 1,6 п.л.
437. История изучения святилища Калбак-Таш (Республика Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. – № 3 (15). – С. 43-58.
438. Раскопки в Чемальском и Усть-Канском районах Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 202-205. (В соавт. с С.М. Киреевым, В.П. Ойношевым, Л.М. Чевалковым).
439. Древнетюркские изваяния Себистея (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 335-338. (В соавт. с А.В. Эбелем, Ж. Буржуа, В.И. Соёновым).

2011

440. **23. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай).** – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с. – 50 п.л.
441. Протошаманы алтайских гор // VIII Рериховские Чтения «Культура победительница». 7–8 ноября 2009 г. – Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2011. – С. 203-220.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азбелев Павел Петрович – методист 1-й категории (с.н.с.) Государственного Эрмитажа. 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, НПО. Тел.: +7(911)713-11-61, e-mail: azb13@hotmail.com

Головченко Николай Николаевич – студент IV курса исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии. 656031, г. Барнаул-31, ул. Молодежная, 55. АлтГПА. [Http://vk.com/id5025481#/id51314271](http://vk.com/id5025481#/id51314271)

Киреев Сергей Михайлович – старший научный сотрудник отдела фондов Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46. Тел./факс: 8(388-22)2-26-53, e-mail: musey_anohin@mail.ru

Константинов Никита Александрович – научный сотрудник Музейного комплекса Горно-Алтайского государственного университета, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии, аспирант кафедры археологии, этнологии и источниковедения. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, ГАГУ. E-mail: knikita1988@mail.ru

Кубарев Владимир Дмитриевич – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), профессор Института археологии Монгольской Академии Наук (г. Улан-Батор), доктор исторических наук

Кубарев Глеб Владимирович – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. ИАЭт СО РАН. E-mail: gvkubarev@gmail.com

Маточкин Евгений Палладиевич – доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии художеств. 630090, г. Новосибирск, ул. Академическая, 34-24. E-mail: pallady@ngs.ru

Моносков Владимир Михайлович – учитель истории Республиканской национальной гимназии им. В.К. Плакаса. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 44/1. БОУ РА «Республиканская гимназия им. В.К. Плакаса»

Соёнов Василий Иванович – заведующий Научно-исследовательской лабораторией по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета, доцент кафедры археологии, этнологии и источниковедения, кандидат исторических наук, доцент. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, 16-5. E-mail: soyonov@mail.gornyu.ru

Соёнов Денис Васильевич – научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета, аспирант кафедры археологии, этнологии и источниковедения. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, ГАГУ. E-mail: soyonovd@mail.ru

Степанова Надежда Федоровна – старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул-49, пр. Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)66-84-23, e-mail: nstepanova@mc.asu.ru; nstepanova10@mail.ru

Суразакова Ирина Васильевна – студентка IV курса исторического факультета Горно-Алтайского государственного университета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, ГАГУ.

Телегин Андрей Николаевич – старший преподаватель кафедры отечественной истории Алтайской государственной педагогической академии. 656031, г. Барнаул-31, ул. Молодежная, 55. АлмГПА. E-mail: chair@uni-altai.ru

Трифанова Сынару Вениаминовна – заведующая Музейным комплексом Горно-Алтайского государственного университета, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, ГАГУ. E-mail: trifanovasv@mail.ru

Штанакова Евгения Александровна – научный сотрудник отдела фондов Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета, аспирантка кафедры археологии, этнологии и источниковедения. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, ГАГУ. E-mail: shtanakova.evgenia@yandex.ru

Эбель Александр Викторович – доцент кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета, научный сотрудник Научно-исследовательской лабораторией по изучению древностей Сибири и Центральной Азии, кандидат исторических наук, доцент. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1, ГАГУ. E-mail: avebel@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Соёнов В.И. (г. Горно-Алтайск, Россия) ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНОСТЕЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ГАГУ в 2011 г.	3
Степанова Н.Ф. (г. Барнаул, Россия) МОГИЛЬНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ с.ЕЛО В ГОРНОМ АЛТАЕ (материалы к своду памятников)	9
Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Соёнов Д.В., Штанакова Е.А., Эбель А.В. (г. Горно-Алтайск, Россия) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХОВЬЕВ р.ПЕСЧАНОЙ	27
Головченко Н.Н., Телегин А.Н. (г. Барнаул, Россия) КОЖАНЫЕ И ВОЙЛОЧНЫЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ НОСИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СКИФО-САКСКОГО МИРА: МОРФОЛОГИЯ И НАЗНАЧЕНИЕ	70
Маточкин Е.П. (г. Новосибирск, Россия) ПЕТРОГЛИФЫ ТЕРЕКТУ-ДЪУЛА	73
Киреев С.М., Штанакова Е.А., Моносов В.М. (г. Горно-Алтайск, Россия) УКРАШЕНИЯ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ БУГУЗУНА (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)	85
Азбелев П.П. (г. Санкт-Петербург, Россия) ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ ТРИАДА	94
 <u>МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ</u>	
Суразакова И.В. (г. Горно-Алтайск, Россия) ВЕЩИ ДЛЯ УХОДА ЗА ВНЕШНИМ ВИДОМ ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ	109
 <u>МАТЕРИАЛЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ В.Д. КУБАРЕВА</u>	
Кубарев Г.В. (г. Новосибирск, Россия) КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	115
СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ В.Д. КУБАРЕВА	120
 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА	142

Научное издание

ДРЕВНОСТИ
СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
№ 4(16)

Сборник научных трудов

Ответственный редактор – В.И. Соёнов

Статьи публикуются в авторской редакции

*Составление, оформление, компьютерная верстка,
корректурa, макет – В.И. Соёнов*

Начальник редакционно-издательского отдела – ***А.Ю. Казанцев***

Подписано в печать 03.04.2012. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. – 19,0. Заказ № 46.
Тираж – 300 экз.

РИО Горно-Алтайского государственного университета.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д.1

Отпечатано полиграфическим отделом
Горно-Алтайского государственного университета.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д.1

Фото к статье **Соёнова В.И.** ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ
ДРЕВНОСТЕЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ГАГУ в 2011 г.

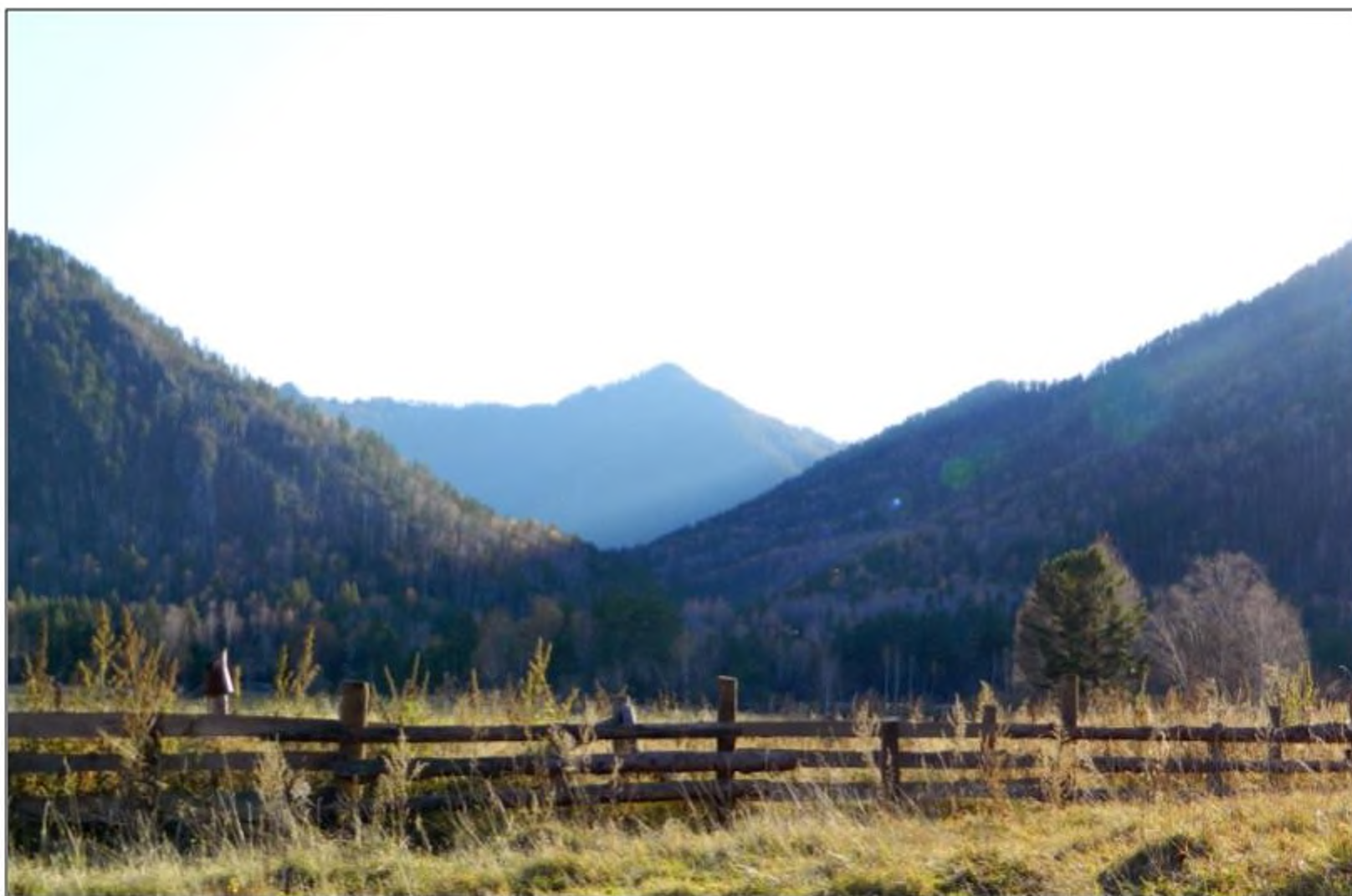

Фото 1. Вид на долину Емурлы, где расположено городище.

Фото 2. Участок линии укрепления Емурлинского городища.

Фото 3.

Фото 4.

Фото 5.

Фото 3-5. Современный вид раскопанных афанасьевских объектов на могильниках Нижний Тюмечин-1 (3,4) и Ело-Баши (5).

Фото к статье Соёнова В.И., Трифановой С.В., Константинова Н.А.,
Соёнова Д.В., Штанаковой Е.А., Эбеля А.В.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХОВЬЕВ р.ПЕСЧАНОЙ

Фото 1.
Разведочные работы
на р. Песчаной.

Фото 2.
Каменный инвентарь.
Местонахождение Ортолык-3.

Фото 3.
Фрагменты
керамических
сосудов.
Поселение
Дергун-1.

Фото к статье Киреева С.М., Штанаковой Е.А., Моносова В.М.
УКРАШЕНИЯ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ БУГУЗУНА (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

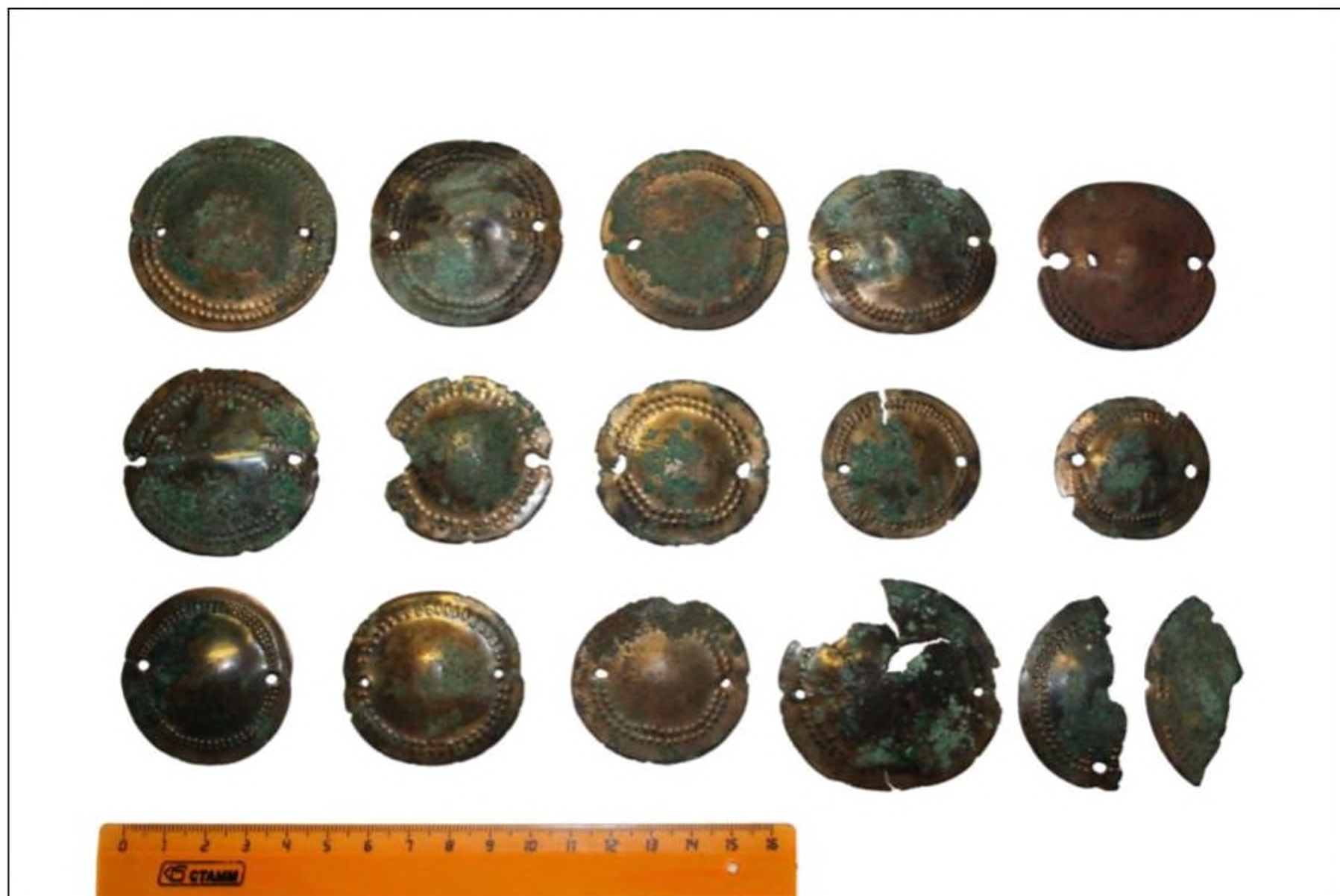

Фото 1. Бронзовые бляшки.

Фото 2. Подвески из клыков марала.

Фото 3. Бусины-нашивки из раковин.

Фото 4. Технологические особенности подвесок из клыков марала (1) и бронзовых блях (2-5).

ФОТО К БИОГРАФИЧЕСКОМУ ОЧЕРКУ В.Д. КУБАРЕВА

Фото 1.
Кубарев В.Д.
около тюркского изваяния.
Кеме-Кечу, р. Аргут. 1981 г.

Фото 2. Кубарев В.Д. у каракольской плиты. г. Новосибирск, 2006 г.